

Серия «Евровосток»

Ирина Михутина

УКРАИНСКИЙ БРЕСТСКИЙ МИР

ПУТЬ ВЫХОДА РОССИИ
ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ
СОВНАРКОМОМ РСФСР
И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНСКОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

Москва
Издательство «Европа»
2007

УДК 94
ББК (Т)63.3(0)61
М 87

Серия «Евровосток»
основана в 2005 году в Москве

Ирина Михутина

М 87 Украинский Брестский мир. – М.: Издательство «Европа»,
2007. – 288 с. – (Евровосток)

Что мы знаем о подлинной истории подписания Брестского мира? Почти ничего. Какие-то обрывки из советских книг и кинофильмов, которые служили в первую очередь иллюстрацией к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)». Отрывочные абзацы из учебников, которых уже почти никто не помнит. Между тем долгая эпопея переговоров о сепаратном мире между революционной Россией, с одной стороны, и Германией с ее союзниками – с другой, читается как детективный роман. Особую остроту этой истории придает факт, которого не знает никто, кроме немногих специалистов: дипломатическое поражение России в Брест-Литовске было вызвано не только непоследовательностью и авантюристостью петроградских переговорщиков. Ключевую роль здесь сыграл «джокер»: в группе договаривающихся сторон внезапно появился новый партнер – Украинская центральная рада, которой, при всей шаткости ее положения, за спиной делегации из Петрограда удалось подписать с Германией отдельный мирный договор.

What do we know about the true story of the Brest peace accords? Almost nothing. Only some fragmented recollections of the Soviet books and films that mainly served as illustrations to Stalin's «Short history course of the Bolshevik party». These books are cursed with oblivion. However, the lengthy relation of the negotiations that led to a separate peace between the revolutionary Russia from the one side and Germany with its allies on the other reads almost like a detective novel. What makes it especially spicy – a fact that is little known outside a tiny circle of experts – is that the Russian diplomatic defeat in Brest-Litovsk was due not only to the inconsistent adventurism of the Petrograd negotiators. A key role in the game was played by a «joker». A new partner has unexpectedly joined the negotiating table, the Ukrainian Central Rada and – notwithstanding its precarious position – managed to sign a separate peace accord with many behind the back of the Petrograd delegation.

УДК 94
ББК (Т)63.3(0)61

ISBN 978-5-9739-0090-8

© Издательство «Европа», 2007

ОТ АВТОРА

Брестский мир, или заключение мирного договора между Россией с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, которое произошло 3 марта 1918 года, — очень известное событие, давно уже сделавшееся предметом отечественных и зарубежных исторических исследований, мемуаристики, публицистики, драматического жанра и прочих произведений. И все же дипломатическая акция по подготовке мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками протекала в столь необычных, быстро менявшихся и полных неожиданностей условиях внутренней жизни вступивших в переговоры стран, что для полноты картины необходимо рассмотреть важнейшие из этих привходящих условий. Среди них судьбоносным для Брестского мира оказалось неожиданное появление в качестве нового самостоятельного субъекта переговоров Украинской народной республики, провозглашенной первоначально в пределах Российского государства, — «не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее». Тем не менее представители республики заключили с Германией и ее союзниками отдельный мирный договор, что резко изменило соотношение сил на брестских переговорах в ущерб России.

История подготовки и заключения украинского договора на фоне становления Украинской республики, формирования ее внешнеполитических приоритетов в теории и

опровержение их на практике — таков центральный сюжет, давший название книге.

Развитие ситуации в Украине происходило в связи и взаимодействии со многими событиями на территории остальной России. Потому освещение этих событий, а также анализ линии советского руководства в украинском вопросе нашли место на страницах книги.

Кроме того, возникла возможность без предвзятости проанализировать специфику советской политики и дипломатии в связи с брестскими переговорами, чему в решающей мере способствовали выявленные при сборе материала документы и факты, которые прежде по идеологическим мотивам оставались вне поля зрения исследователей.

Автор глубоко признателен сотрудникам Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади і управління — ЦДАВО України), Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые высокопрофессионально и доброжелательно содействовали выявлению документов и дальнейшей работе над ними, послужившими основой предлагаемого труда.

Материалом для изучения поставленных в нем вопросов, во-первых, послужили:

- комплекты правительственных документов — протоколов заседаний Совета народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики из фондов РГАСПИ и ГАРФ; официальных актов и отчетов о сессиях украинской Центральной рады и протоколов заседаний правительства Украинской народной республики — Генерального секретариата, представленных

в двухтомной публикации «Українська центральна рада. Документи і матеріали» (Київ, 1996); копий протоколов засідань ЦИК Советов Украины и правительства — Народного секретариата, в свое время в подборках поступивших в РГАСПИ из архивов Украинской ССР;

- оперативные документы — тексты переговоров по прямому проводу Петроград — Киев на тему урегулирования российско-украинских отношений из ЦДАВО України, фонд ГС.

Во-вторых, материалами этого исследования стали дипломатические документы из АВП РФ, фонда «Мирные переговоры в Брест-Литовске», фонда наркома по иностранным делам, референтур по Германии и Австрии, личных фондов и других источников. Среди них — протоколы переговоров о перемирии и мире, а также оперативный обмен информацией между советской делегацией и правительством: телеграммы, радиограммы, записи переговоров по прямому проводу; оперативные отчеты делегации Центральной рады правительству и инструкции Генерального секретариата делегатам в период неофициальных переговоров украинцев с представителями Четверного союза из фонда ГС ЦДАВО України и копии протоколов официальной стадии этих переговоров — из ГАРФ и АВП РФ, коллекция германских дипломатических документов из публикации «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора» (Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1).

В-третьих, это военные документы из фондов РГВИА, РГАСПИ, АВП РФ, ГАРФ — переписка командования и сводки о состоянии действующей армии, о деятельности группы военных консультантов советской делегации, о боевых действиях отрядов под командованием Владимира

Антонова-Овсеенко против донской контрреволюции и войск Украинской народной республики.

И наконец, это разнообразные документы по теме, выявленные в фондах Владимира Ленина, Секретариата председателя Совета народных комиссаров, Иосифа Сталина, Льва Троцкого (РГАСПИ).

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫХОД РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Россия не может воевать. — Владимир Ленин — Лев Троцкий: переговоры с противником ради мира или для начала революционной войны? — Разведочная и демонстрационная стадия переговоров о перемирии. — Перерыв в переговорах и подготовка в Петрограде к заключению перемирия. — Первые плоды «революционной дипломатии» распространения листовок в стане противника. — Самоубийство члена военной консультации при возобновлении переговоров. — Перемирие заключено. — Начальные контуры переговоров о мире.

Большинству российских политиков, оказавшихся у власти в результате Февральской революции, представлялось, что достаточно сместить неэффективное царское правительство и провозгласить демократические свободы, чтобы обеспечить более успешное, чем при самодержавии, участие России в мировой войне. От старой власти они переняли цели войны и ожидали, что военный фактор в условиях политической свободы послужит новой мобилизации народа. Так думали либералы — конституционные демократы во главе со своим лидером Павлом Милюковым, министром иностранных дел в первом составе Временного правительства [1]. В том же русле мыслил и действовал возглавивший затем правительство социалист-революционер Александр Керенский.

Однако вызвавший революцию кризис, помимо политических причин, имел глубокие социально-экономические корни. Унаследованные межсословные перегородки и различия интересов не стерлись в одночасье и по-прежнему,

если не в большей степени, мешали сплочению всех общественных сил вокруг военных задач. И если часть офицерства еще могла вдохновляться идеалами воинской чести и славы, то для солдатских масс, не понимавших имперских целей войны и подавленных уже понесенными потерями на ее полях, провозглашенная революцией свобода могла означать лишь одно — свободу от войны. Н.М. Могилянский, петербургский профессор украинского происхождения, этнограф и экономист, ничего общего не имевший с большевиками, писал, находясь уже в эмиграции: «Кто близко видел фронт и настроение войск, задолго до проповеди Ленина и Троцкого предсказывали основное следствие опыта войны: «Солдаты оставят фронт»... Проповедь упала лишь на слишком готовую психологически почву» [2]. Ни бодрящие призывы Временного правительства, ни требования союзников не переломили этого настроения. На европейских фронтах русская армия отступала, отдавая противнику стратегически важные позиции на своей территории, а страна в ожидании назревших социально-экономических преобразований при бездействии Временного правительства погружалась во внутренний хаос, теряя способность поддерживать техническое, материальное, продовольственное обеспечение фронта.

В этой обстановке в кругах сторонников реальной политики крепла мысль о необходимости поворота к миру, даже сепаратному. В таком духе высказались на секретных политических совещаниях в августе — сентябре 1917 года заместитель председателя Временного правительства Александр Коновалов и советник МИД императорской России и Временного правительства, специалист по международному праву Б.Э. Нольде [3].

Последний военный министр Временного правительства Александр Верховский в связи с катастрофическим сокращением материальных средств поставил вопрос об уменьшении численности войск и, встретив возражения

главного командования, 20 октября на соединенном заседании комиссий Совета республики по обороне и иностранным делам высказался в пользу предложения противнику мирных переговоров, за что был отстранен Александром Керенским от должности [4].

Однако шаг военного министра встретил понимание людей, не понаслышке знавших положение в войсках. Генерал А.П. Будберг, командовавший одним из корпусов Северного фронта, записал 23 октября в своем дневнике: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России быть может единственно дающее надежду на спасительный исход: для масс мир это козырный туз, и его хотят взять себе большевики... и возьмут, как только станут у власти». Большевики действительно взяли власть под знаком немедленного мира, и это, по признанию далекого от симпатий к ним генерала, был «гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону» [5].

Но в международно-политическом плане большевики располагали лишь лозунгом справедливого мира «без аннексий и контрибуций», пригодным для тех, кто не был уверен в успехе или проигрывал войну, но неприемлемым для стран и народов, имевших шансы осуществить поставленные цели (у одних — захватнические, гегемонистские, у других, напротив, — связанные с национально-освободительными и национально-объединительными процессами) [6].

Вождь большевизма Владимир Ленин видел идеальный характер формулы справедливого мира и не один раз в духе марксизма подчеркивал, что получить такой мир «нельзя без свержения капитализма» [7]. Европа была еще далека от этого. Правда, центральные державы проявляли заинтересованность в ликвидации своего Восточного фронта и пополнении истощившихся ресурсов за счет восстановления экономических отношений с Россией. Не слу-

чайно Берлин, пренебрегая дипломатическим протоколом, откликнулся на советское радиообращение о перемирии и затем, когда 13(26) ноября 1917 года российские парламентарии на участке Северного фронта по шоссе Двинск — Паневеж в пасторате Лассен вручили немецкому дивизионному генералу Г. Гофмейстеру документ с предложением вступить в переговоры о перемирии, положительный ответ германского верховного командования последовал раньше первоначально установленного срока, практически немедленно. Переговоры было намечено начать 19 ноября (2 декабря) 1917 года в Ставке командования германского Восточного фронта в Брест-Литовске [8]. С такой же готовностью «приступить к предложенным Русским правительством переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире» откликнулось правительство Австро-Венгрии [9].

Но и мир с заинтересованными центральными державами не обещал быть легким. На пути к нему стояла немецкая оккупация, помимо Польши и части Волынской губернии, стратегически важных для России территорий в Прибалтике. Не потому ли Ленин, став у руля государства, уже 25 октября (7 ноября) на дневном заседании Петроградского совета стал говорить о том, «что немедленного мира ждать невозможно и решительная политика мира не означает немедленного прекращения войны»? Этой мысли мы не встретим в собрании сочинений, где речь изложена по газетному отчету. В нем воспроизведена агитационная доктринальная составляющая речи, в которой окончание войны напрямую связано с необходимостью «побороть самый капитал» [10]. Но приведенные выше слова были дружно замечены представителями военных ведомств в Петрограде — штаба Верховного главнокомандования и политуправления военного министерства — и немедленно сообщены в Ставку верховного главнокомандующего и в управленческие органы фронтов [11].

С такой же осмотрительностью государственного человека 26 октября (8 ноября) Ленин представил Второму Всероссийскому съезду Советов свой революционный «козырный» Декрет о мире. «Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций... Но мы должны не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения... Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности», — говорил он, имея в виду собственно дипломатическую работу. Тогда же прозвучали знаменательные в свете дальнейшей истории «несчастливого» мира слова: «Войну нельзя кончить одной стороне» [12].

Таким образом, Ленин, приступая к «делу мира», имел в виду как специфические методы революционного воздействия и антивоенной пропаганды в стане противников и капиталистических союзников, не признавших советское правительство и требовавших от России продолжения войны, так и общепринятую дипломатическую практику.

Поддержание такого баланса оказалось в конечном счете невозможным с назначением наркомом по иностранным делам Льва Троцкого. По его воспоминаниям, при распределении портфелей председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) Яков Свердлов будто бы сказал: «Льва Давыдовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела» [13]. Но Троцкий, по словам сменившего его после брестского провала Георгия Чичерина, — любитель «декларативных шагов, доводящих все до крайнего обострения» и «истерических скачков» [14], с самого начала не имел вкуса к дипломатической работе и, по собственным воспоминаниям, следующим образом рассуждал при своем назначении: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа?.. Вот издам несколько прокламаций и закрою лавочку» [15].

Значительно полнее намерения Троцкого отразились в письмах из России члена французской военной миссии капитана Ж. Садуля. Социалист Садуль был сторонником сотрудничества Франции с советским правительством и единственный из французских представителей поддерживал неофициальные контакты с большевистским руководством, правда, из-за незнания русского языка — лишь с теми, кто говорил по-французски. Он встречался с Лениным; особенно тесным было его общение с наркомом по иностранным делам. «Долго беседовал с Троцким, который все настойчивее зовет заходить к нему каждый вечер, — сообщал он 5(18) ноября недавнему министру вооружений Франции, социалисту А. Тома, — он принимает меня, отложив все дела. Я остаюсь единственным связующим звеном между революционным правительством и союзниками» [16].

Учащенное общение сформировало у француза обманчивое представление о первенствующей по сравнению с Лениным роли Троцкого в большевистских верхах. Троцкий, писал он, «с помощью Ленина почти в одиночку осуществляет управление революционным правительством. Сам Ленин часто присутствует при наших беседах. Он отлично понимает по-французски, но говорит на нем не так хорошо, как Троцкий, и никогда не включается в разговор» [17].

Вместе с тем в записях Садуля значительно точнее и полнее, чем в других источниках, вырисовывается линия Троцкого в непосредственно порученной ему области. Из интервью, данного французу в ночь на 26 октября (8 ноября), следовало, что Троцкий вовсе не готовился к дипломатическим переговорам, так как был заранее «уверен, что германское правительство, несмотря на давление социал-демократии, не примет предложения о перемирии на мирных условиях, выдвигаемых русской революцией», а на вопрос «что тогда» продекларировал с полной уверен-

ностью: «Тогда мы объявляем революционную войну, священную войну, ведущуюся не на принципах национальной обороны, а на принципах обороны интернациональной, социальной революции. Мы добьемся от наших солдат военных усилий, которых русские правительства, включая царизм, не сумели потребовать от армии» [18].

Через неделю Садуль записал по поводу подобных тирад: «Я не разделяю оптимизма Троцкого. Я не верю, что революционное сознание поднимет на борьбу с врагами революции всех тех солдат, которые отказываются воевать против врагов родины» [19]. Таким образом, разница в толковании проблемы мира между Лениным и Троцким обнаружилась в первый же день прихода их к власти, но не сразу переросла в противоречие. Во-первых, потому, что революционная и антивоенная пропаганда вовне, которую Троцкий ставил во главу угла, признавалась и Лениным в качестве особого средства воздействия на партнеров в будущих переговорах о мире. 26 октября (8 ноября) Садуль узнал от Троцкого, что «уже сейчас готовится несколько миллионов листовок с этим обращением (Декретом о мире. — *И. М.*) и призывом к немецким трудящимся начать восстание; листовки будут разбросаны самолетами на линии фронта и в тылу противника» [20]. Во-вторых, Троцкий хотя и предпочитал замирению с неприятелем «священную революционную войну», но полагал, что начинать надо с предъявления демократических принципов мира, то есть не отрицал, что на повестке дня должны быть мирные переговоры, к чему бы они ни привели.

Переговоры о перемирии обычно являются делом военных. Но в условиях старой армии при новой власти делегация, сформированная для этой цели, приобрела политическое лицо: уполномоченные ВЦИК функционеры РСДРП(б) А.А. Иоффе (председатель), Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников, левые эсеры А.А. Биценко и С.Д. Мстиславский (Масловский), а также «представители революционных клас-

сов» — солдат, матрос, рабочий и крестьянин. При ней предусматривалась группа военных специалистов-консультантов. (Противники большевиков потешались над этой группой делегатов, слагая анекдоты о том, как будто ничего не подозревавшего деревенского мужика, неизвестно зачем оказавшегося в Петрограде, в последний момент прямо с улицы усадили в поезд, идущий в Брест, в качестве полномочного делегата. На самом деле попавший на язык острословам калужский крестьянин Р.И. Сташков хотя и не знал дипломатической техники и этикета, но был вполне причастен к политике, состоял в партии эсеров, участвовал в Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов и даже был избран в его президиум.)

Военное министерство, руководимое генералом Алексеем Маниковским, и Генеральный штаб под началом генерала В.В. Марушевского, в отличие от других старых государственных учреждений, бойкотировавших советскую власть, сочли своим долгом продолжать работу «для насущных нужд армии». Тем временем генерал-майор Генерального штаба С.А. Одинцов предложил свои услуги по организации штабных офицеров для разработки военно-технических условий перемирия, и Владимир Ленин, приняв предложение, просил наметить основные вопросы договора, заранее обратив внимание на важное с точки зрения союзных обязательств «условие о неотводе войск на другие фронты», на необходимость определения разграничительной линии перемирия, мер контроля и так далее, а также предложил назвать кандидатов в военные консультанты [21].

Последнее оказалось непросто. Двух представителей Генерального штаба, полковников В.И. Шишкина и А.В. Станиславского, избранных для этой миссии на собрании сотрудников Главного управления штаба, генерал Марушевский направил в делегацию под угрозой ареста [22].

Самому генералу вскоре не удалось его миновать. 19 ноября (2 декабря) Лев Троцкий доложил на заседании Сове-

та народных комиссаров об аресте Маниковского и Марушевского. Последнего — «за направленные против Советов переговоры с Духониным (смещенным большевиками исполнявшим должность Верховного главнокомандующего. — *И. М.*) и сделанную преступную попытку саботажа при организации делегации для переговоров о перемирии». 21 ноября (4 декабря), на следующий день после захвата большевизированными частями Ставки в Могилеве и самочинной расправы с Николаем Духониным, Совнарком отклонил предложение А.Г. Шляпникова, Николая Подвойского и Александры Коллонтай об освобождении генералов и назначении их на ответственные посты и принял резолюцию Льва Троцкого с обвинением их в «замаскированной, выжидательной, контрреволюционной политике» и замечанием в адрес самой советской власти за «попустительство» такой политике, которая «вызывает смуту в рядах командного состава» [23]. В подготовительных материалах к этому заседанию правительства имеется рукописный набросок с предложением «народным комиссарам по военным делам Крыленко, Подвойскому и Антонову... за недостаточный контроль над военным ведомством... сложить с себя полномочия». На их место предлагались Вячеслав Менжинский, Лев Троцкий и Марк Елизаров [24]. Замена тогда не состоялась, а генералы 30 ноября (12 декабря) были освобождены на поруки по ходатайству командного состава и солдат Главного артиллерийского управления [25].

В срочном порядке были вызваны из армейских штабов разных фронтов, а также Военно-морского штаба и другие офицеры [26].

По пути в Брест уполномоченные делегаты, прибыв в расположение командования Северного фронта в Двинске, выступали с агитационными речами на «летучих» солдатских митингах, поучаствовали в работе проходившего армейского съезда и одновременно вникали в существо

предстоявшей военно-дипломатической работы. Лев Каменев, по сообщению в Ставку генерал-квартирмейстера 5-й армии, провел длительную беседу с офицерами штаба и рассказал, что делегаты «не имеют полномочий заключения перемирия, а имеют задачи выяснить условия» такового [27].

После открытия переговоров Владимир Ленин и Лев Троцкий в разговоре по прямому проводу — на той стадии они, как правило, вдвоем инструктировали делегатов — еще раз настоятельно напомнили им: «Было категорически условлено, именно, что подписание Вами перемирия без обсуждения здесь (в Петрограде) абсолютно недопустимо» [28].

В Двинске же местные офицеры заметили, что «члены делегации... крайне внимательно относятся ко всем указаниям и пожеланиям оперативно-технического характера», намерены их принять и проводить в жизнь [29]. Иными словами, большевистское руководство, только что вступившее на государственную стезю, направило делегацию пока что с зондажными целями, чтобы примериться к возможностям и перспективам дальнейших переговоров. При этом за недостатком времени и соответствующего персонала не были подготовлены даже рутинные в таких случаях документы.

Делегация прибыла в Брест налегке, не имея разработанного проекта перемирия. На первом заседании 20 ноября (3 декабря) советские уполномоченные намеревались выступить на пробу с политико-пропагандистскими речами по заранее подготовленному конспекту. В нем говорилось: «Мы от имени Совета Народных Комиссаров предлагаем перемирие на всех фронтах. Срок 6 месяцев... Но мы предлагаем, чтобы германское военное командование последовало нашему примеру и предложило Франции, Англии и Италии перемирие на тех же условиях, которые будут нами совместно выработаны. Если они запросят, име-

ем ли мы полномочия от своих союзников, ответ должен быть, что не имеем еще, поэтому и предлагаем им непосредственно обратиться к нашим союзникам... после выработки условий перемирия мы предлагаем перерыв на две недели, во время которых на наших фронтах должны быть приостановлены военные действия и передвижения войск, с целью... еще раз обратиться к союзникам с формальным предложением перемирия уже (слово неразборчиво) Германией. Наконец, в интересах агитации за это перемирие мы предлагаем немцам в этот промежуток времени разрешить провоз нашей литературы по территории, занятой германскими войсками. В случае их требования пропускать в Россию немецкую литературу ответить согласимся... Относительно основ будущего мира отвечать ясно и точно, разъяснив, что мы за демократический, без аннексий и контрибуций. С новым правом нации на самоопределение. Освобождение... всех... преследуемых за борьбу за мир. Строжайшее восприятие передачи [спиртного] при взаимном посещении солдатских окопов. Полная свобода братания... Перерыв на 1 неделю» [30].

Представив на первом заседании формулу демократического мира, советские делегаты предложили контрпартнерам со своей стороны продекларировать цели мира, что представители Четверного союза отклонили по причине военного, а не политического характера своих полномочий. Настойчивые большевики все-таки посоветовали им обратиться к своим правительствам за разрешением обсудить поставленный вопрос. Ответа правительств не последовало [31].

Не возымели действия и усилия петроградских дипломатов, направленные на преодоление противоречия между их идеей всеобщего перемирия и германским предложением о сепаратном перемирии на фронтах от Балтийского моря до Черного. По поводу этой неудачи Иоффе и Камнев докладывали Ленину и Троцкому по прямому проводу:

«Мы настолько часто подчеркивали...: для нас дело идет о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего демократического мира... что немцы, наконец, заявили о недопустимости для них такой постановки вопроса, ибо они-де уполномочены только вести переговоры о перемирии с русской делегацией, делегаций других союзников России на конференции нет. На это мы еще раз предложили им параллельно с нами попытаться привлечь их» [32]. Разумеется, тщетно: Германия и державы Четверного союга собирались сражаться друг с другом до победы.

Из поставленных советскими уполномоченными политических постулатов вступило в действие их предложение о гласности переговоров. Понадобилось создать специальную комиссию для сверки протоколов, потому что немцы норовили искусно «обработать» их «в сторону сепаратного мира», а не всеобщего, который пропагандировался большевиками [33].

Протоколы публиковались после сверки. С оговорками было достигнуто согласие на братание («дружественное сношение невооруженных солдат позади демаркационной линии»), которое, к слову сказать, наряду с агитационной составляющей стимулировало окопную торговлю с обильным поступлением от немцев спиртного в обмен на продовольствие и российское военное имущество, включая лошадей из артиллерии, а также способствовало расширению агентурных возможностей противника в рядах деморализованной русской армии [34].

На предложение о транспортировке агитационной российской литературы «с идеей мира» глава германской военной делегации начальник штаба Восточного фронта генерал-майор М. Гофман возразил, что «желание пробудить в Германии стремление к миру является излишним», ибо немцы и так готовы заключить с Россией мир, зато выразил уверенность, что провоз такой литературы в Англию и Францию будет разрешен германскими властями [35].

Проект военных условий перемирия с советской стороны составлялся специалистами до утра 21 ноября (4 декабря), когда его предстояло огласить на очередном заседании. Военные консультанты — офицеры старой армии вряд ли разделяли большевистскую идеологию. Но их желание сохранить воинскую честь перед союзниками не разошлось со стремлением советских лидеров предъявить воюющим народам идеал справедливого мира на всех фронтах. Поэтому с предельной твердостью было составлено условие, запрещавшее переброску войск с фронта на фронт, разумеется, прежде всего с германского Восточного на Западный, из тыла на фронт и даже в пределах одного фронта. К тому же при определении разделительной линии перемирия было выдвинуто дерзкое требование об очищении, согласно принципу стратегического равенства, захваченных немцами островов Моонзунда, замыкающих Рижский залив, при том, что Рига тоже была оккупирована.

По представлении русского проекта М. Гофман официально заявил, что такие условия «были бы приемлемы в том случае, если бы Германия была побеждена» [36]. В частной же беседе с Иоффе генерал (в передаче собеседника) «сказал взволнованным тоном: настаивать на этих пунктах, особенно о Моонзунде, значит срывать переговоры; если Вы будете это повторять, то нам придется воевать». От себя глава советской делегации добавил, описывая этот эпизод: «И я лично не сомневаюсь, что если мы здесь не уступим... переговоры будут прерваны». Таковы же были впечатления и опасения Каменева. «У нас в запасе заявление, что решающий голос принадлежит Совету Комиссаров, — рассуждал он во время разговора по прямому проводу с Лениным и Троцким. — ...Это именно в вопросе о Моонзунде оставляет нам свободные руки. Что касается специально Моонзунда, то агрессивный характер этого требования признается военными экспертами. Моонзунд означает срыв. Прошу принять это во внимание» [37].

Но Ленин и Троцкий были непреклонны. «Мы не можем уступить ни одного из указанных Вами двух пунктов. Просим назначить следующее свидание уполномоченных на русской территории через неделю и приехать в Петроград», — последовала их директива с напоминанием о недопустимости без консультаций в столице дальнейших шагов делегации [38].

На заседании 22 ноября (5 декабря) Иоффе сообщил контрпартнерам, будто русское Верховное командование настаивает на перерыве из-за выявившихся расхождений: немцы внесли проект перемирия от Балтийского до Черного моря, а не на всех фронтах, как предлагали советские уполномоченные. Перед отъездом делегации удалось условиться о перерыве в переговорах до 29 ноября (12 декабря) и о временном прекращении огня с 24 ноября (7 декабря) до 4(17) декабря. Перенести переговоры в Псков Гофман отказался, сославшись на свои обязанности начальника штаба в Бресте и заметив, что в Пскове пришлось бы заново устраивать коммуникационное и материально-техническое обеспечение конференции [39].

В Петрограде перерыв ушел на подготовку к завершению переговоров. Троцкий в безнадежном стремлении воплотить идею всеобщего мира направил 23 ноября (6 декабря) послам союзников и других заинтересованных стран обращение, содержащее информацию о начатых переговорах и призыв «открыто, перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны» [40]. Адресаты, как и на предыдущее обращение, 17(30) ноября, не дали ответа.

24 ноября (7 декабря) Ленин распорядился завершить комплектование группы военных консультантов представителями Ставки и штабными офицерами, как правило, из учетных подразделений (разведка) [41] от каждого русского фронта, Балтийского и Черноморского флотов, а

также вспомогательным персоналом, с предписанием всем к 26 ноября (9 декабря) прибыть в Петроград «для составления редакции договора» [42].

25 ноября (8 декабря) уполномоченные делегаты выступили с докладами о переговорах в Петроградском совете и на заседании ВЦИК. 27 ноября (10 декабря), днем отъезда делегации в Брест, датирован «Конспект программы переговоров о мире», написанный Лениным, как считается, в связи с обсуждением Совнаркомом в тот день инструкции по переговорам. Конспект состоит из односложного упоминания об экономической составляющей будущего мирного договора и систематически повторявшейся в то время максимы — «без аннексий и контрибуций». Причем понятие «аннексия» истолковано хронологически расширительно, с прицелом на глобальное геополитическое переустройство, касавшееся и ранее обретенных европейскими державами колоний. Особое назначение приобрела формула о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Если до Октябрьского переворота она выдвигалась для поддержки центробежных национальных сил против действующей российской власти, то теперь в сформулированных Лениным условиях реализации этого права (опрос населения с выводом оккупационных войск, возвращением беженцев и так далее) просматривалась задача восстановления нарушенного войной территориально-го состояния России [43].

В тот же день Лев Троцкий устроил заседание с делегатами, описанное присутствовавшим на нем членом группы военных консультантов подполковником Д.Г. Фокке. Троцкий, по словам мемуариста, спокоен, неразговорчив и деловит. Впрочем, «герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете за занавеской помещался скульптор (как... говорили, Гинзбург), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давыдовича». При постановке задач «Троцкий короток. Он... настаивает

на сохранении язвительного пункта (о Моонзунде. — *И. М.*), столь выгодного для престижа рабоче-крестьянской России. Однако... предусматривает германскую нестговорчивость. Но никаких прямых директив им не дается: в случае отказа немцев он предлагает снести с ним по прямому проводу». Не посвященный в смысл большевистской тактики, критически настроенный автор вынес общее впечатление: в течение перерыва в переговорах «ровно ничего не было подготовлено и предрешено» [44].

Тем временем дали о себе знать не предусмотренные большевиками плоды революционной и антивоенной пропаганды в стане противника. Вскоре после отъезда уполномоченных на перерыв оставшийся в Бресте секретарь делегации Л.М. Карахан телеграфировал в Петроград: «Среди немецких солдат распространяется воззвание за подписью Ленина и Троцкого, в котором, между прочим, говорится, что в случае, если немецкие солдаты принуждены будут идти на помощь тылу, то русские солдаты наступать не будут. Листовки эти распространяются в миллионах экземпляров» [45].

Чины германской делегации высказали неудовольствие сперва в пространной полуофициальной беседе. Карахан следующим образом изложил ее содержание: «Листок, распространяемый среди немецких солдат от имени русского правительства, представляет собой вмешательство во внутренние дела Германии. Германия с начала русской революции неоднократно и официально заявляла, что она... не будет вмешиваться во внутренние дела России, но... она категорически требует и для себя того же самого... Является нелояльным, что русское правительство старается возбуждать к... восстанию против того правительства, с представителями которого оно находится в переговорах, а также возбуждает к саботажу... Это двойственное отношение приводит на мысль, что кажущееся стремление русского правительства... прийти к заключению мира

с Германией не представляется искренним... Листок угрожает успешному ходу переговоров и... обнадеживает противников перемирия и мира, желающих сорвать наши переговоры... Русским должно быть известно, что широкие круги в Германии сомневаются в правомочности русских вести переговоры, так как русское правительство не получило до сих пор всеобщего признания... и это... могло бы угрожать происходящим переговорам... Это вселяет сомнение в прочности положения русского правительства... в том, в силах ли оно будет заключить предполагаемые договоры с Германией» [46].

Вслед за этим 25 ноября (8 декабря) М. Гофман попросил передать в Петроград свое официальное заявление о том, что распространяемые среди солдат листовки представляют нелояльное действие против германского правительства: «Они имеют целью возбуждение германских солдат к низвержению существующего в Германии государственно-го строя. Это есть вмешательство во внутренние германские дела, которое [он] должен самым решительным образом отклонить... А в случае, если распространение таких листовок будет иметь место в будущем, то это серьезно угрожало бы продолжению переговоров» [47].

Карахан «ответил в том смысле, что ему не известен точный смысл воззвания и поэтому, не входя в его существо, он должен сказать, что пока русское правительство не имеет к германскому другого обязательства, кроме одного: в точности выполнять условия о прекращении боевых действий» [48]. Одновременно секретарь советской делегации запросил санкции на подготовленное им пространное официальное заявление «большого политического смысла и агитационного значения». Однако Каменев с одобрения Троцкого решил, что достаточно и сказанного, напомнив об отсутствии у секретаря полномочий как на официальные, так и на частные разговоры [49]. Гофман же дальше предупреждения о негативных для факта переговоров по-

следствиях революционной агитации пока не пошел, потому что лидеры Четверного союза были заинтересованы не в срыве переговоров, а в замирении на востоке.

Возобновление переговоров о перемирии, предполагавшее согласование условий и подписание договора, было омрачено трагедией в русской делегации. По прибытии в Брест 29 ноября (12 декабря), до открытия конференции, во время частного совещания советской делегации свел счеты с жизнью представитель Ставки в группе военных консультантов, один из сотрудников Николая Духонина, погибшего 20 ноября (3 декабря), генерал-майор В.Е. Скалон. «...Не суди меня, прости, я больше жить не могу», — написал он в прощальной записке жене [50].

«“Я ему завидую!” — так говорили некоторые, и возражения на зависть мертвому не находилось... Слишком безжалостно подрубила корни привычной жизни Великая Российская революция», — вспоминал коллега генерала и свидетель его трагедии. Он же передал, какими фантастическими представлениями отзывались революционные события у тех, кто оказался отрезан от России немецкой оккупацией: православный священник, приглашенный из оккупированного Белостока для совершения обряда прощания, после панихиды обратился к старшине российских военных консультантов контр-адмиралу В.М. Альтфатеру, внешне, по общему признанию, похожему на отрекшегося царя: «Ваше Императорское Величество! Осмелюсь спросить, каким образом Вы сюда изволили попасть?» И несмотря на все опровержения адмирала и окружающих, батюшка перед отъездом простился со словами: «Все равно вы меня не разубедите» [51].

Переговоры возобновились 30 ноября (12 декабря) в деловой обстановке и привели к окончательному согласованию большинства условий перемирия сроком на 28 дней с автоматическим продлением и предупреждением о расторжении за семь дней. Советская сторона согласилась за-

вершить переговоры в Бресте, не перенося их в Петроград. Без осложнений была согласована разделительная линия и установлены места пребывания районных комиссий по соблюдению перемирия, достигнута договоренность о выводе русских и турецких войск из Персии (Ирана) и возвращении русских частей из Македонии. Контрпартнеры приняли советское предложение об «организованном» братании, о транспортировке пропагандистской литературы на Запад, об обмене гражданскими пленными и инвалидами, возвращении задержанных из-за войны на чужой территории женщин и детей, об облегчении участи военнопленных, для чего было решено учредить в Петрограде совместную комиссию [52], приступившую к работе в конце декабря 1917 года [53].

Продолжение получил лишь острый спор по вопросу о небереброске войск. Большевики настаивали на ней, потому что не оставляли мысли о присоединении союзников или хотя бы неофициальном их содействии в реорганизации российской армии, чему и перед французским правительством, и перед Петроградом изо всех сил пытался помочь капитан Садуль. Правительство Франции не поддавалось на это. Зато Ленин и Троцкий, по утверждению капитана, именно его предложения положили в основу своих условий перемирия и не позволили советской делегации отступить от них ни на шаг. Троцкому такая твердость дала повод еще и к тому, чтобы вернуться к исходной мысли о революционной войне.

2(15) декабря Садуль записал, что нарком «может быть вынужден прервать переговоры, провозгласить революцию в опасности и возобновить военные действия» [54]. Тем временем советские делегаты в Бресте отстаивали намеченную программу. «Наши надежды на союзников не потеряны, — говорил Иоффе, — в зависимости от того, какие условия мы тут примем, Союзные народы могут оказать давление на Союзные правительства».

«Наоборот, — возражал Гофман, — односторонняя связанность Германии явится ободрением для Франции и Англии. Такая связанность возможна лишь до января» [55]. До 10 января 1918 года (28 декабря 1917-го) — предложил Иоффе, после чего заспорили о размере не подлежащих переброске подразделений. Гофман настаивал на формуле — «крупные подразделения силой дивизии и выше». По мнению Иоффе, это подразумевало бы допустимость перемещения на запад меньших подразделений. Он предложил спустить планку до полка. На вечернем заседании спор пошел по пройденному утром кругу. Гофман заявил, что это одностороннее и потому унижительное для Германии условие могло стать и стратегически опасным в случае присоединения к войскам Согласия американских войск. Он доказывал, что за срок перемирия невозможно перебросить армию для боя. Приобщить такое разъяснение к договору он отказался, но вместе с тем рассуждал, что предложенные ограничения легко обойти [56]. «Все, конечно, можно обойти, — возражал Каменев, — но я считаю с доброй волей сторон. С договором в руках мы идем на разрыв с союзниками, с которыми мы дружили три года, если они не последуют за нами в деле мира. Вот наша гарантия» [57].

Решение отложили до очередного сеанса связи советской делегации с Петроградом. В течение дня 30 ноября (13 декабря) делегаты уже информировали Владимира Ленина и Льва Троцкого о содержании спора. В 9 часов 50 минут вечера состоялся их разговор с Троцким. Иоффе сообщил, что немецкая формула «силой дивизии» ставится ультимативно. Нарком со своей стороны предложил с «ультимативной твердостью» отстаивать позицию «непереброски войск... организованными единицами», присовокупил к этому новую аргументацию в пользу советской формулировки, «естественность и очевидность которой будет очевидной каждому солдату и каждой из воюющих армий».

«Наше требование... вызывается отнюдь не одними только надеждами на то, что союзные правительства соединятся немедленно к переговорам, а причинами более принципиального характера, — раскрывал нарком свое глобальное намерение сразу всех избавить от испытаний войны. — Мы не хотим превращать перемирие в содействие германскому милитаризму против милитаризма других стран. Равным образом мы стремимся обеспечить действительное перемирие для братающихся с нашими солдатами немецких солдат, а не подготовить для них только перемещение на другую бойню». Доводы немецкого генерала нарком назвал «чепухой», а его требования — «формальными, адвокатскими» и на свой лад осветил «сущность дела», состоявшую будто бы в том, «что немцы, понимая психологическую невозможность для их армии наступать на Россию и не рассчитывая поэтому на возобновление операции на нашем фронте, хотят при нашем попустительстве произвести лишний натиск на итальянцев и французов». «Мы все уже говорили, — в ответ взмолился Иоффе, — если настаиваете, то мы эту формулировку утром повторим» [58].

1(14) декабря в 20 часов 50 минут Карахан передал Троцкому, что после длительного обсуждения, потребовавшего перерыва для запроса правительствам стран Четверного союза, они приняли обязательство «до 30 декабря 1917 г. не производить никаких оперативных воинских перебросок... за исключением тех, которые... были уже начаты» [59]. Последней была согласована разделительная линия на Балтике, причем таким образом, что мешала подходу немцев с моря к Моонзундским островам, хотя об очищении их, разумеется, речи не было [60]. 2(15) декабря договор о перемирии с 4(17) декабря сроком на 28 дней с возможностью дальнейшего продления был подписан, о чем Иоффе и Каменев немедленно сообщили Троцкому [61].

Верховный главнокомандующий Николай Крыленко специальным приказом немедленно оповестил об этом все подразделения действующей армии, пообещав в нем: «Еще немного и давно желанный мир заменит ужасы войны» [62]. В Петрограде были довольны, что не поступились важным для себя условием о непереброске войск. В Берлине, в свою очередь, не чувствовали от этого большого ущерба, так как заранее провели необходимые перемещения.

На первом же после перерыва заседании стороны пришли к согласию о том, что переговоры о мире начнутся сразу вслед за заключением перемирия. Причем, как сообщал в правительство Карахан, руководители дипломатических ведомств стран Четверного союза изъявили готовность выехать немедленно в Брест, чтобы быть на месте к моменту подписания перемирия в том случае, если с российской стороны придет равный им по должности Лев Троцкий. Советская делегация согласилась сразу перейти к переговорам о мире, начать их в Бресте, но завершить на нейтральной территории. На вопрос Карахана, когда Троцкий придет в нейтральный Стокгольм, если не сможет быть в Бресте, нарком ответил, что его приезд вообще невозможен ввиду предстоявшего вскоре начала работы Учредительного собрания (в те дни большевики уже отсрочили открытие Учредительного собрания, назначенное ранее Временным правительством на 28 ноября (11 декабря) 1917 года), на котором ему необходимо представлять внешнюю политику советской власти [63].

Вечером 30 ноября (13 декабря) после трудных дискуссий с контрпартнерами Каменев в разговоре с Троцким вновь стал объяснять важность его приезда, в противном случае настаивал на пополнении делегации консультантами историком Михаилом Покровским и специалистом по Востоку Михаилом Павловичем (Михаилом Вельтманом), иначе, по его словам, «ситуация будет сильно ослаблена» [64].

Непосредственные участники и свидетели переговоров о перемирии с российской стороны, каких бы политических взглядов они ни придерживались, после завершения их поняли, что переговоры о мире, вопреки всевозможным слухам о «немецко-большевистском сговоре», будут «настоящими». «Мы, — вспоминал Фокке, — отдавали себе лучший отчет о характере «связи» Смольного с Берлином, о которой в понятном патриотическом рвении кричало в России всё, что после переворота оказалось правее большевиков... Нам в Бресте было совершенно очевидно, что... Кошка — Германия будет играть зарвавшейся Мышью — Смольным, имея за собой все преимущества и военной силы, и дипломатических способностей» [65].

Германская сторона, в свою очередь, считала помехой предстоявшим переговорам отсутствие у контрпартнеров дипломатической подготовки [66]. Тем более чувствовали это советские уполномоченные. 1(14) декабря они вновь телеграфировали Льву Троцкому: «Еще раз просим уведомить, будет ли усиление делегации и кем» [67]. На следующий день Каменев сообщил Троцкому по прямому проводу: «Договор заключен... По всем пунктам достигли согласия... пока хотели договориться относительно мирных переговоров. По-видимому, будет перерыв два или три дня, т. к. болгарин и турок не успеют раньше получить полномочия... Здесь весьма заинтересованы [в] вашем прибытии... в этом случае от них тоже будут министры иностранных дел и [великий] визирь. [В] частных разговорах доказывают: имело бы весьма важное политическое значение, если бы вы сами изложили свою программу мира» [68].

«Если переговоры начнутся здесь без вас, — добавил Иоффе, — Л[ев] Б[орисович] и я настаиваем на присылке подкрепления для справок историко-статистического, правового свойства, хорошо бы иметь Покровского и дипломата-эксперта. Желателен барон, автор письма к Горькому» [69]. Очевидно, имелся в виду барон Б.Э. Нольде,

предложивший свои услуги в переговорах. Он, по свидетельству коллег, был «ультрареалистом» и в сложившейся обстановке считал единственно реальной международно-политическую программу большевиков: потому они и оказались у власти [70].

Но большевистским лидерам пока не требовались профессионалы. Для начала они хотели повторить тактику, испытанную в переговорах о перемирии. Лев Троцкий ответил Адольфу Иоффе и Льву Каменеву: «Мы настаивали на первоначальном плане. В течение 1–2-х дней вы обмениваетесь с противной стороной основными предпосылками будущего мирного договора, чтобы затем после перерыва в несколько дней встретиться на нейтральной почве... С Михаилом Николаевичем [Покровским] уже сговорился... Он выедет после перерыва вместе с вами в Стокгольм... Что касается программы мира, то мне остается только перевести мою брошюру на турецкий язык и послать ее великому визирю». По поводу приглашения в делегацию Нольде — специалиста по международному праву с европейским именем, члена международного Третейского суда в Гааге, награжденного французским орденом Почетного легиона, нарком — выпускник реального училища в Николаеве — сообщил: «Барон был у меня. Не произвел внушительного впечатления. Его экспертиза может иметь чисто канцелярский, бюрократический характер. Вряд ли мы в этом нуждаемся. Он предлагает в порядке официальной инициативы вступить в переговоры с союзниками и выехать в Стокгольм. С ним целая группа буржуазных пацифистов. Я отказал наотрез... В качестве члена нашей делегации он явился бы совершенно инородным телом» [71]. Этот первоклассный знаток международных отношений и при всем своем остзейском происхождении — патриот России искренне сокрушался потом над «варварством» большевистских делегатов, которые «вели переговоры так, как, вероятно, в истории никакие перего-

воры не велись» и в результате не сумели даже в пределах возможного защитить интересы России [72].

Между тем ко времени заключения перемирия в переговорах России с государствами Четверного союза дал о себе знать украинский фактор.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. См: Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции (АРР). — М., 1991. Т. 1. С. 41.
2. Могилянский Н.М. Украина во время войны // ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.
3. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции (АРР). — М., 1991. Т. 1. С. 47; Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. — М., 1993. Кн. 2. С. 44.
4. Ставка 25–26 октября 1917 г. // АРР. — М., 1991. Т. 7. С. 281; Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 7. — С. 65.
5. Будберг А. Дневник // АРР. — М., 1991. Т. 12. С. 226, 235.
6. См.: Мировые войны XX века. — М., 2002. Кн. 1. С. 282.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114, 129.
8. Архив внешней политики Российской федерации (АВП РФ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 10–11.
9. Там же. Л. 15.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.
11. Ставка 25–26 октября 1917 г. // АРР. — М., 1991. Т. 7. С. 304; Октябрь на фронте // Красный архив. — 1927. — № 4. — С. 157.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16–17.
13. Троцкий Л. Моя жизнь. — М., 2001. С. 334–335.
14. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 993. П. 70. Л. 2, 6.
15. Троцкий Л. Моя жизнь. — М., 2001. С. 335.
16. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 63.

17. Там же. С. 64.
18. Там же. С. 37.
19. Там же. С. 58.
20. Там же. С. 36–37.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 6–7; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 82.
23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-об, 12.
24. РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
25. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 22.
26. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 8–9.
27. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 91.
28. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 18-об.
29. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 91–92.
30. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 1. Л. 10.
31. Там же. Д. 6. П. 1. Л. 1, 7.
32. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 17-об.
33. Мстиславский С. Брестские переговоры. — СПб., 1918. С. 43.
34. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 230, 262, 266 и др.
35. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 1. Л. 11, 27–28.
36. Там же. Д. 6. П. 1. Л. 1.
37. Там же. Л. 18–18-об.
38. Там же.
39. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 1. Л. 3–5; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 199–204.
40. Документы внешней политики СССР. — М., 1959. Т. 1. С. 41–42.
41. См.: Самойло А. Две жизни. — М., 1958.
42. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 117–118.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121–122, 461.
44. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 65, 66.

45. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 18. П. 2. Л. 16-об.
46. Там же.
47. Там же. Л. 35–35-об.
48. Там же. Л. 16.
49. Там же. Л. 20, 22, 28, 29.
50. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 193.
51. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 72, 78–79.
52. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3, 7–9, 11; ДВП СССР. Т. 1. С. 47–52.
53. Материалы Смешанной русско-германо-австрийской комиссии в Петрограде см.: АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 111–119, 124. П. 8; Ф. 496. Оп. 1. Д. 1. П. 8; Д. 5. П. 52; Д. 11. П. 119 и др.
54. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 120–126.
55. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. П. 1. Л. 3–4.
56. Там же. Л. 62, 69.
57. Там же. Л. 22.
58. Там же. Л. 71, 72.
59. Там же. Д. 11. П. 1. Л. 8-об.
60. ДВП СССР. Т. 1. С. 47–52.
61. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 12. П. 1. Л. 76.
62. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 89. Л. 7.
63. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. П. 1. Л. 64, 65.
64. Там же. Л. 65.
65. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 96.
66. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 110, 117.
67. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 11. П. 1. Л. 16.
68. Там же. Д. 12. П. 1. Л. 75.
69. Там же. Л. 77.

70. Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. — М., 1993. Кн. 2. С. 46, 47.
71. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 11. П. 1. Л. 77–77-об.
72. Нольде Б.Э. Политическая карта Брестских договоров // Международная политика и мировое хозяйство. — Петроград, 1918. — № 2. — С. 3–13; Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. — М., 1993. Кн. 2. С. 85, 87.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЕЕ ИСХОДНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Февральская революция и национально-территориальная автономия Украины. — Свержение Временного правительства в Петрограде и установление власти Украинской центральной рады в Киеве. — Центробежные силы и федеративные проекты. — 7(20) ноября 1917 года — день учреждения Украинской народной республики как субъекта будущей федерации. — Драма Николая Духонина и власти Украинской республики. — И.В. Сталин — Н.В. Порш: зондажный контакт рады приглашения Киева к диалогу с большевистским Петроградом на началах советизации Украины. — Стихия локальных перемирий — угроза намерению правительства Украинской народной республики соблюсти союзные обязательства перед державами Согласия и одновременно повод определиться с формулой мира. — «Черная кошка» донской контрреволюции между Советом народных комиссаров и Генеральным секретариатом. — Украинские наблюдатели в Бресте: первые контакты с сотрудниками делегаций Четверного союза. — Провозглашение Украинского фронта и углубление конфликтности отношений Киева и Петрограда.

Украинское национальное движение не отличалось массовостью в дореволюционной России. Февральская революция открыла ему перспективу беспрепятственного осуществления намеченной ранее программы: школьное обучение украинских детей на родном языке, введение национального языка в практику местной администрации и судопроизводства, развитие украинской печати, книгоиздательства, театра — всего того, что вместе с повышением общего культурного уровня должно было углубить национальное самосознание украинских масс, готовя их к осмысленному политическому выбору.

В первое время либерально-демократические деятели, до революции игравшие ведущую роль в украинском движении, приступили к реализации этой программы в согласии с Временным правительством, которое не считало себя вправе определять характер государственного строя, в том числе будущий статус Украины. Однако признанный лидер украинства в России профессор Михаил Грушевский, до революции тоже либеральный демократ, в течение 20 лет преподававший историю в университете Львова, в то время — центра провинции Галиция в Австро-Венгрии, признал возможным в обстановке полной политической и национальной свободы форсировать национально-политический процесс. Сделав в новых условиях своей главной опорой украинских эсеров (с ними профессор особенно сблизился) и украинских социал-демократов, он приступил к выполнению кардинальной политической задачи движения — формированию национальной государственности сначала в виде национально-территориальной автономии Украины в России, которую предполагалось преобразовать в договорную федерацию.

Автономия мыслилась с самостоятельными внешнеполитическими функциями, в том числе с собственной делегацией на будущей мирной конференции, со своими вооруженными силами. Причем Временное правительство, поддавшись иллюзии о том, что с образованием однородных по этническому составу частей удастся поднять боеспособность уставшей от войны армии, легко согласилось на проведение в ней украинизации.

Украинские лидеры предлагали признать в качестве представительного органа автономии Украинскую центральную раду под председательством Михаила Грушевского — коалиционный совет, образованный из выдвиненцев украинских партий, общественных и корпоративных организаций, первоначально предназначавшийся для координации национального движения и пополнявшийся по

мере проведения различных профессиональных и региональных украинских съездов избранными на них делегатами. Временное правительство считало созданную таким образом Раду не более чем общественной организацией. В принципе оно возражало против немедленного учреждения автономии, полагая, что этот вопрос подлежит ведению образуемого всенародным избранием Учредительного собрания.

Однако руководящее ядро Центральной рады форсировало вопрос об автономии, ссылаясь на многочисленные требования украинских съездов крестьян, военнослужащих и так далее. Принятия на этих съездах резолюций с такими требованиями нетрудно было добиться, ибо крестьянское в основном население, которое ожидало от революции в первую очередь аграрных преобразований и окончания войны, встретившись с бездействием петроградского правительства в первом вопросе и, напротив, с наращиванием военных усилий во втором, готово было связать свои чаяния с неведомой пока украинской властью. «Автономия Украины и вообще национальные требования, — писал украинский деятель с большим дореволюционным стажем, в дальнейшем известный историк украинского зарубежья Д.И. Дорошенко, — преподносятся массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром — требуй автономии!» [1]. Антивоенные настроения частично получали выход в украинизации армии: переформирование подразделений, предназначенных к украинизации, предоставило многим солдатам-украинцам шанс перебраться с других фронтов на Украину, ближе к дому, многим отпускным и запасным — уклониться от немедленной отправки на фронт.

10 июня 1917 года Украинская центральная рада своим I Универсалом (актом конституционного значения) провозгласила национально-территориальную автономию Украины, вскоре, после напряженных переговоров, фак-

тически признанную Временным правительством в пределах пяти губерний. В качестве исполнительного органа был образован Генеральный секретариат, роль которого Временное правительство стремилось свести к наблюдательным функциям, за что пропаганда Рады отчаянно критиковала центральную власть.

Между тем сомнения в готовности к государственной работе бередили душу некоторых украинских лидеров. «Есть ли у нас столько сил... есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? — задавался вопросом в своем дневнике (запись 19 июля 1917 года) глава Генерального секретариата — известный украинский писатель и лидер Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) В.К. Винниченко. — Сердце сжимается от тревоги, печали и страха: а что, если не поднимем? Не сможем взять того, что судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?» [2]. Провозглашение Украинской центральной рады высшим органом автономии заставило включить в ее состав по ограниченным квотам представителей общероссийских, а также еврейских и польских социалистических партий.

В политических столкновениях деятелей Рады с Временным правительством руководство большевиков в течение 1917 года обычно выступало на стороне украинцев, видя в них разрушителей установленной Февральской революцией системы. В критические дни октября выяснилось, что украинские политики не прочь были руками петроградских повстанцев избавиться от опеки ненавистного им Временного правительства. Чтобы не допустить переброски в Петроград верных правительству войск с Юго-Западного фронта, они достигли соглашения с киевскими большевиками. На широкой основе был создан Краевой комитет защиты революции.

Центральная рада призвала все местные административные органы, в том числе в губерниях Новороссии и

Слобожанщины (юг и восток современной Украины соответственно), не включенных ранее в состав автономии, подчиняться Краевому комитету. Одновременно Малая рада — постоянно действующий между сессиями выборный комитет Центральной рады — в своей резолюции от 26 октября (8 ноября) высказалась против восстания в Петрограде и пообещала «упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине» [3].

Возмущенные большевики вышли из Краевого комитета и Малой рады, а командование Киевского военного округа, сохранившее за собой с согласия Малой рады военную власть, с помощью верных Временному правительству частей разгромило помещение городского Совета рабочих депутатов, чем вызвало в Киеве большевистское восстание.

В конечном счете дело поддержки свергнутого Временного правительства было обречено. Его защитники оставили город. Но и у киевских большевиков не оказалось достаточно сил для полной победы. В результате украинские лидеры, став над схваткой в решающий момент, 1(14) ноября объявили, что Украинская центральная рада единолично приступает к организации высшей краевой власти на Украине.

Обстановка, казалось, благоприятствовала претворению в жизнь программы Михаила Грушевского о формировании национальной государственности через стадию автономии, чтобы затем превратиться в самостоятельный субъект в разбитой на федеративные единицы России. В Киеве стало известно о прекращении в центре последних усилий по восстановлению власти Временного правительства; дошли сведения и о разногласиях внутри большевистского руководства, что ослабляло его претензии на роль центрального правительства.

Предметом особого внимания украинских лидеров был ранее проявившийся уже сепаратизм отдельных народностей и областей. Так, еще 4(17) октября Войсковая рада

кубанских казаков в Екатеринодаре огласила проект управления Кубанской республикой, согласно которому она является «равноправным членом Союза народов, населяющих Россию: Республика имеет при центральной власти своего посла, именуемого контролером. Законодательная рада избирается немедленно... лишь правомочным населением области — казаки, горцы, крестьяне-общинники, члены земельных товариществ». Присутствовавший при этом комиссар Временного правительства назвал предложенный проект федеративной республики узурпаторским по отношению к Учредительному собранию, антидемократическим и цензовым, лишаящим избирательных прав иногороднее население Кубани [4].

20 октября (3 ноября) был образован Юго-Восточный союз казачьих войск (включавший войска Донское, Кубанское, Терское, Астраханское. — *И. М.*), горцев Кавказа и вольных народов степей, декларировавший в союзном договоре «достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членом Союза отдельными ея штатами». В связи с большевистским переворотом Войсковой круг на Дону вынес постановление о том, что «Войсковому правительству впредь до образования законной Всероссийской Государственной власти принадлежит вся полнота исполнительной Государственной власти в пределах области» [5]. Это заранее поставило сепаратистов войска Донского во главе с атаманом Алексеем Калединым в конфронтацию с учрежденным на основании решений Второго съезда Советов в качестве всероссийского правительства Советом народных комиссаров.

Наконец, украинские лидеры сразу были проинформированы о попытках меньшевистских социалистических групп договориться о создании «однородно-социалистического правительства от большевиков до народных социалистов». Их лидеры собрались в ставке Верховного главно-

командующего в Могилеве. Прибыл, по словам очевидца, «целый вагон: Чернов, Гоц, Дан и др. Бесперывные заседания: эсеры, Виксель, молодые офицеры-комиссары» [6].

Украинские лидеры, представявшие Центральную раду как раз такой «однородно-социалистической» властью, тоже получили приглашение в ставку. Но они полагали, что общероссийское правительство должно создаваться «не из центра, который разваливается, а от тех окраин, которые еще здоровы» [7]. В итоге 6(19) ноября посланные в ставку украинские представители — умеренные демократы из Украинской партии социалистов-федералистов (УПСФ) Д.И. Дорошенко и А.И. Лотоцкий согласовали с Николаем Духониным при посредстве антибольшевистского Общеармейского комитета лишь вопрос переформирования фронтовых частей с целью образования украинской армии по этническому и территориальному признаку [8].

Дорошенко оставил ностальгические воспоминания о тех проведенных в ставке днях незадолго до захвата ее большевиками: «В бывших апартаментах Верховного главнокомандующего пусто и неуютно... Угасание грозы армии и защищаемого ею великого государства... Здесь в этом доме билось сердце великой армии. Оно билось теперь все слабее и слабее и вот-вот остановится. Что будет дальше? ...В кабинете горел ярко камин и при его красном свете беседовали Духонин, Вырубов (помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего по гражданским делам. — *И. М.*) и Лотоцкий. Никому из нас не приходило в голову, что над этим красивым, полным сил генералом смерть уже занесла свою косу» [9].

На фоне всех этих событий 7(20) ноября в Киеве, сразу после закрытия очередной сессии Центральной рады, по решению Малой рады в чрезвычайном порядке голосами 42 ее членов из 47 был принят III Универсал, в котором говорилось: «Во имя создания порядка в нашем крае, во имя спасения всей России оповещаем: Отныне Украина стано-

вится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов» [10].

Собравшиеся в Могилеве политики восприняли III Универсал, по словам украинского представителя, «с большим волнением, но протеста он не вызвал» [11]. Тем не менее их политические переговоры с украинцами, лишь вскользь упоминавшиеся, но не освещенные в опубликованных документах Центральной рады [12] и вовсе не упомянутые Дорошенко, не получили никаких последствий: вряд ли общероссийские партии могли принять украинскую концепцию расчленения России для создания договорной федерации. Во всяком случае лидер эсеров Виктор Чернов, которого прочили главой «однородно-социалистического» правительства, не ответил на переданный ему украинский проект, а представитель Викжеля — профсоюза железнодорожников, широко известного активной политической ролью в событиях Октябрьской революции, посоветовал Киеву не настаивать на своих предложениях. Правительство же Центральной рады со своей стороны отклонило идею сделать местом пребывания федеративной власти Киев [13].

Невольной жертвой этого противоречия между украинскими и российскими антибольшевистскими политиками, одинаково декларировавшими приверженность демократии, стремление предотвратить анархию и гражданскую войну, стал генерал Николай Духонин. Вступив в должность Верховного главнокомандующего после бегства Александра Керенского и успеха большевиков в Петрограде, послужившего для фронтовых солдатских масс мощным сигналом к окончанию войны, он не располагал сколько-нибудь достаточной численностью надежных войск, чтобы непосредственно и решающим образом по-

влиять на внутривойсковые события. Тем острее он чувствовал свою ответственность за организацию отпора в случае возможного прорыва противником безмерно ослабленного революционными событиями фронта и видел свою задачу в том, чтобы не допустить массового стихийного бегства войск, чреватого анархией и обострением внутренних конфликтов.

Уже отстраненный народными комиссарами от командования, он передавал штабам фронтов последние директивы, направленные на предупреждение военной катастрофы на линии обороны вследствие стихийной демобилизации и на недопущение гражданской войны. 14(27) ноября — штабу Северного фронта: «В том крайнем случае, если связь со Ставкой будет окончательно потеряна... обстановка на фронтах сложится так, что армии, потеряв свою устойчивость, откроют фронт, то пределом их движения в тыл должны служить Наровская позиция, озеро Чудское, Псков-Островские позиции и укрепленная позиция, прикрывающая направление на Бологое — Москва. Обеспечение этого фронта должно заключаться в прочном удержании важнейших путей и нашего господства над путями, идущими с запада на восток» [14].

В дополнение к этому — 15(28) ноября вечером: «Если деморализация войсковых масс... приведет к самочинному срыву занимаемых позиций... и к началу гражданской войны, то при недостатке войск, верных долгу для выполнения задачи, указанной Вам 14 ноября... Вам надлежит с верными национальной чести российскими войсками прикрывать направление Псков — Бологое, обозначивая подступы к Москве с севера и северо-запада, имея в виду, что Россия будет продолжать борьбу до решения Учредительного собрания или правительственной власти, опирающейся на большинство страны. Левее Вас в этой крайней обстановке, прикрывая пути с запада на Москву в районе Невель — Витебск — Орша, образуется группа 17-го и

22-го корпусов и 2-й кубанской дивизии... В задачу их... входит присоединить к себе части Западного фронта, если бы этот фронт поддался также полной деморализации.

Силой оружия людей, покидающих самовольно фронт, когда он сдвинется с места и хлынет вглубь страны, не пропускайте вглубь России... или предварительно обезоруживайте их. В этой крайней обстановке мы должны спасти Москву и пол-России от гражданской войны» [15].

16(29) ноября Николай Духонин сообщал командующим Юго-Западным и Румынским фронтами: «Получаемые сведения как от разведки фронтов, так и от агентурной разведки заставляют предполагать возможность перехода противника к активным действиям в ближайшее время на Румынском фронте и, возможно, на Юго-Западном фронте... преследуя цель овладения Бессарабией, Одессой и каменноугольными Донецкими районами. Необходимо принять все меры... дабы своевременно обнаружить намерения противника» [16].

17(30) ноября, когда отстраненному главнокомандующему стало известно о движении к Могилеву эшелонов с революционными балтийскими матросами, он обратился к правительству Украинской народной республики за решением перевести Ставку в Киев. Генеральный секретариат, неспешно рассмотрев вопрос, сначала хотел передать его на обсуждение Рады; на следующий день все-таки решил «удовлетворить просьбу Ставки переехать на Украину, но не в Киев, а в Чернигов или Нежин» и не сразу, а после официального обращения к секретариату и при отсутствии в Ставке деятелей Временного правительства и, напротив, с условием образования при ней комиссариата из представителей правительств отколовшихся народов и областей [17].

Но времени для выполнения предложенных условий, не говоря об их содержании, не осталось. 18 ноября (1 декабря) Николай Духонин с тревогой сообщал командующему

Румынским фронтом генералу Д.Г. Щербачеву, что «Рада до сих пор не дала ответа», а стоявшие в Могилеве подразделения задерживают отправку имущества Ставки. Одновременно представитель итальянской военной миссии при Ставке сообщил, будто союзники решили признать отдельный от них выход России из войны. Духонин отменил свой выезд из Могилева вместе с союзническими миссиями. Но информация не подтвердилась [18].

19 ноября (2 декабря) в Могилев прибыл генерал-майор Одинцов, с ведома Совнаркома командированный Генеральным штабом «для ориентации Ставки в обстановке в Петрограде для соглашения Ставки с Петроградом» [19]. После встречи генерала Одинцова с выступавшим от Ставки поручиком В. Шнеуром генерал передал назначенному Совнаркомом главнокомандующим Николаю Крыленко, что «Ставка сдается» и он «может свободно приехать для вступления в должность». Новый главнокомандующий прибыл 20 ноября (3 декабря).

Арестованного Духонина должны были отправить в Петроград, для чего поместили в поезд командующего на станции Могилев. По свидетельству Одинцова, Крыленко отдал охране строгий приказ о предотвращении эксцессов — если понадобится, даже пулеметным огнем — и направился в Ставку, но должен был вернуться, так как на станции возникла опасность самосуда над Духониным. Сначала Крыленко удалось уговорить толпу разойтись, удовлетворившись выдачей ей сорванных с генерала погон. Но вскоре депутация матросов вновь потребовала выдачи ей самого Духонина. Пока Крыленко уговаривал депутацию, вооруженная толпа начала штурм вагона с противоположной стороны [20].

Популярная правая газета «Киевлянин» со ссылкой на газету Рябушинских «Утро России» сообщила 28 ноября (11 декабря), будто в момент убийства в толпе находился матрос, никому не известный; на самом деле — переде-

тый матросом офицер австрийской службы. В номере от 7(20) декабря один из авторов «Киевлянина» уточнил, будто судьбой Духонина распорядился германский шпион Тауэр (или Тоулер) «из числа 18 немецких офицеров, заседавших в Смольном при обсуждении и исполнении захвата власти большевиками». Издатель «Киевлянина» В.В. Шульгин в своих поздних воспоминаниях утверждал, будто узнал об этом в ноябре 1917 года от некоего приехавшего из Ставки генерала «по медицинской части» [21]. Соратники Духонина, похоже, не разделяли конспирологической версии его гибели [22].

«Матросы отряда Павлова, несмотря на мою попытку с риском [для] собственной жизни, вырвали Духонина и убили, — передал Крыленко 21 ноября (4 декабря) по прямому проводу в Петроград. — Сейчас с трудом поддерживаю порядок. Боюсь самочинных действий. Вызываю войска литовского эшелона» [23].

24 ноября (7 декабря) Николай Крыленко не без смущения сообщал Льву Троцкому: «В связи с убийством Духонина необходимо юридическое оформление дела, акт дознания по моему предложению совершен... Тело отправлено в Киев. Если передать дело судебному следователю, обязательно вскрытие в Киеве, даже вплоть до выкапывания. Предлагаю прекратить дело постановлением государственной власти... Акты дознания достаточно реабилитируют от всяческих кривотолков... но возбуждение дела с обязательными допросами матросов едва ли целесообразно» [24].

Троцкий не мучился сомнениями. «Было бы бессмысленно и преступно передавать дело в руки судебных чиновников старого закала, — ответил он главковерху. — Если необходимо, можете передать дело революционному суду, который должен быть создан демократическими солдатскими организациями при Ставке и руководствоваться не старой буквой, а руководствоваться революционным правосознанием народа» [25].

В свое время лидеры Украинской центральной рады враждовали с Временным правительством, форсируя национально-административное обособление края. Когда этот вопрос был решен, они по существу переняли многие основные параметры внутренней и внешней политики Временного правительства: политическую демократию парламентского типа для всего спектра centro-левых партий, ограниченность и неспешность намеченных социальных преобразований, сохранение союзнических обязательств во внешней политике с неременным, по условиям времени, риторическим добавлением о принуждении к миру и союзников, и противников и так далее [26].

Платонические декларации при фактической пассивности правительства Украинской центральной рады в вопросе о мире поставили его в фокус внимания держав Согласия, которые оказались перед намеченной большевиками неблагоприятной для Запада перспективой скорого выхода России из войны и были заинтересованы в сохранении до весны хотя бы украинской части российского фронта.

В Киев после захвата большевиками Ставки перебрались военные представители союзников. Англия и Франция намекали на возможность обменяться официальными дипломатическими миссиями. Французы предлагали предоставить денежный заем, прислать инструкторов для реорганизации украинских воинских частей, налаживания транспорта и так далее [27]. В киевских правительственных кругах ориентации на Антанту придерживалась Украинская партия социалистов-федералистов, видный деятель которой А.Я. Шульгин возглавлял Генеральный секретариат межнациональных (с декабря 1917 года — международных) дел. На Антанту была также ориентирована Украинская социал-демократическая рабочая партия, представленная в первом составе правительства такими ключевыми фигурами, как председатель Генерального секретариата Винниченко, секретарь по военным

делам С.В. Петлюра, секретарь труда Н.В. Порш, секретарь по судебным делам М.С. Ткаченко.

Украинских лидеров не смущала неудача такой политики в масштабах всей страны. Свой край в противоположность вздыбленной революцией Великороссии они намеревались сохранить «оазисом порядка». Однако это благостное пожелание невозможно было осуществить рощерком пера. Край был связан со всей страной единым экономическим, финансовым, коммуникационным пространством и тысячью других нитей, включая близость модели социального, политического поведения населения и прочее. Большевистское руководство лучше это понимало и разными средствами способствовало радикализации настроений и расширению своего влияния на Украине. Оно, в частности, отклонило проект Юго-Западного областного комитета РСДРП преобразоваться в Социал-демократическую партию Украины, чтобы противостоять Украинской социал-демократической партии с ее, по словам киевских большевиков, «шовинизмом... порождающим рознь среди пролетариата» [28].

«Создание особой партии Украинской, как бы она ни называлась... считаем нежелательным. Иное дело созыв краевого съезда или конференции... как обычный съезд нашей партии. Ничего нельзя было бы возразить против наименования области не Юго-Западной, а Украинской», — последовал ответ Якова Свердлова от имени ЦК РСДРП(б) [29].

Единство финансовой системы открывало для Петрограда возможности путем управления денежными потоками влиять на социальную ситуацию на Украине. Поскольку лидеры Украинской центральной рады намеревались выполнять военные обязательства перед державами Союзом, они спешили с формированием украинской армии. Большевистское руководство на первых порах одобрило образование национальных частей, в том числе украинских [30], несмотря на то что Петлюра в своих обра-

щениях к воинам-украинцам, выпущенных 11(24) ноября, призывал их, не считаясь с распоряжениями правительства народных комиссаров, немедленно возвращаться на Украину. С 21 ноября (4 декабря) в край стали прибывать украинизированные подразделения из разных военных округов и фронтов. Только из петроградского гарнизона приехало до 9 тыс. человек [31].

В течение ноября украинизация шла медленнее, чем хотелось Киеву, по ряду объективных обстоятельств: по причине нештучных транспортных проблем, из-за необходимости заполнять оставляемые украинцами участки фронтов и непростого в человеческом плане процесса украинизации назначенных для этого этнически неоднородных частей. Еще в октябре 1917 года генерал Николай Духонин докладывал в Генеральный штаб: «Прибыла депутация 104 арт[иллерийской] бригады, входящая в состав 34 корпуса, украинизируемого, которая категорически и наотрез заявила о своем нежелании украинизоваться... Вообще Украинский комитет проявляет очень много произвола» [32].

7(20) ноября В.В. Вырубов из Ставки телеграфировал Петлюре: «21 и 28 корпуса, находящиеся на позициях [Северного фронта], получили приказания Украинской центральной рады немедленно отправиться на Украину и, если их не отпустят, то уйти силой» [33]. Энергичный «Большой совет украинцев 21 корпуса», украинские рады отдельных дивизий и сам Симон Петлюра потом рассылали свои требования в разные российские и украинские инстанции [34]. Но в 21-м корпусе служили далеко не только украинцы.

Если они спешили к себе домой, то у остальных «малой родиной» были другие места. Вот что сообщал 29 ноября (12 декабря) в Ставку о причинах задержки один из командармов: «Перевозке 21 корпуса [на] Юго-Западный фронт не встречается препятствий, но полагал бы раньше

закончить украинизацию 21 корпуса, для чего нужно спешно опубликовать соглашение Ставки с Радой, чтобы все войска знали и все украинцы возможно скорее пополнили этот корпус... Корпус, конечно, необходимо заменить другим, с Юго-Западного фронта» [35]. О том же речь шла в сводке о положении на Северном фронте: «Настроение [21] корпуса очень нервное. Конфликт с Радой рассматривается массами как разногласия верхов. На вооруженное столкновение массы не пойдут» [36]. Однако локальные стычки имели место.

В некоторых случаях украинизация повела к фатальным в военном отношении последствиям. Так, развал обороны Ревельского укрепленного района начался с требования Украинской революционной рады в середине ноября, чтобы комендант крепости отпустил всех великороссов из находившейся там украинизированной дивизии в месячный отпуск, что послужило массовому самовольному уходу солдат по домам. Украинцев же осталось так мало, что некому было обслуживать батареи даже одного артиллерийского полка дивизии [37].

Политики Центральной рады спешили сформировать национальную армию, считая ее одним из основных атрибутов и гарантий государственности. Между тем сама эта государственность была провозглашена односторонним актом и не получила никакого международно-правового оформления — ни признания другими государствами, ни установления границ путем согласованного размежевания с соседями, в том числе с Великороссией. Последнее и не значилось в повестке украинской политики по причине непризнания большевистского правительства в Петрограде, от которого ожидали лишь беспрепятственного пропуска украинизированных частей и так далее.

Большевистское руководство первым взялось за выяснение положения, приступив к делу с постановления Совнаркома от 16(29) ноября, и заявило в печати о намере-

нии передать украинскому народу его исторические ценности, вывезенные главным образом при Екатерине II. Вопрос о возвращении национальных реликвий рассматривался как предлог для начала контактов с Киевом, о чем свидетельствовала заключительная фраза постановления: «Решение... непреклонно будет приведено в действие после обмена мнениями с Украинской радой» [38].

На следующий день, 17(30) ноября, состоялся разговор наркома по делам национальностей И.В. Сталина по прямому проводу с Н.В. Поршем. Разговор проходил при участии члена Киевского областного комитета РСДРП(б) С.С. Бакинського (Л.М. Бернгейма).

Порш представился как член ЦК Украинской социал-демократической партии и предложил обменяться мнениями в партийном порядке, что должно было подчеркнуть сохранение линии Центральной рады на непризнание советского правительства. Сталин, напротив, заявил, что имеет полномочия народных комиссаров на обсуждение государственных проблем. Порш охарактеризовал Раду как орган высшей власти республики, отведя будущему Украинскому учредительному собранию лишь функцию принятия конституции, и акцентировал признание Радой «федеративной связи с общегосударственным организмом России». Руководить этим «организмом», по его словам, должна вся организованная демократия при социалистическом центральном правительстве, опирающемся на правительства новопровозглашенных республик и областей, которые следует безоговорочно признать.

Сталину было что возразить собеседнику. Для начала он заметил, что взгляды большевиков по национальному вопросу известны («читайте резолюцию Апрельской конференции»), но поднятые Поршем темы подлежат государственному решению. В связи с этим он заявил, что уполномочен представить точку зрения советского правительства, которое избрано Вторым Всероссийским съездом Со-

тов рабочих и солдатских депутатов и именно потому является центральной властью. Крупным «kozyрем» в подтверждение сказанного стало вдобавок его сообщение о принятии накануне, 15(28) ноября, Чрезвычайным съездом Советов крестьянских депутатов решения об объединении Исполнительного комитета крестьянских депутатов с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, а также согласие левых эсеров создать с большевиками правительственную коалицию.

Это фактически убило идею Народного совета — организации, которой сторонники «однородно-социалистического правительства» хотели заменить ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, включив в Народный совет делегатов Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а также представителей городских дум и прочих несоветских учреждений. В числе других достижений советской власти Сталин выделил, что за нее стоит девять десятых фронта, что военные операции уже временно остановлены и ожидаются переговоры о перемирии, завершив этот перечень скромно сделанным сообщением относительно передачи украинских реликвий.

Говоря о позиции Совнаркома в украинском вопросе, нарком, исходя из последних федералистских деклараций Рады и давней автономистско-федералистской концепции украинских лидеров, заверил, что автономия должна быть «полной, не стесненной комиссарами сверху. Не может быть никакой опеки, никакого надзора над украинским народом». Относительно же преобразования России на началах федерации заметил, что «воля нации выявляется через национальное Учредительное собрание», — если оно выскажется за федеративную республику, то правительство не станет возражать, добавив при этом, что «власть в крае, как и в других областях, должна быть в руках всей суммы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включая сюда и организации Рады».

Представив таким образом позицию Совнаркома в вопросах государственного устройства, власти и в национальном, Иосиф Сталин прямо спросил, можно ли рассчитывать на благожелательное отношение Рады ко всему сказанному. Порш в порядке личного мнения, заметив при этом, что его партия занимает руководящее положение в Раде, а сам он является членом правительства, высказался в пользу сотрудничества, но «при организации центрального органа демократии» на изложенных им ранее началах.

Вслед за этим возник вопрос о противодействии властей Центральной рады плану Киевского областного комитета большевиков созвать съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины для избрания нового состава Рады. Бакинский пожаловался на притеснения местных советов со стороны администрации Рады, не преминув в связи с этим заметить, что «по конструкции и по составу Рада далеко не демократическое учреждение».

Сталин охотно присоединился к такому определению, добавив к нему неотразимый довод. «Центральная рада, — сказал он, — сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей... хотят ли они войти в состав Украины... В таких случаях вопрос должен и может быть решен лишь самим населением путем опросов, референдума и проч... Центральная рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии...»

Порш возразил, что по составу Украинская центральная рада подобна Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и что екатеринославский, харьковский и херсонский крестьянские съезды высказались за присоединение к Украине. Впрочем, при публикации содержания этого обмена мнениями в органе украинских социал-демократов «Робітнича газета» редакция сочла за лучшее исключить обличительные пассажи Бакинского и Сталина. Полностью текст был напечатан через десять лет [39].

Результат своих переговоров Сталин, по-видимому, считал обнадеживающим и в записке, помеченной «18 ноября, 3 ч. дня. К сведению председателя СНК т. Ленина», потребовал срочного обсуждения среди нескольких других тем «вопроса об Украине и Раде» [40].

Вопрос обсуждался на заседании, открывшемся в семь часов вечера 19 ноября (2 декабря). С докладом выступил Г.Л. Пятаков, совсем недавно — секретарь Киевского комитета большевиков. В дополнение прозвучал доклад Сталина «Об Украине и Раде». Содержание обоих выступлений в документах Совета народных комиссаров не зафиксировано. Постановление же гласило: «Поручить Сталину создать 20 ноября утром особую комиссию, которая должна всесторонне выяснить положение дел, переговорить по прямому проводу, выдвинуть кандидата на пост уполномоченного для поездки на Украину и т. д.» [41].

В это время киевские политики тоже обсуждали итоги разговора Порша со Сталиным. Волнения им добавили еще и свежие сообщения о временной остановке военных действий на отдельных фронтах. Настроения поляризовались. 19 ноября (2 декабря) представители российских социал-демократов-меньшевиков и бундовцы потребовали чрезвычайного заседания Малой рады, обвиняя Порша в отступлении от официального решения Центральной рады о непризнании Совнаркома и в переходе на позиции большевиков относительно немедленного заключения мира. С другой стороны, левый украинский социал-демократ Е.В. Неронович зачитал резолюцию Всеукраинской рады войсковых депутатов с требованием к Генеральному секретариату немедленно приступить к разрешению вопроса о мире в согласии с народными комиссарами и демократами других частей России. Оратор заметил при этом, что Совнарком показал себя гораздо более реальным правительством, чем мифические величины будущей федерации [42].

Малой раде действительно пришлось на заседании 21 ноября (4 декабря) принять постановление об участии своих представителей в делегации от Юго-Западного и Румынского фронтов для переговоров о перемириях и об обращении с предложением мирных переговоров к союзным государствам и к противникам [43]. Кроме того, в принятом документе по-прежнему демонстрировалось намерение привести в исполнение свой утопический государственный проект и потому утверждалось, «что дело мира от имени всей Российской Республики может вести лишь центральный социалистический орган федеративной власти».

При этом признавалось, что попытки создания такого органа пока не удалось, но выражалась уверенность, что «такая власть может сложиться лишь в процессе осуществления мира». Предполагаемым сепаратистским партнерам по федерации 23 ноября (6 декабря) было направлено приглашение Генерального секретариата прибыть в Киев для обсуждения поставленных вопросов [44]. О присоединении представителей Украинской центральной рады к проходившим как раз в те дни в Бресте переговорам о перемирии речи не было [45]. Напротив, возникло намерение не только самостоятельно, от имени Рады вести переговоры, но и обособиться в военном отношении, вычленив из общероссийского отдельный Украинский фронт, как говорилось при обсуждении, — «для лучшего претворения в жизнь дела временного перемирия и для защиты Украины» [46].

Симон Петлюра 23 ноября (6 декабря) на исходе дня извещил по прямому проводу Николая Крыленко о выводе Юго-Западного и Румынского фронтов из-под управления Ставки для объединения их в самостоятельный Украинский фронт, после чего предложил начать «деловые разговоры» о перемирии и положении на фронте [47].

Советский главковерх ограничился коротким возражением, что «знает только один фронт, за который ответст-

венен», а «для согласования действий» передал текст уже подписанного советской делегацией договора о перемирии, добавив при этом, что не чинит препятствий перемещению украинских войск [48]. Для дальнейших контактов с Киевом он из Ставки запросил инструкций правительства. Инструкцию изложил Лев Троцкий 24 ноября (7 декабря) в три часа дня.

Тем временем как раз в этот день газета «Правда» вышла с материалом, содержащим все то, что Сталин изложил Поршу 17(30) ноября. При этом Порш вовсе не упоминался в качестве участника переговоров. В публикации было сказано, что накануне, то есть 23 ноября (6 декабря), другой киевский собеседник наркома «товарищ Сергей Бакинский вел продолжительную беседу с... товарищем Сталиным». Напечатанный текст был разбит на части, каждая со своим заголовком. После первых двух — «Об Украинской республике» и «О власти на Украине» — значилось то, ради чего, очевидно, и была в таком виде предпринята публикация и о чем прямо не было сказано в переговорах 17(30) ноября. Под рубрикой «Совещание Рады и Совета Народных Комиссаров» говорилось, что вышеназванные вопросы представляют широкое поле для соглашения и потому «желательно устроить совещание представителей Центральной Рады и представителей Совета Народных Комиссаров».

Переданное в такой форме приглашение киевским лидерам к диалогу и согласию разминулось по времени с их решением о разделении фронта. Ясно, что после подобного акта отчуждения тон петроградского правительства не мог не измениться. Появились и другие важные обстоятельства, и другое лицо выступило от имени Совета народных комиссаров. Лев Троцкий в упомянутой инструкции для Николая Крыленко более резко, чем Иосиф Сталин, обозначил неприятие абстрактно-демократической риторики политиков Центральной рады и перевел стрелки в

область социально-классовой проблематики как источника противоречий между Петроградом и Киевом.

Он заявил, демонстративно адресуясь лишь к украинским трудящимся массам, что они «на деле должны понять, что общероссийская Советская власть не будет чинить никаких затруднений самоопределению Украины, в какие бы формы это самоопределение окончательно ни вылилось... Но мы считаем необходимым открыто показать... противоречие социалистической политики Советской власти и буржуазной политики Центральной Рады, которая фактически становится — может быть против воли некоторой своей части — правительством имущих классов на Украине. Не намереваясь ни в малой степени навязывать свою волю украинскому народу, Совет Народных Комиссаров... готов всеми зависящими от него средствами поддерживать Советы украинских рабочих, солдат и беднейших крестьян в их борьбе против буржуазной политики нынешних руководителей Центральной Рады».

Двумя днями ранее Ленин говорил на Всероссийском съезде военного флота: «Мы скажем украинцам: как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии» [49]. Такова была позиция большевистского руководства.

В полученной Крыленко от Троцкого инструкции содержались и указания по уже возникшим вопросам отношений в военной области. Троцкий одобрил установку главкома «не чинить никаких политических препятствий передвижению украинских частей с севера на юг», поручил учредить при Ставке представительство украинского штаба. Вопрос о едином Украинском фронте нарком, ставя под сомнение способ образования Украинской народной республики, предложил считать открытым «до определения воли всех заинтересованных областей демократическим путем» [50].

Услышав все это в разговоре с Крыленко по прямому проводу вечером того же дня, Петлюра сразу парировал обвинение в буржуазности Центральной рады, заявив, что она «сконструирована на принципе делегирования всех краевых центров революционной демократии», и, исходя из этой формулы, поинтересовался, не рассчитывая на ответ, против кого будет направлена обещанная Совнаркомом борьба. На предложение прислать в Ставку украинского представителя он выдвинул встречное — о взаимном представительстве при штабах и особо подчеркнул, что не стоит оставлять открытым вопрос об образовании отдельного Украинского фронта, так как он «предрешен» правительством Центральной рады [51].

При всех выявившихся в этом разговоре и акцентированных обеими сторонами расхождениях был вопрос, в котором большевистское руководство рассчитывало на понимание и хотя бы пассивное содействие Киева. Он касался казачьих областей, особенно Донской. Область войска Донского включала значительную часть Донецкого угольного бассейна, давала контроль над хлебными ресурсами юга России и транспортировкой каспийской нефти. Отделение такого края было само по себе болезненно для российского центра.

Кроме того, на Дон стали стекаться военные и политические лидеры антибольшевизма. Атаман войска Донского Алексей Каледин стал известен своим политическим выступлением с призывом «немедленно и резко поставить предел... расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами» [52] еще на Государственном совещании в августе 1917 года. Вскоре он приступил к осуществлению этого призыва, введя 2(15) ноября в области военное положение. В Донбассе и других промышленных центрах, где еще до Октября утвердились Советы рабочих и солдатских депутатов, были размещены воинские части, закрывались рабочие организа-

ции, их активисты увольнялись с работы и вместе с семьями высылались за пределы области в семи- и даже трехдневный срок. Делегации донецких горняков искали защиты в Петрограде и Киеве. Политики Центральной рады, рассматривавшие донское правительство в качестве потенциального партнера в будущей федерации, старались его урезонить переговорами и уговорами, что не слишком помогало. Эпицентром напряженности как раз в те дни стал самый крупный город области — Ростов.

Во время Октябрьского переворота в Ростовском совете преобладали сторонники «однородной социалистической власти». Они тогда заменили образованный большевиками Военно-революционный комитет Комитетом объединенной демократии, который вступил в контакт с Алексеем Калединым, что позволило атаману в соответствии со своими политическими представлениями по-военному распоряжаться в городе. Это в свою очередь вызвало возмущение трудовых низов. Совнарком был кровно заинтересован в их поддержке, но не имел для этого прямого доступа на Дон. Правда, солидарно с ростовскими рабочими выступили моряки Черноморского флота. Донское правительство расценило это как нарушение суверенитета своей республики и окольными путями, через Ставку, по этому поводу заявило протест Совнаркому.

Комиссар казачьих войск при Ставке Шапкин вручил Крыленко документ, в котором говорилось, что «22 ноября в Таганрогский порт вошло несколько вооруженных траллеров, посланных Черноморским флотом против Донского войскового правительства... другой отряд направился к Ростову... захватил в гирлах Дона одну груженую баржу... и увел ее неизвестно куда. Кроме того, из самых разнообразных источников поступают известия о том, что против Дона собираются войска с севера... чтобы установить на Дону господство принципов социал-демократов большевиков» [53].

Похоже, все описанное было местной инициативой черноморских моряков, сделавшейся известной в Петрограде задним числом. Во всяком случае, матрос В.В. Роменец, ставший «главным народным комиссаром Черноморского флота», лишь 23 ноября (6 декабря) проинформировал Совнарком о своем избрании на эту должность и в последние дни сообщал о поднявшемся на флоте «возбуждении против калединской авантюры» и о том, что местными «высшими демократическими организациями были приняты кое-какие меры, чисто демонстративные. В настоящее время посылается еще флотилия в Азовское море, но уже предвидится и столкновение... прошу сообщить... товарищи, что в этом плане предпринято с Вашей стороны, а также как действовать и что предпринимать в дальнейшем Черноморскому флоту, ибо страсти разгораются... я не имею никаких от Вас распоряжений. Быть может мы... и ошибаемся, хотя и думаем, что нет».

В следующей телеграмме, на этот раз в Ставку, Роменец сообщал: «Посланы особые отряды с делегациями во главе для морального воздействия на массу, угоревшую от обещания реакционера. Одна из таких делегаций арестована Каледным. Каледин телеграфировал ультиматум, что Черноморский флот отнюдь не должен вмешиваться в распоряжения автономной области и дела войскового правительства... По последним сведениям с Дона, обострение увеличивается. Телеграфируйте, что предпринимать и как действовать» [54]. Предписание Совнаркома главному комиссару Черноморского флота последовало 26 ноября (9 декабря): «Действуйте со всей решительностью против врагов народа. Не дожидаясь никаких указаний сверху» [55]. А накануне, 25 ноября (8 декабря), Ростовский совет восстановил Военно-революционный комитет, который возглавил борьбу рабочей Красной гвардии за изгнание казачьих войск из города.

Троцкий, узнав со слов Крыленко о переданном Шапкинским протесте донского правительства, не стал отрицать

намерения вмешаться. Он с возмущением поведал о введении военного положения на Дону и об установленных каледиинцами в Ростове на крышах терроризирующих город пулеметах, о связи Каледина с монархистами, о захвате власти в Оренбурге казачьим генералом А.И. Дутовым и так далее. Нарком сообщил о решении «не входить ни в какие переговоры с контрреволюционными заговорщиками... одним ударом положить конец преступным действиям калединцев и корниловцев... контрреволюционному мятежу Дутова». Он предложил Крыленко «немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии» и поручил для этого «запросить Украинскую Раду, считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым или же намерена рассматривать продвижение наших эшелонов на Дон как нарушение своих территориальных прав».

Одновременно главковерху поручалось пригласить представителя Украинской народной республики в состав «общероссийской мирной делегации», которая после объявленного 22 ноября (5 декабря) перерыва должна была продолжить переговоры о перемирии с государствами Четверного союза [56]. Крыленко в вечернем разговоре 24 ноября (7 декабря) попросил у Петлюры «ясного и точного» ответа на поставленный вопрос о пропуске советских войск на Дон. Но генеральный секретарь уклонился, заметив, что «вопрос о том, что происходит на самом Дону следует проверить, дабы не вызвать лишних, а м[ожет] б[ыть] и опасных конфликтов», и переключился на другие темы, пообещав сообщить решение Генерального секретариата по окончании проходившего как раз в тот момент его заседания [57].

Генеральный секретариат по докладу Петлюры постановил отказать в пропуске советских войск и решил искать соглашения с донским правительством, ссылаясь на будто бы полученные от Каледина обещания прекратить преследования донецких шахтеров [58]. На самом деле в разговоре с Поршем по прямому проводу, опубликованном 17(30) ноября, член войскового правительства Поляков отрицал притеснения рабочих и советовал не доверять их жалобам, утверждая, что применяются лишь оборонительные меры против анархических элементов [59].

Петлюра со своей стороны заверил Крыленко, что в Екатеринославской губернии (к ней в то время административно принадлежала часть угольного бассейна) казацкие войска будут заменены украинскими [60], что, конечно, не могло удовлетворить Петроград. Так завязался первый узел конфликта. Генеральные секретари не спешили реагировать на предложение направить своих представителей в Брест, уточняя, в какую делегацию их пригласили — по заключению мира или перемирия [61]. Как видно, они рассчитывали на согласованное выступление с правительствами отделившихся республик и областей, которым направили свое собственное предложение, в конце концов так и оставшееся без ответа. Лишь 28 ноября (11 декабря) после дополнительного напоминания из Ставки начальника штаба М.Д. Бонч-Бруевича правительство Центральной рады назначило на переговоры о перемирии не делегатов, а наблюдателей «для информации и контроля, чтобы перемирие было заключено по возможности в соответствии с нашей платформой и не во вред Украинской Народной Республике» [62].

Конференция по перемирию возобновилась 29 ноября (12 декабря). Украинские наблюдатели — депутат Украинской центральной рады, украинский социал-демократ Н.Г. Левицкий, молодой лидер Национально-революционной партии, член Малой рады Н.М. Любинский и капитан

Г.В. Гасенко, адъютант генерального секретаря по военным делам Петлюры, прибыли в Двинск, к пункту перехода через линию фронта, 1(14) декабря, накануне завершения переговоров.

В сделанном позже докладе своему правительству Левицкий пожаловался, будто петроградские делегаты умышленно не стали дожидаться киевлян, чтобы разом прибыть в Брест, а затем Л.Б. Каменев якобы передал по прямому проводу в Двинск, что украинцам и вовсе «нечего ехать в Брест» [63]. Однако, согласно записи этого разговора на телеграфной ленте, Каменев приветствовал присоединение украинских представителей к советской делегации, ожидавшей их еще в Петрограде, и сообщил, что 2(15) декабря переговоры скорее всего завершатся. Из этого Левицкий сам сделал вывод: «Я Вас понял в таком смысле, что наша поездка [в] Брест будет запоздалой, так как мы успеем приехать после подписания перемирия и быть может, я думаю, нет необходимости совершать эту поездку. Нам важно знать подробные условия перемирия и с тем мы можем уехать» [64]. Каменев и Иоффе тут же изложили основные параметры действительно подписанного в названный срок, 2(15) декабря, перемирия и сообщили, что после короткого перерыва, практически — до 9(22) декабря, должны начаться переговоры о мире. Украинцы, посоветовавшись между собой, 3(16) декабря все-таки прибыли в Брест, чтобы выяснить важные для них вопросы, в частности, распространялось ли на украинизированные части условие о непереброске войск с одного фронта на другой.

Правительства центральных держав до тех пор не принимали во внимание Украинской народной республики в качестве субъекта переговоров. Но прибывших в Брест посланцев Киева командующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский и его начальник штаба генерал-майор М. Гофман, возглавивший на переговорах о перемирии все

делегации Четверного союза, с интересом расспросили о состоянии и составе украинской армии: дисциплине, боеспособности, настроении и даже форме. Австрийцы интересовались позицией правительства Украинской республики в вопросе о Восточной Галиции и Северной Буковине, чье русинское (украинское) население настойчиво требовало от Вены расширения своих национальных прав [65].

Турки напомнили о принадлежавшем им суверенитете над пресловутыми и столь заманчивыми черноморскими проливами. Украинские представители, согласно их докладу Генеральному секретариату, заявили делегатам Четверного союза о непризнании Совнаркома правомочным заключать мир от имени всей России, на что немцы, желая по всей форме прояснить статус объявившегося нового государства, заметили, что не имеют официального уведомления о создании Украинской народной республики, потому должны считать делегатов от Совнаркома представителями всей России, и, только получив из Киева официальное свидетельство украинской государственности и украинскую декларацию о мире, они не станут обсуждать с советскими делегатами проблем, затрагивающих Украину [66].

С этими данными украинцы, оставив наблюдателем в Бресте Любинского, вернулись в Киев за инструкциями. Немцы же, генерал Гофман и представитель внешнеполитического ведомства посланник Ф. Розенберг, согласно сообщению в Вену члена австро-венгерской делегации посла К. Мерея, стали на ту точку зрения, что украинцев следует допустить к переговорам [67]. (После поражения Германии в войне Украина, по словам эмиссара Украинской народной республики в Берлине, «перестала быть там популярной как один из неудачных экспериментов императорского правительства». Тем не менее генерал Гофман в публичных выступлениях без стеснения говорил, что это он в критическом для Германии положении «выдумал Украину» [68].)

Это мнение нашло подтверждение на совещании рейхсканцлера Г. Гертлинга с представителями парламентских партий 7(20) декабря. В выступлении статс-секретаря ведомства иностранных дел Р. Кюльмана, которому предстояло возглавить германскую делегацию на переговорах о мире, оно было сформулировано так, чтобы исключить какие-либо обвинения во вмешательстве во внутренние дела России, ибо федералистские декларации Украинской народной республики не позволяли считать ее полностью самостоятельным государством. «Императорское правительство намерено признать независимость Финляндии и Украины лишь в том случае, если такое признание последует со стороны русского правительства», — заявил Кюльман [69].

В Киеве, конечно, этого осложняющего обстоятельства пока не знали. Но там не было еще и готовности к немедленному миру с Четверным союзом. Напротив, в Генеральном секретариате преобладали украинские социал-демократы и социалисты-федералисты, не оставлявшие мысли занять место в ряду западных демократий — держав Согласия. Для этого следовало поддерживать боеспособность фронта хотя бы в той части, которая пролегла вдоль территории Украины. Отсюда — провозглашение самостоятельного Украинского фронта под началом командовавшего Румынским фронтом генерала Д.Г. Щербачева, который имел возможность действовать в полном контакте с союзническими военными миссиями. С точки зрения политиков Центральной рады, неприемлемым представлялся также переход к большевикам Верховного командования. Был, очевидно, расчет и на то, что с образованием самостоятельного фронта дислоцированные там части проще будет преобразовать в национальную украинскую армию.

«События, которые произошли в Ставке Главковерха, нарушили оперативную связь фронтов, что угрожает украинской территории опасностью из-за всяких возможно-

стей вплоть до подписания мира», — такой невразумительной фразой начиналась резолюция Генерального секретариата от 23 ноября (6 декабря) о создании Украинского фронта [70]. Кроме всего прочего, в ней ложным было утверждение о нарушении оперативной связи Ставки и фронтов. При всем драматизме ситуации командные должности в Ставке и на фронтах занимались генералами и высшими офицерами, выполнявшими свой профессиональный долг согласно предписаниям о полевом управлении войсками в военное время. Нарушение этого порядка началось именно с вторжения украинских властей в непосредственное управление фронтами и их важнейшими подразделениями. Так, Симон Петлюра, минуя фронтовое командование, стал отдавать приказы службе военных сообщений, внося, по словам обратившегося к нему 29 ноября (12 декабря) начальника штаба М.Д. Бонч-Бруевича, «дезорганизацию и путаницу» [71].

Представитель Генерального секретариата на Юго-Западном фронте И.И. Красковский 24 ноября (7 декабря) предпринял демарш против исполнявшего должность командующего фронтом генерала Н.Н. Стогова за переданное им по армиям распоряжение о прекращении огня. «Я не политик, между тем войска разделены на признающих 1) правительство народных комиссаров; 2) не признающих их; 3) признающих лишь Раду и 4) казаков, признающих лишь свои войсковые правительства», — писал генерал по этому поводу главнокомандующему, подчеркивая серьезность положения, при котором воинские приказы потеряли силу [72].

Вскоре обнаружилось, что провозглашение Украинского фронта не привело к сплочению частей и повышению их боеспособности. Напротив, на Румынском фронте целая 8-я армия не признала своей принадлежности к Украинской народной республике. Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта, состоявшийся 18–24 ноября (1–7 дека-

бря), хотя и направил приветствие властям Украинской республики, но не согласился с переходом в их подчинение, а в вопросе о политической власти высказался за Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в центре и на местах [73]. Обеспокоенный положением на передовой генерал Стогов телеграфировал в Киев, что «русские части угрожают бежать с Украинского фронта. Катастрофа не за горами» [74]. По данным работавших в армии большевиков, в войсках Румынского и Юго-Западного фронтов этнических украинцев насчитывалось самое большее одна треть [75].

Правительству Центральной рады нечего было предложить неукраинцам-окопникам, чтобы задержать их на позициях, кроме строгого напоминания об их долге «добросовестно и честно выполнять свои обязанности по охране Украинского фронта» [76]. Зато в тыловых частях и гарнизонах, где среди военнослужащих царил такой же разброд, генеральные секретари решили провести чистку по этническому признаку, тем более что они долго тешили себя представлением о большевизме как чисто русском явлении, якобы чуждом украинцам. Немало большевизированных подразделений скопилось в Киеве, где они смыкались в идейно-политических предпочтениях с Советом рабочих и солдатских депутатов и его Красной гвардией. Впрочем, все вместе они, по данным украинского исследователя, к концу ноября 1917 года располагали еще вдвое меньшими силами, чем находившиеся там же украинские войска.

При этом Киевский комитет большевистской партии отклонил предложение некоторых своих членов о вызове в город большевизированного 2-го гвардейского корпуса, потому что рассчитывал победить в политической борьбе на Всеукраинском съезде Советов, назначенном на 4(17) декабря. Однако украинские власти, заранее начав ликвидацию отрядов Красной гвардии и аресты выборных командиров воинских частей, спровоцировали комитет на ре-

шение предъявить Генеральному секретариату ультиматум [77] и опередили большевиков, проведя до истечения срока ультиматума, в ночь с 29 на 30 ноября (12–13 декабря), разоружение и вывоз за пределы края пробольшевиistically настроенных неукраинизированных частей без оружия, в том числе без принадлежавших им 380 артиллерийских орудий и другого имущества.

Большевистская пропаганда заклеила случившееся как шовинистический акт и оскорбление воинской чести. «Мы отправляли украинцев петроградского гарнизона на Украину с музыкой и оружием, — говорилось в приказе Николая Крыленко по армиям от 16(29) декабря 1917 года. — Мы братски делились с ними оружием... Рада с нашими товарищами поступила так, как поступают немцы с военнопленными, если не хуже... Как арестантов, как грабителей с большой дороги отправила их под конвоем на вокзал... голых и босых она их выгнала из Киева» [78].

Одновременно с киевскими событиями в Одессе Украинская рада 29 ноября (12 декабря) запретила отправку на Дон против Каледина отряда Красной гвардии и матросов. В ответ красногвардейцы и присоединившиеся к ним солдаты захватили автомобили украинских добровольцев-гайдамаков — разгорелся настоящий бой, в котором было убито до 300 красногвардейцев вместе с их командиром и четырьмя гайдамаками [79]. Вслед за этим украинские власти и в других городах попытались ликвидировать Красную гвардию, в некоторых распустили Советы, разоружили ряд гарнизонов и частей — тех, которые не выполнили приказ Симона Петлюры об увольнении солдат-неукраинцев. Такой приказ был отдан по всему Одесскому военному округу, что, по документам Ставки, окончательно «запрудило дороги и ослабило резерв», а с социально-политической точки зрения только пополнило ряды растекшихся по Украине лишенных средств к существованию, на все готовых люмпенов. При этом части, признав-

шие власть Украинской центральной рады, украинское командование стало перемещать с внешнего фронта к северным и восточным пределам Украинской республики [80].

30 ноября (13 декабря) Петлюра направил командующим фронтами и украинским комиссарам телеграмму о запрете следования воинских эшелонов без специального разрешения Генерального секретариата по военным делам [81]. Получив сообщение об этом, генерал Бонч-Бруевич предписал «продолжать отдавать распоряжения согласно положению о полевом управлении войсками» [82].

Все эти события вызвали тревогу в Петрограде. 2(15) декабря на заседании Совета народных комиссаров одним из пунктов значилось: «Украинский вопрос (доклад товарища Сталина) в связи с инструкцией Крыленко по телеграфу». Столь же малоинформативным для исследователя оказалось и постановление: «Дать соответствующую инструкцию Крыленко по телеграфу» [83]. Однако в сделанной от руки черновой секретарской записи есть более развернутый, но недописанный и вычеркнутый затем фрагмент: «1) Войска против Каледина продвин[уть] через Украину, не считаясь с последствиями. 2) Офиц[иально] признавать независимость Украинс[кой] республики Советов с конфискацией земли у помещиков. 3) Выразить...» [84]. На этом запись обрывается. Из нее следует, во-первых, что обострение ситуации с Украиной для большевистского руководства явилось исключительно производным событий на Дону; во-вторых, что большевики в качестве средства воздействия на строптивного соседа готовились сыграть на самом чувствительном для крестьян-украинцев пункте — земельном вопросе, в котором Украинская центральная рада бездействовала.

Очевидно, на основании полученной инструкции Николай Крыленко направил 3(16) декабря [85] директиву Военно-революционному комитету Юго-Западного фронта, армейским Советам и комиссарам армий Юго-Западного

и Румынского фронтов: «Ввиду обострения отношений с Украинской народной республикой, не остановившейся перед разоружением наших полков в Киеве, захватом имущества, систематической дезорганизацией фронта прошу принять экстренно меры к приостановке украинизации, в случае необходимости — обезоружения враждебно настроенных частей и к немедленному снаряжению войск для обеспечения тыловых учреждений фронта... Я не останавлиюсь перед самыми решительными мерами для охраны целостности фронта и защиты интересов рабочих и крестьян и солдат вверенной мне армии на Юго-Западном и Румынском фронтах» [86].

Директива осталась невыполненной. С 4 по 11 (17–24) декабря украинские войска захватили штабы фронтов, армий вплоть до полков, произвели аресты членов Военно-революционных комитетов и комиссаров-большевиков, некоторых расстреляли, хотя, как пишут украинские авторы, «ряд большевистских Военно-революционных комитетов был готов идти на компромисс и сотрудничество с Центральной Радой» [87]. Генерал Стогов в личном письме генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Гришинскому писал 7(20) декабря: «Вам, конечно известно, что Бердичев и Штаюз (штаб Юго-Западного фронта в Бердичеве. — *И. М.*) в руках украинцев, и я силой вещей вынужден был допустить украинский контроль над всей работой штаба... Я поставлен в такое положение, что хотя номинально и не освобожден от должности, но фактически сделать ничего не могу, и распоряжается всем у нас Фронтвая рада во главе с комиссаром... Все это ставит фронт в ужасное положение» [88]. Таким образом, армию, бывшую более трех лет на острие «того великого ужаса, который именуется войной» [89], теперь сделали первым объектом и полем столкновения политико-идеологических противоречий в расколотовой, прежде единой стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине // Историк и современник. — Берлин, 1924. Т. V. С. 71.
2. Цит. по: Історія України. Нове бачення. — Київ, 1996. Т. 2. С. 21.
3. Українська центральна рада: Документи і матеріали (УЦР). — Київ, 1996. Т. 1. С. 363.
4. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 374. Л. 22.
5. АВП РФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 17. П. 1. Л. 2, 3.
6. Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине // Историк и современник. — Берлин, 1924. Т. V. С. 102.
7. УЦР. Т. 1. С. 408.
8. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 96.
9. Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине // Историк и современник. — Берлин, 1924. Т. V. С. 103–104.
10. УЦР. Т. 1. С. 398–400.
11. Там же. С. 405.
12. Там же. С. 393, 404–405, 434, 570–571.
13. Там же. С. 409.
14. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 208.
15. Там же. Л. 209–210.
16. Там же. Л. 225.
17. УЦР. Т. 1. С. 454–455, 459.
18. Октябрь на фронте // Красный архив. — 1927. — № 4. — С. 236.
19. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 83.
20. Дознание по делу об убийстве генерала Духонина // Правда. — 1917. — 30 ноября (13 декабря).
21. Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица: Биографический альманах. — М.–СПб., 1994. Т. 5. С. 185, 307.
22. См.: Лукомский А. Из воспоминаний // АРР. — М., 1991. Т. 5. С. 155.
23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 75. Л. 56.
24. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 1–3.
25. Там же. Л. 4.

26. См.: УЦР. Т. 1. С. 400, 409, 567–568.
27. УЦР. Т. 1. С. 448, 459, 492; Винниченко В. Відродження нації. — Київ–Відень, 1920. Ч. 2. С. 118–122, 229–244; Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 92.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1-а. Д. 252. Л. 10.
29. Там же. Л. 10-об; см. також: Протоколи Центрального Комітета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 155.
30. АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 4.
31. Щусь О.Й. Питання військового захисту УНР на першому етапі її розбудови // Центральна рада на тлі Української революції. — Київ, 1996. С. 101–102.
32. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 166–167, 168.
33. Там же. Оп. 4. Д. 38. Л. 17.
34. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 18, 19, 20–24, 77–79; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 89. Л. 11–24.
35. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 38. Л. 87.
36. Там же. Д. 50. Л. 305.
37. Сводка материалов по истории Ревельского Укрепленного района // АРР. — М., 1991. Т. 13. С. 158–189.
38. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-об.
39. 1917 год на Киевщине: Хроника событий. — Киев, 1928. С. 529–534.
40. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
41. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7-об.
42. УЦР. Т. 1. С. 461–462.
43. Там же. С. 466–468.
44. Там же. С. 473–474.
45. Там же. С. 469; АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 17. Л. 1–1-об.
46. УЦР. Т. 1. С. 465, 471.
47. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 9–11.
48. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 75. Л. 15–19.
49. АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 1.
50. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 116.
51. АВР РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 1.

52. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 5, 6.
53. Цит. по: Милюков П.Н. История второй русской революции. — М., 2001. С. 312.
54. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 75. Л. 20–21.
55. Там же. Д. 47. Л. 39, 42, 43–44.
56. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). — М., 1969. С. 14.
57. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 16. Л. 2–3, 4.
58. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 3–6, 12–13.
59. УЦР. Т. 1. С. 475.
60. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 7.
61. УЦР. Т. 1. С. 475.
62. Там же. С. 482.
63. Там же. С. 521–522.
64. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 11. П. 1. Л. 12.
65. Подробнее см.: Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М., 2003. С. 32–53, 170–187.
66. УЦР. Т. 1. С. 522–523.
67. Симоненко Р.Г. Брест: Двобій війни і миру. — Київ, 1988. С. 184.
68. ГАРФ. Ф. 5889. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
69. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 111.
70. УЦР. Т. 1. С. 471.
71. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 271.
72. Там же. Оп. 4. Д. 50. Л. 166.
73. УЦР. Т. 1. С. 574; см. также: Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // АРР. — М., 1992. Т. 13. С. 21.
74. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 73.
75. Там же. Д. 2446. Л. 9.
76. УЦР. Т. 1. С. 472.
77. Солдатенко В.Ф. Запровадження автономії України і збройни сили республіки // Український історичний журнал. — 1992. — № 7–8. — С. 34–35.

78. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 15. Л. 10-об.
79. УЦР. Т. 1. С. 495, 529, 577–578.
80. Солдатенко В.Ф. Запровадження автономії України і збройні сили республіки // Український історичний журнал. — 1992. — № 7–8. — С. 35; Щусь О.Й. Питання військового захисту УНР на першому етапі її розбудови // Центральна рада на тлі Української революції. — Київ, 1996. С. 105; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25622. Л. 4–5.
81. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 233.
82. Там же. Л. 248.
83. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
84. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
85. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
86. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 257.
87. Бойко О., Буравченков А. Український фронт у 1917 р. // Центральна рада на тлі Української революції. — Київ, 1996. С. 94–96.
88. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 289–290.
89. Будберг А. Дневник // АРР. — М., 1991. Т. 12. С. 199.

РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ СОВНАРКОМОМ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

Совнарком готовит передачу в Киев украинских исторических реликвий, а члены Украинской секции ВЦИК излагают требования Генерального секретариата как условия установления его отношений с Совнаркомом. — Разгром калединцами ростовского Совета и разоружение неукраинских частей в Киеве — причины ультиматума Совета народных комиссаров правительству Украинской центральной рады. — Провал Всеукраинского съезда Советов в Киеве. — Советские отряды через Харьков направляются на борьбу против калединских войск, а Петлюра приказывает украинизированным частям остановиться у Петрограда движение советских войск на юг. — Попытка урегулировать отношения Петрограда и Киева при посредстве Украинского революционного штаба Петроградской краевой войсковой рады. — Арест членов штаба. — «Детективная» история Ф.А. Мишуrowsкого. Посредничество делегатов Второго Всероссийского крестьянского съезда: большевистское руководство готово удовлетворить все требования генеральных секретарей за отказ Центральной рады от поддержки донской контрреволюции. — Совет народных комиссаров направляет своего представителя для переговоров в Киев: Василюк сомневается, а Троцкий верит в успех этой миссии. — Пропаганда Украинского революционного штаба в Петрограде. — Всеукраинский съезд Советов в Харькове. — Образование нового центра власти на Украине.

Поза непризнания советского правительства, с самого начала заявленная властями Украинской народной республики, определила отсутствие между ними обычных каналов межгосударственных отношений. Для контактов как связующее звено использовалась Ставка Верховного главнокомандования, но, взяв курс на создание Украин-

ского фронта, генеральные секретари первым делом объявили о разрыве связи со Ставкой.

Народные комиссары, напротив, начали с демонстративно дружелюбного акта, приняв постановление о передаче Киеву украинских исторических ценностей («знамен, пушек и булавы», вывезенных в Петербург при Екатерине II), и намеревались обставить это событие соответствующим пропагандистским сопровождением. Было намечено «передачу реликвий сделать в торжественной форме народного праздника перед Преображенским собором с участием войсковых частей... вместе с реликвиями передать украинцам особо изготовленную грамоту» того содержания, что ВЦИК Советов возвращает трофеи как память о славной борьбе украинцев за свободу [1].

Для устройства праздника создавалась комиссия из трех представителей ВЦИК, в том числе одного — от Украинской секции (секция состояла из трех членов), сотрудников комиссариатов просвещения, по национальным и по военным делам, ведомства дворцов и музеев, а также представителей Петроградской краевой войсковой рады, руководимой Украинским революционным штабом (официальной задачей этой рады было формирование на месте украинизированных воинских подразделений).

С последней организацией у Совета народных комиссаров отношения не сложились. В подготовительных материалах к протоколам заседаний правительства об этом сказано так: представители Петроградской украинской войсковой рады «просили, чтобы передача была сделана в их руки, однако в мандате этих представителей не была предусмотрена сама передача и не было обращения к Совету Народных Комиссаров как к законной верховной власти в России. Ввиду этого, а также и резкой формы, в которой представители Рады вели дальнейшие переговоры с народными комиссарами, принята следующая резолюция: “Председатель Совета Народных Комиссаров и народные

комиссары по иностранным делам, по просвещению и по делам национальностей, заслушав постановление особой комиссии по передаче украинскому народу его реликвий, а также протест Украинского революционного штаба, постановили: дальнейшие переговоры о сроке и порядке передачи реликвий вести с Украинской фракцией ЦИК и официальную передачу осуществить в руки доверенного лица этой фракции». Информацию об этом намечено было опубликовать 1(14) декабря 1917 года [2].

Переговоры же с Украинской секцией ВЦИК начались, и, как видно, не только о реликвиях. Из не полностью сохранившейся записи более позднего разговора по прямому проводу члена Украинской секции левого эсера П.Г. Василюка с генеральными секретарями в Киеве следует, что 3(16) декабря (датировка — по содержанию) Украинская секция «в категорической форме» выдвинула перед СНК вопросы, очевидно, предложенные генеральными секретарями, с тем чтобы «вопрос о Раде был немедленно поставлен на повестку дня, чтобы до ночи. Утром, — подытожил Василюк результат этого напористого демарша, — вместо ответа на запросы фракция получила копию ультиматума» [3].

Какие именно в тот день были поставлены вопросы, Василюк не уточнил. Скорее всего те, что в дальнейшем, в очередном разговоре с Киевом по прямому проводу, он перечислил. Среди них — вопрос о признании Генерального секретариата высшим краевым органом Украины, о взгляде Совнаркома на предложение Генерального секретариата «организовать государственную власть на федеративных началах из представителей самоопределившихся народов и областей... Сибири и Украины, Дона и Кубани, Белоруссии, Великой России, Финляндии, Молдавии и др.», о том, справедливы ли слухи о подготовке Советом народных комиссаров военного похода, чтобы «силой заставить свободный украинский народ подчиниться центральной власти в Петрограде».

К этим политическим требованиям было добавлено множество более частных претензий: по поводу посылки на Украину продовольственных комиссаров для закупки продуктов, о направлении Государственным банком денег непосредственно стачечным комитетам железнодорожников, а не Генеральному секретариату и игнорировании других финансовых заявок последнего, о препятствиях в переброске украинизированных воинских подразделений и так далее. «Все это, — говорилось в перечне вопросов, — может вынудить Центральную раду порвать отношения с народными комиссарами, прекратить снабжение продовольствием Великой России и немедленно приступить к выпуску денег УНР» [4].

Этот подписанный председателем Украинской секции ВЦИК Кереченко и секретарем Василюком запрос с угрозами «порвать отношения... и прекратить снабжение продовольствием», а также неуместное предложение о федерации, особенно — о федерации с Доном, по-видимому, только подлил масла в огонь. Большевицкое руководство остро восприняло только что произведенное в Киеве разоружение неукраинских частей и провозглашение Украинского фронта. К этому добавилось, что как раз накануне калединские войска после семидневных ожесточенных боев с Красной гвардией Ростова выбили ее из города и разгромили ростовский Совет. Петроград, при всей полярности политических симпатий его жителей, был потрясен этим прологом к разыгравшейся в дальнейшем трагедии братоубийственной Гражданской войны. Зинаида Гиппиус, отнюдь не сочувствовавшая большевикам, в те дни систематически заносила в свой дневник: «30 ноября, четверг. На Дону — кровь и дым... 4 декабря, понедельник. На Дону кровавая бойня. Неизвестно, кто одолеет» [5].

Большевицкому же руководству было ясно, что разгром ростовских сторонников советской власти открывал калединцам путь в глубь Донецкого бассейна и далее на

север. Остановить их было невозможно, минуя те территории, которые Центральная рада провозгласила украинскими. Потому после упомянутого ранее обсуждения ситуации правительством 2(15) декабря, на следующий день (как раз когда Василюк с товарищами потребовали немедленного ответа на свой перечень вопросов), Совнарком вновь вернулся к украинским делам.

Протокол заседания СНК, начавшегося в 1 час дня 3(16) декабря, свидетельствует о большой спешке: «Выпустить особый меморандум [к] Украинскому народу и послать Раде ультиматум. Поручить комиссии (Ленин, Троцкий, Сталин) составить проект ультиматума и представить его в это же заседание. Вопрос о меморандуме обсудить совместно с текстом ультиматума» [6]. В шесть часов вечера сведенный вместе «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» авторства Ленина и Троцкого был единогласно утвержден участниками заседания [7]. Документ был составлен в том стиле, о котором профессиональный дипломат Г.В. Чичерин с сожалением писал летом 1918 года: «Несчастье в том, что Троцкий любит театральное громовержество... и проявляет ультравоинственность... А Ильич любит решительность, беспощадность, ультиматумы и т. д.» [8].

В «Манифесте», с одной стороны, декларировалось признание Украинской республики и ее права отделиться от России (со ссылкой на пример отделившейся Финляндии), а с другой — заявлялось о непризнании Украинской центральной рады из-за ее «двусмысленной, буржуазной политики» — подавления советов, дезорганизации фронта несанкционированным перемещением украинизированных частей и поддержки кадетско-калединского заговора. Документ с требованиями из трех пунктов заменить эту политику на противоположную завершился предупреждением: в случае неполучения удовлетворительного ответа «в течение 48 часов Совет Народных Комиссаров будет счи-

тать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине» [9].

Ответ Генерального секретариата был так же скор (составлен уже 4(17) декабря), непримирим и воинственен. Подписан он был вместе с главой правительства Винниченко генеральным секретарем по военным делам Петлюрой [10] (в современной украинской публикации его подпись заменена на подпись руководителя внешнеполитического ведомства Украинской народной республики А.Я. Шульгина [11]). В документе среди прочего говорилось: «Украинская демократия в лице украинских советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, организованных в законодательном органе — Центральной раде и в правительстве... вполне удовлетворена как составом этих органов, так и проведением в жизнь ее волеизъявления. Центральной радой не удовлетворены великорусские элементы черносотенского, кадетского и большевистского направления... но Генеральный секретариат предоставляет полную возможность указанным элементам выехать из территории Украины в Великороссию, где их национальное чувство будет удовлетворено... Генеральный секретариат не находит возможным единственно силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта... поэтому он уводит украинские войска на Украинский фронт... Производится это во имя спасения хоть одной части фронта и от этой задачи Генеральный секретариат не отступит ни перед какими препятствиями... Если народные комиссары Великороссии... принудят Генеральный секретариат принять их вызов, то Генеральный секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам» [12].

На фоне такого диалога, больше похожего на артобстрел снарядами большого калибра, в Киеве 4(17) декабря должен был открыться Всеукраинский съезд Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов, с которым был связан большевистский план растворения Украинской центральной рады в системе советов. Национальные деятели в принципе сначала противились съезду, но в конце концов сумели по-своему подготовиться к нему. Они заранее бросили клич украинским армейским и крестьянским организациям направлять всех желающих, не считаясь с установленными большевиками нормами представительства. Поездами, пароходами по Днепру, на лошадях по проселкам двинулись в Киев делегаты числом около двух с половиной тысяч [13].

В Центральной раде «их принимали, накачивали, угощали и, дав от себя руководителя, посылали их в мандатную комиссию съезда. Люди приезжали с невероятными мандатами: «Командир такой-то сотни украинского полка делегирует на Всеукраинский съезд своего денщика»... Кончилось тем, что мандатной комиссии пришлось оставить помещение... через окно. Бланки захватила разъяренная толпа». Так вспоминал о подготовительной стадии съезда один из его организаторов и лидеров киевских большевиков В.П. Затонский [14].

Предъявленный в день открытия съезда 4(17) декабря петроградский ультиматум и вовсе отвлек собравшихся от внутреннего неблагополучия в крае, сместив их внимание в область оскорбленных внешним вмешательством национальных чувств. Инициаторов съезда — местных большевиков не допустили в президиум, их ораторов освистывали или совсем не давали говорить. Из-за получившейся организационной неразберихи они попытались перевести мероприятие в формат совещания. Но сторонники Центральной рады не допустили этого, решив в полном объеме использовать свое численное превосходство, продолжая заседать как съезд Советов, который выразил доверие действующему составу Рады, отклонив предложение о ее переизбрании и одобрив резкий ответ Генерального секретариата советскому правительству [15].

5(18) декабря Совет народных комиссаров вновь обсуждал украинский вопрос в связи с ответом Киева на советский ультиматум. Кроме того, украинские дела затронул нарком по военным делам В.А. Антонов-Овсеенко, внося предложение о необходимости поездки в Ставку. В занесенном в черновик протокола постановлении по этому предложению говорилось: «Предостав[ить] т. Антонову согласно его просьбе поездку в Ставку для точного выяснения организации и состава боевого [отряда — зачеркнуто] центра, действующего против контрреволю[ции], для взаимоотно[шений] между ведом[ствами] между этим боевым центром и Главковерхом. Прямой же задачей тов. Антонов[а] организация борьбы и боевых действий с Радой» [16].

Однако весь этот пункт вовсе не вошел в окончательный машинописный текст протокола. Его видоизмененный по смыслу след обнаруживается в конечном варианте постановления по первому из упомянутых пунктов: «Признать ответ Рады неудовлетворительным. Считать Раду в состоянии войны с нами. Поручить комиссии в составе товарищей Ленина, Троцкого и Сталина принять соответствующие активные меры по сношению со Ставкой и выпустить от имени Совета Народных Комиссаров два воззвания — к украинскому народу и к солдатам. Считать эту комиссию полномочной действовать от имени Совета народных комиссаров» [17].

Положение, очевидно, очень тревожило большевистское правительство. В тот день Лев Троцкий по давнему настоянию Ж. Садуля первый и единственный раз посетил французское посольство. В почти двухчасовой беседе с послом Ж. Нулансом обсуждались несколько тем, но в опубликованном на следующий день сообщении получил преимущественное освещение украинский вопрос. Троцкий, перечислив послу все вменяемые большевиками Украинской центральной раде «грехи», заявил о недопустимости контактов находившихся на Украине французских офице-

ров с Радой. Посол, со своей стороны, напомнил, что военные миссии союзников находятся по приглашению прежних русских правительств, и заверил, что в случае военного конфликта они не станут вмешиваться в борьбу. Редакция «Правды» скептически прокомментировала согласованное сторонами коммюнике: «Из настоящего сообщения мы не можем, к сожалению, вынести вполне определенное представление о роли французских офицеров «при Раде». Между тем ясность в этом деле абсолютно необходима» [18]. Французская печать представила эту встречу в крайне негативном свете [19].

5(18) декабря Троцкий сообщил Крыленко в Ставку: «Мы не можем допустить безнаказанно такие провокационные действия, как разоружение наших полков или как прямое пособничество Каледину... Соглашение с советской республикой на Украине не представляло бы никаких затруднений в том числе и в вопросе национализации (украинизации. — *И. М.*) армии. Противоречие между нами и Радой лежит не в национальной, а в социальной области... Советы на Украине должны знать, что мы готовы поддержать их борьбу против Рады... Но мы не можем сейчас ни на минуту ослабить нашу борьбу с контрреволюцией под влиянием протестов Рады. Необходимо двинуть как можно большие силы против каледиинцев на Дону и на Украине... Нельзя позволить Раде безнаказанно прикрывать социальную корниловщину знаменем национальной независимости. Мы ждем от Вас решительных действий в том смысле, чтобы обезопасить наши войска на Украине от контрреволюционных посягательств Рады. Завтра мы выработаем формальное заявление по этому вопросу... но в области практических действий Вам незачем дожидаться официальных деклараций» [20].

6(19) декабря секретарь Ленина передал главковерху от имени Совета народных комиссаров: «Ответ Центральной Рады считаем недостаточным, война объявлена, ответст-

венность за судьбы демократического мира, который сры-
вает Рада, падает целиком на Раду. Предлагаем двинуть
далее беспощадную борьбу с калединцами. Мешающих
продвижению революционных войск ломайте неуклонно.
Не допускайте разоружения советских войск. Все свобод-
ные силы должны быть брошены на борьбу с контррево-
люцией» [21].

Симон Петлюра не уступал в решимости развернуть бо-
евые действия на чужой территории. 5(18) декабря он из-
дал провокационный, по оценке украинского исследова-
теля [22], приказ с предписанием широко распростра-
нить его в разных воинских подразделениях, в том числе
на Румынском фронте. Приказ был адресован украинско-
му комиссару Северного фронта. Петлюра, бывший чи-
новник Союза земств при войсках («земгусар» — презри-
тельно называли этих лиц строевики Первой мировой
войны), иронизируя над низким воинским званием боль-
шевистского главковерха, вменял украинскому комисса-
ру «никаких распоряжений прапорщика Крыленко, ни
его комиссаров, ни большевистских комитетов не выпол-
нять. Все украинцы Северного фронта подчинены Вам и
Войсковой фронтовой раде... Немедленно организуйте
украинский командный состав... и займите соответству-
ющую позицию по отношению к большевистским рево-
люционным комитетам и докажите, что тот, кто подни-
мет руку на молодую Украинскую народную республику и
ее благополучие, найдет в воинах-украинцах фронта ре-
шительный и твердый отпор. Поручаю Вам для проведе-
ния всего этого в жизнь пользоваться всеми способами,
какие вызываются Вашим географическим положением
по отношению к Петрограду, откуда надвигается на Укра-
ину большая угроза. Необходимо, чтобы Вы эту угрозу
удержали возле Петрограда» [23]. Неудивительно после
этого, что 11(24) декабря Крыленко сообщал правитель-
ству: «На Северном и Западном фронтах пришлось при-

бегнуть к аресту украинских местных рад и разоружению украинских частей» [24].

Впрочем, воинственные приказы с обеих сторон не означали пока неизбежности военного столкновения. Их авторы чувствовали, что не располагают для этого достаточными силами. Петлюра считал, что ему недостает украинизированных частей, оставшихся за пределами края. Он не представлял еще, какими малопригодными для защиты «украинского дела» окажутся эти части. Большевицкое же руководство в то время вообще рассматривало украинскую проблему лишь как производную от донской. Владимир Антонов-Овсеенко получил назначение главным командующим советскими войсками по борьбе с контрреволюцией на юге России. «На юг для военных действий против Каледина», — уточнил 8(21) декабря в записке к нему Ленин [25].

Ближайший путь туда лежал через территории, произвольно объявленные Киевом принадлежащими Украине. Важным, с точки зрения Петрограда, считалось также не допустить притока казачьих частей с фронта через украинские земли. На первых порах Антонов-Овсеенко располагал небольшими силами Красной гвардии, отрядами, выделенными Московским военным округом, и некоторыми другими подразделениями. Большевицкое руководство рассчитывало пополнить их частями с внешнего фронта, остававшегося в ведении Ставки. Кроме того, войска на позициях и в прифронтовой полосе, в немалой части большевизированные, рассматривались как фактор, ограничивавший с запада сферу влияния киевского правительства. Обо всем этом 11(24) декабря главноверх передавал из Ставки: «С Северного, Западного фронта, Юго-Западного движется, что можно и что выдерживают перегруженные железные дороги. Приходится считаться с фактом крайнего ухудшения [транспорта] в силу конфликта с Радой... Операции против Каледина руководятся из Брянска Кудинским и направляются по на-

правлению на Воронеж — Лиски и Харьков. Части того же отряда направлены на Бахмач и на Коростень. Рада обороняется с севера путем взрыва мостов и разборкой путей и на юго-запад — путем захвата железнодорожных узлов... Столкновения возможны в каждый момент... В украинских корпусах и дивизиях наших фронтов — напряженное состояние, определяющееся однако мало помалу в нашу пользу. На южных фронтах... — более неопределенное в самих частях, выставленных против нас» [26].

Ответом главверху послужило распоряжение Ленина и Троцкого, «чтобы в Харькове возможно скорее оказалось больше вполне надежных войск и чтобы движение шло, не останавливаясь ни перед какими препятствиями и никакими другими соображениями. Мы крайне обеспокоены неэнергичным движением войск с фронта на Харьков. Примите все меры вплоть до наиболее революционных для самого энергичного движения войск и притом в большом количестве, на Харьков» [27]. (На телеграфной ленте записан и другой вариант: «По-моему надо ответить: усильте внимание, удвойте бдительность и энергию, чтобы быстрее и больше двинуть на Харьков отовсюду, со всех частей фронта, никакими иными соображениями не стесняясь». Под этим, как и под первым текстом, подпись — «Н. Ленин» [28].) Заметим, что речь велась о ключевом транспортном узле в направлении на юг России, а не вглубь Украины, тем более что в самом Харькове власть Украинской центральной рады была относительной и позиции ее противников слева заметно усиливались.

Сталин в те дни неоднократно публично выступал по украинскому вопросу. На заседании ВЦИК Советов 14(27) декабря он пояснил, что военные действия могут задеть Украинскую республику лишь в том случае, если Центральная рада «будет препятствовать нашему продвижению против Каледина, заслоняя его собою, то удары, направленные против Каледина, падут на нее» [29].

Причем эти публичные разъяснения и оперативные директивы предварила попытка наладить переговоры по существу дела. На сцену вновь выдвинулся Украинский революционный штаб при Петроградской краевой войсковой раде, предложив свое посредничество. Совнарком согласился и немедленно, 6(19) декабря, дал возможность штабу связаться с киевским правительством по прямому проводу. Глава Генерального секретариата Винниченко откликнулся на обращение штаба, заявив, что ответ его кабинета на ультиматум Совнаркома «нельзя рассматривать как окончательный разрыв и начало военных действий», и уполномочил представителей штаба передать Совнаркому условия, при которых, по его словам, возможно мирное разрешение спора: невмешательство во внутренние дела Украинской республики, выполнение требования об украинизации войск, урегулирование финансовых вопросов государственной казны и отстранение Ставки от управления Украинским фронтом. Вновь поднимался вопрос о союзном, то есть федеративном, правительстве, причем было заявлено, что «Украина, учитывая значение, которое она теперь приобрела, должна в нем иметь не меньше чем треть представителей». Одновременно сообщалось, что продовольствие на север будет выдаваться на границе Украины за наличные банкноты прямо в кассу генерального секретариата земельных дел, и одна треть суммы — золотом [30].

Троцкий в тот же день доложил о содержании предложенный и по поручению Совнаркома составил ответ для Украинского штаба. В нем говорилось, что принципиальные вопросы — признание Украинской народной республики, невмешательство в ее самоопределение — не составляют предмета спора, а что действительным предметом конфликта, совершенно замалчиваемым Киевом, является поддержка им калединской контрреволюции. «Соглашение... возможно только при условии категорического заявления Рады об ее готовности немедленно отказаться от

какой бы то ни было поддержки калединского мятежа и контрреволюционного заговора кадетской буржуазии», — гласил заключительный вывод [31].

Причем, по словам Василиюка, через два дня после ответа Рады на ультиматум, то есть 6 или 7 (19–20) декабря, Троцкий сказал ему, что большинство условий, изложенных в вышеупомянутом запросе Украинской секции ВЦИК, Совнарком разрешит положительно; спорными остаются лишь вопрос о пропуске войск против Каледина и возвращение оружия разоруженным неукраинским частям [32].

Между тем к посредничеству подключались все новые организации и лица. 26 ноября (9 декабря), сразу после закрытия Чрезвычайного крестьянского съезда — он был созван по инициативе ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и прошел с перевесом левых эсеров и большевиков (правые оставили Чрезвычайный съезд), — старый эсеровский Исполком крестьянских советов открыл очередной — Второй съезд Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Обсуждение жгучих вопросов момента (об отношении к Учредительному собранию, о перспективах мира всеобщего или сепаратного, о конфликте, возникшем между Киевом и Петроградом, и так далее), а также появление в зале и выступление большевистских лидеров Ленина и Троцкого раскололи и этот съезд. С 5(18) декабря образовавшие многочисленную группу левые заседали отдельно от правых и центра [33].

Обе части крестьянского съезда обсуждали украинский вопрос. Левая по предложению своих украинских делегатов назначила комиссию в составе Г. Лесновского, Волкова, Цевирко и Бондарчука для контактов с Советом народных комиссаров и Центральной радой с целью «немедленного предупреждения возможного кровопролития», как значилось в мандате комиссии. Утром 7(20) декабря членам комиссии был предоставлен прямой провод для связи

с Киевом, где их собеседниками стали члены Генерального секретариата Винниченко и Ткаченко [34].

На вопрос делегатов, есть ли опасность кровавого столкновения между большевистскими и украинскими войсками, генеральные секретари ответили, сгущая краски, что положение очень ненадежное, поскольку со стороны Проскурова, Ровно и Бахмача на Украину надвигаются большевистские войска [35]. Стоит заметить, что Крыленко в те дни оценивал ситуацию противоположным образом. «Общую характеристику положения можно выразить так: обе стороны изготавились. Столкновений пока не было. Некоторый технический перевес связи и транспорта не в нашу пользу», — сообщал он в Совнарком 6(19) декабря [36].

Украинское военное руководство действительно с заметным результатом использовало блокировку железных дорог, лишало Ставку телеграфной связи с южными фронтами и так далее. «В ночь на 4 декабря ударный украинский батальон разобрал путь между станциями Бахмач и Чесноковка и тем преградил дорогу на Харьков и далее на юг эшелонам, направлявшимся Военно-революционным комитетом [Ставки]. Последние стали возвращаться обратно в Гомель», — сообщал вышестоящим инстанциям местный представитель железной дороги [37]. О том же писал 8(21) декабря генерал Стогов, не питавший симпатий ни к большевикам, ни к украинцам, но озабоченный разрушительными последствиями такой тактики для фронта и для страны в целом: «С фронта в тыл двигаются эшелоны для борьбы с украинским правительством, которое в свою очередь прекращает это движение, разбирает пути и двигает свои эшелоны. Борьба разгорается, а к окопам неслышными, но быстрыми шагами идут голод, холод и безденежье» [38].

Возвращаясь к разговору с Киевом делегатов крестьянского съезда, заметим, что их живо интересовал вопрос об отношении правительства Центральной рады к отправле-

нию советских войск на Дон для борьбы с Калединым. Генеральные секретари после долгих препирательств путано объяснили: «Мы сохраняем строгий нейтралитет, не пропускаем войск ни на Дон, ни из Дона — в Великороссию. Но, требуя для себя свободного пропуска наших войсковых частей на Украину, не можем препятствовать и другим в том же; поэтому пропускаем казацкие войска на Дон... Посылаем на Дон делегацию для расследования репрессий над рабочими организациями, а также для воздействия мирным путем» [39].

В одном из ближайших номеров «Правды» редакция не без основания возражала на это: украинцы пропускают казаков, объясняя, что те идут домой, но дома в результате объявленной там всеобщей мобилизации они пополняют боевые ряды калединцев, расправляющихся с Советами [40]. Левая часть крестьянского съезда разделяла эту точку зрения и осудила позицию правительства Центральной рады в отношении донской контрреволюции. «Никакие указания на право самоопределения не могут скрыть от трудового крестьянства явно контрреволюционного характера восстания Каледина», — говорилось в резолюции, предлагавшей властям Рады оказать энергичную поддержку мерам, направленным на подавление «буржуазно-кадетского восстания Каледина и прекратить враждебные действия против советских войск, пропустив их на Дон» [41]. (Правые и центр всецело стали на сторону киевской Рады, рассматривая ее в качестве учреждения, равнозначного Украинскому учредительному собранию, и возложив всю ответственность за конфликт на Совнарком.)

7(20) декабря стало решающим днем в попытках найти согласие между Киевом и Петроградом. В протоколе заседания Совнаркома в этот день вторым пунктом записано: «Внеочередное заявление т[овари]ща Сталина о прибытии делегации от Украинского революционного штаба... уполномоченной от имени Украинской Центральной Рады

вести с Советом Народных комиссаров переговоры. Поручить т[оварищ]ам Троцкому и Сталину вести эти переговоры» [42]. Далее со слов атамана Украинского штаба известно, что прибывшие в Смольный для переговоров делегаты штаба доктор Омельченко и поручик Ершенко были арестованы, а ночью в помещении штаба арестовали еще восемь человек, в том числе пять членов штаба [43].

9(22) декабря Совет народных комиссаров по предложению Сталина постановил освободить штабистов, за которых ходатайствовал член ВЦИК Василюк [44]. По его словам, «штаб арестован был по распоряжению Ставки за то, что отдал приказ двум тысячам украинских солдат вооружить текинцев (туркменская конница. — *И. М.*) и обстрелять Брянск» [45], где, напомним, формировались советские отряды против Каледина.

4(17) декабря из Ставки в правительство действительно поступил материал об активизации остатков бывшего Текинского полка, который в ноябре вызвался сопровождать в походном марше на Дон Лавра Корнилова, освобожденного по распоряжению Николая Духонина из военной тюрьмы в Быхове. Но уже в начале маршрута в боях с красными полк понес большие потери, особенно в конском составе. Корнилов продолжил путь без сопровождения, отпустив текинцев в Черниговской губернии. Позже они обращались к правительству Украинской центральной рады с просьбой пропустить их на Дон, но Генеральный секретариат отклонил ее и распорядился направить текинцев в Новозыбков, поблизости от Брянска [46].

Но похоже, это был не единственный наказуемый, с точки зрения большевиков, «грех» Украинского штаба. 7(20) декабря в Совет народных комиссаров поступило заявление от украинского гражданина из города Очакова Ф.А. Мишуровского, члена Украинского революционного штаба, избранного туда Петроградской краевой войсковой радой и проживавшего при штабе. Этот документ проливает некоторый,

хотя и не полный, свет на вопрос о том, что в конечном счете помешало выполнению благопожелания советского правительства вернуть на Украину исторические реликвии.

Заявитель поведал, что в ночь с 6 на 7 (19–20) декабря к нему явились члены Военно-Революционного штаба и произвели в жилище обыск. «Причем отобраны у меня бумаги, — продолжал Мишуровский, — данные мне на получение реликвий Украины, подписанные народными комиссарами, пропуска в Зимний и Мариинский дворцы, отобрана подписка о неотлучке из помещения впредь до отправки меня штабом в Киев с особым... нарочным конвоиром, т. е. я был объявлен арестованным впредь до отправки в Киев под конвоем» [47]. Автор далее рассуждал, что раз Украина объявила себя самостоятельной республикой, то «обыски, аресты и высылки украинцев, живущих на территории России, должны вестись представителями российской советской власти», а не украинской войсковой радой, и просил «сделать немедленное распоряжение о защите [его] с женою личности и жилища от украинских опричников» [48]. Иными словами, доверенные лица киевского правительства, очевидно, предпочли применить самоуправство к своему политически отклонившемуся влево товарищу, чем допустить эффектный пропагандистский ход большевиков по передаче через него украинских реликвий. (Сообщая о событиях 7(20) декабря в Киев по прямому проводу, атаман Байздренко, члены штаба Жук и Василюк предложили правительству Центральной рады «протестовать против нарушения основных норм международного права фактом ареста делегации, призванной заняться обсуждением условий мирного разрешения конфликта между Радой и СНК», требовать от последнего извинений и, в предвидении военных действий, озаботиться «эвакуацией на началах взаимности гражданского населения и войсковых частей» и так далее. В противном случае, «без соответствующего удов-

летворения», штабисты не считали возможным нести свои обязанности [49].)

Мишуровский же со своей стороны постарался остудить накал страстей, только обозначив психологическую атмосферу в украинских «верхах» и солдатских «низах». «Мой совет, совет старого стреляного революционера, — не без юмора написал он в заключение, — вести с Киевской Радой дипломатические переговоры возможно миролюбивее и посылать на Украину возможно больше революционных украинцев — матросов и прочих солдат хорошо вооруженными отрядами, с которыми и я с удовольствием поеду, раз если нашему штабу так хочется, чтобы я уехал в Киев» [50]. Прошло совсем немного времени, прежде чем стало ясно, что украинизированные полки и корпуса, перевода которых так настойчиво добивались киевские политики, не станут защитой Центральной рады от большевизма. «Большевистская пропаганда так затуманила головы этим «сынам Украины», что... они провозгласили нейтралитет и не захотели бороться за украинское дело», — писал в своей книге И.П. Мазепа, украинский социал-демократ, возглавлявший правительство Украинской народной республики в 1919–1920 годах [51].

Но пока большевистское руководство было не на шутку встревожено неубывающей напряженностью отношений с правительством Центральной рады, вызванной прежде всего разногласиями по проблеме Дона. 8(21) декабря в «Правде» были опубликованы переданные 6(19) декабря через Украинский штаб условия Генерального секретариата и ответ на них Совета народных комиссаров. Публикация сопровождалась статьей Сталина «Генеральный секретариат Рады и кадетско-калединская контрреволюция», в которой нарком писал о «неприлично вызывающем тоне Винниченко и Петлюры... их сомнительной позиции прямой поддержки Каледина и Родзянко против трудового народа России» и так далее, напоминая, что «Советы вынесли

всю тяжесть революции. Советы — оплот и надежда революции. Разоружать Советы — это значит предать революцию во имя торжества Калединых и Родзянок. Генеральный секретариат разоружил войска революционных Советов... как делали это Корнилов и Керенский... в угоду врагам революции. Генеральный секретариат не пропускает революционных войск против Каледина — в этом дело».

В те дни центральный партийный орган выходил с аншлагами на первой полосе на украинскую тему. «Почему надвигается столкновение с Радой? — читаем в номере за 9(22) декабря. — Только потому что Рада, обманывая украинский народ, вошла в союз с калединской контрреволюцией и во всей России хочет установить режим буржуазной власти». В Киеве разоружили революционные части, но почему не разоружили казаков, которые учинили потом бойню под Ростовом, — задавался вопрос в редакционной статье того же номера под заголовком «Суть дела», и далее ставился «диагноз» украинской политике: «Каледин идет всю Россию завоевывать для кадетов, а Рада добивается образования для всей России нового правительства на началах иных, чем образован ныне Совет народных комиссаров. И Каледин, и его союзница Рада ведут всероссийскую, а отнюдь не украинскую и казацкую политику. Хотят всю Россию лишить права на социальное самоопределение. Конфликт не национальный, а классовый — это суть».

В ином ключе было составленное Сталиным обращение «К украинским рабочим, солдатам, крестьянам, ко всему украинскому народу», подписанное еще именем ВЦИК Советов, Всероссийского крестьянского съезда, Петроградского совета и других организаций. Сталин взывал: «Братья украинцы! Враги вашей и нашей свободы хотят разъединить нас... Центральная Рада нанесла удар нашей революции. Контрреволюционное движение, начатое на Дону, Центральная Рада в насмешку над здравым смыслом объявляет движением в пользу “самоопределения Дона”». На-

ряду с обличительной риторикой в этой публикации присутствовала и вполне определенная практическая цель. Напомнив, что «прежде Центральная Рада посылала в Петроград делегации к Керенскому... и терпеливо сносила издевательства над этими делегациями... но не сделала ни одного шага, чтобы войти в соглашение с правительством рабочих и крестьян» [52], автор явно приглашал украинских деятелей к новому разговору ради сближения.

Петроградские украинцы оценивали озабоченность большевиков как показатель их слабости, заранее дающий Киеву все преимущества. «Настроение Смольного под влиянием ответа Рады подавленное. Возможны уступки», — передавал в Киев Василюк. Подобным образом подбадривали киевское руководство атаман Украинского штаба Байздренко и член штаба Жук, сообщая в разговоре по прямому проводу 11(24) декабря (датировка — по содержанию), что отколовшаяся часть крестьянского съезда «отдала свои симпатии Раде» и что «в среде комиссаров... чувствуется неуверенность и даже растерянность, каковые проявляются в быстрой готовности и даже стремлении найти пути и способы разрешения кризиса» [53].

«Конфиденциально мы считаем соглашение возможным, ибо рассматриваем борьбу как чреватую тяжелыми последствиями для дела революции и мира», — откликнулись на это генеральные секретари не лишенным демагогии заявлением. В переданном ими длинном перечне «основ соглашения» не было заметно готовности к компромиссу. Главный, с точки зрения большевиков, предмет урегулирования украинцы отводили на задний план и предлагали обсуждать после и лишь в зависимости от принятия всех их требований: «Вопросы о борьбе с контрреволюционными элементами, кто бы они ни были, желательно разрешаются также по соглашению непосредственно после разрешения вопроса о войске и федеративной связи. Немедленное официальное, особым актом, призна-

ние Украинской народной республики и федеративной связи с ней со стороны народных комиссаров». (Об этих украинских условиях было сказано в первых пунктах: «отмена всех приказов и постановлений народных комиссаров и их агентов против Рады и ее войск, немедленный пропуск всех украинских войск на Украину... увод всех войск территориально неукраинских из Украины как с фронта, так и из тыла, установление федеративной связи между ГС и СНК» [54].)

В заключение генеральные секретари предлагали Совнаркому для разрешения конфликта прислать к ним специального посла или миссию, что и было сделано в лице члена ВЦИК Советов и ЦК Партии левых эсеров П.П. Прошьяна, который выехал в Киев в числе 15 делегатов, направленных туда крестьянским съездом [55].

Характерно, что Василюк заранее сомневался в успехе этого начинания. В Киев он сообщил, что делегация едет с полномочиями крестьянского съезда и с «официальным заявлением Троцкого о возможности соглашений на платформе съезда. Он вообще уже много здесь распространил таких и тому подобных слухов... Наше отношение к делегации пессимистическое» [56].

Троцкий, напротив, был оптимистичен и без особых к тому предпосылок полагал, что все утрясется само собой. 8(21) декабря на запрос Иоффе перед началом мирных переговоров об отношении к Украине он с легкостью отвечал: «Что касается представителей Рады, то необходимо по возможности столкнуться с ними по представительству их. Они объявили себя самостоятельной Украинской республикой, но фронт остается пока что общим и разделение внешней политики не проведено. Такова основа вашего соглашения с украинскими делегатами. Необходимо предварительно столкнуться с ними. Если они откажутся войти в общую делегацию, ввиду возможных заявлений с их стороны, имейте в виду, что мы формально признали в

своих заявлениях существование Украинской республики, хотя границы ее еще не определены. Всероссийский крестьянский съезд... отправляет на Украину делегацию с целью побудить Раду помогать борьбе против Каледина, не разоружать наших полков, вернуть оружие разоруженным и таким путем избежать кровопролития» [57].

Между тем лидеры Центральной рады старались разными способами укрепить свои, как им тогда казалось, выигранные позиции в противостоянии с Совнаркомом. Подобно тому, как Симон Петлюра приказывал украинизированным частям дать отпор большевикам, не отходя от Петрограда, его коллеги в правительстве стремились с помощью пропаганды воздействовать на общественное мнение внутри России. Украинский штаб получал задания размещать в петроградской печати соответствующие материалы Рады и Генерального секретариата. В них нередко демонстрировалась поддержка тех российских сил, которые киевские политики предпочли бы видеть у власти в Петрограде вместо большевиков.

Так, 5(18) декабря Винниченко и А.Я. Шульгин подписали ноту правительствам «новообразованных республик России», в которой упрекали их за молчание и торопили с ответом на свой проект федерации. «Единственное исключение, — утверждали при этом генеральные секретари, — составляет Донское войсковое правительство, которое через своих представителей заявило о приемлемости для них условий, предложенных Генеральным секретариатом и об их согласии на образование однородного социалистического правительства на федеративных началах» [58]. Дальше мы увидим, что это было чистой выдумкой. Но курьезным и вместе с тем вызывающим в ноте секретариата было то, что петроградским адресатом ноты, почему-то посланной по телеграфу только 11(24) декабря, значилось не реально осуществлявшее власть правительство, а оставшийся лишь в благих пожеланиях небольшевистских кругов Народный совет.

Даже 7(20) декабря, не в самый благоприятный для Украинского штаба день, очевидно, между утренним арестом двоих и ночным — еще троих членов штаба, атаман Байздренко и его адъютант Усик поспешили оформить для Совета народных комиссаров и в петроградскую печать документ за № 820 с изложением полученных в семь часов вечера из Киева резолюций «Всеукраинского съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», завершавшего свою работу. Это были настоящие филиппики против петроградского правительства, составленные для съезда украинским эсером А.А. Севрюком.

В первой из них, с отсылкой на ультиматум большевиков и на «централистические тенденции теперешнего великорусского [59] правительства» («Великороссия» — из деликатности перевели с украинского штабисты; в оригинале стояло ругательное «Московщина»), ставилась под вопрос целесообразность федеративной связи с Россией, как будто не сама Украинская центральная рада при учреждении Украинской республики добровольно и в одностороннем порядке предъявила свой федеративный проект. Большевики обвинялись в том, что их политика «разрушает идею братства всех наций, пробуждает проявления национального шовинизма и затемняет классовое самосознание масс, способствуя тем самым росту контрреволюции».

Во второй резолюции, принятой в Киеве на следующий день после разгона в Петрограде Учредительного собрания, с одной стороны, для контраста подчеркивалась готовность к созыву Украинского учредительного собрания, а с другой — в противоречие с предыдущим тезисом утверждалось, будто устройство Украинской центральной рады равнозначно системе Советов [60]. (Документ № 820, несмотря на произведенные в тот день аресты штабистов, по всей видимости, был доведен до сведения народных комиссаров, так как экземпляр его имеется в архивном фонде Троцкого.)

Резолюции киевского съезда были переданы в Петроград, чтобы показать незадачливым большевикам, как ловко лидеры Центральной рады воспользовались их инициативой по созыву Всеукраинского съезда Советов. На самом деле это был один из последних, если не последний успех правящей группы Рады. Во внутренней жизни республики зрело глубокое разочарование ее политикой. Украинские крестьяне, как и великорусские, уже летом 1917 года приступили к решению земельного вопроса «практическими действиями», а украинские лидеры, провозгласив в III Универсале социализацию земли, вместе с тем запретили земельным комитетам самостоятельное изъятие крупных наделов [61].

Когда же неспешно, лишь в середине декабря, они представили проект земельного закона с неотчуждаемой нормой в 40 десятин, возмущению крестьян не было предела. При обсуждении проекта старый крестьянин, депутат Центральной рады, предупредил «высокое собрание»: «Да когда с фронта вернутся наши вояки, то они штыками своими промеряют эти 40 десятин» [62]. Власть теряла опору в украинизированных войсках. «Они так рвались из Петрограда, с Северного фронта спасать «родную Украину» (скорее рвались домой), — объяснял причины недовольства один из старейших, заслуженных деятелей украинского движения Е.Х. Чикаленко, — с большим напряжением и потерями пробивались через ряды московской армии в Киев, а тут для них никто не приготовил ни казармы, ни довольствие, и они сами добывали себе помещения, порой выбрасывая больных из госпиталей, самовольно забирали имущество и припасы из интендантских складов» [63]. В результате одни спешили по домам, а те, что оставались на службе, склонялись к большевизму. В городах нарастала разруха, безработица, безденежье, в повседневность входили грабежи, погромы и так далее.

Между тем после неудачи съезда Советов в Киеве затеявшие его большевики, часть украинских левых эсеров и несколько украинских социал-демократов, разом представлявшие 49 местных советов, выехали в Харьков, где вместе с делегатами ранее назначенного III Областного съезда Советов Донбасса и Криворожья 11–12 (24–25) декабря 1917 года провели новый Всеукраинский съезд Советов. Съезд объявил, что берет на себя полноту власти в республике, лишает полномочий Центральную раду и Генеральный секретариат, создает ЦИК Советов Украины и правительство — Народный секретариат [64].

В радиотелеграмме, направленной 15(28) декабря из Харькова в Совнарком, говорилось, что ЦИК Советов Украины считает «непременной задачей... устранить вызванные прежней Радой столкновения... обратить все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии» [65].

Большевицкое руководство вряд ли заранее рассчитывало на такое половинчатое решение, как образование параллельно с киевским харьковского украинского центра власти. Но, оказавшись перед совершившимся фактом, разумеется, учло харьковский ЦИК Советов как возможный очаг дальнейшей советизации Украины. 14(27) декабря, когда ЦИК Советов Украины еще только формировал Народный секретариат, пришла телеграмма Совета народных комиссаров, в которой ставился вопрос о посылке мирной делегации Народного секретариата в Брест [66]. Таким образом, первым импульсом советского правительства было оказать харьковскому центру поддержку в качестве субъекта украинской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
2. Там же. Л. 23.

3. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 50.
4. Там же. Арк. 51–52.
5. Гиппиус З. Черные тетради // Звенья: Исторический альманах. — М.—СПб., 1992. — Вып. 2. С. 29, 32.
6. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
7. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.
8. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 992. П. 70. Л. 97.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143–145.
10. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 45 (телеграфная лента).
11. УЦР. Т. 1. С. 512–514.
12. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 38–45 (телеграфная лента).
13. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 69.
14. Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 155.
15. УЦР. Т. 1. С. 502–512; Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 154–156; Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 69–74.
16. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 3-об.
17. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 27-об.
18. Правда. — 1917. — 6(19) декабря. — С. 2.
19. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 125, 134–135.
20. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 15, 16.
21. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25622. Л. 1.
22. Солдатенко В.Ф. Запровадження автономії України і збройни сили республіки // Український історичний журнал. — 1992. — № 7–8. — С. 32.
23. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 104. Л. 57.
24. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25622. Л. 4.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 17.
26. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25622. Л. 3–4.
27. Там же. Л. 7.

28. Там же. Л. 11.
29. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4397. Л. 20. Опубликовано — Сталин И.В. Сочинения. — М., 1954. Т. 4. С. 17.
30. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 63.
31. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
32. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 52.
33. Быховский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917. — М., 1929. С. 344.
34. Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 65–66.
35. УЦР. Т. 1. С. 581.
36. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25622. Л. 2.
37. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 81. Л. 56–61.
38. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 311.
39. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 66–67.
40. Правда. — 1917. — 9(22) декабря.
41. Цит. по: Быховский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917. — М., 1929. С. 340.
42. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
43. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 54.
44. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 14, 15.
45. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 50.
46. УЦР. Т. 2. С. 61.
47. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 23. Л. 103.
48. Там же.
49. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 55–56.
50. РГАСПИ. Л. 103-об.
51. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. — Прага, 1942. Т. 1. С. 27.
52. Правда. — 1917. — 10(23) декабря.

53. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 50, 56.
54. Там же. Арк. 59–60.
55. Правда. — 1917. — 13(26) декабря.
56. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 50.
57. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 3. П. 39. Л. 9–10.
58. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 104. Л. 59–61; УЦР. Т. 1. С. 514–516.
59. УЦР. Т. 1. С. 510.
60. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 23. Л. 4–5.
61. УЦР. Т. 1. С. 444–445.
62. УЦР. Т. 2. С. 27.
63. Чикаленко Е. Уривок з моїх споминів за 1917 р. — Прага, 1932. С. 30.
64. Образование СССР: Сборник документов. 1917–1924. — М.–Л., 1949. С. 70–72.
65. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 82. Л. 87.
66. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 184.

НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ С ГОСУДАРСТВАМИ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА

Советская «разведка боем» в Бресте. — Генерал Гофман бросает вызов: немцы не откажутся от завоеванного. — Переговоры затягивать, агитацию усиливать — стало ответом советского правительства. Правительство Украинской центральной рады готовится к дипломатическому дебюту в Бресте. — Советское предложение правительству Центральной рады о деловых переговорах на фоне финансово-продовольственного противоборства. — Убийство Л.А. Пятакова в Киеве и решение Генерального секретариата об отказе от урегулирования отношений с Петроградом. — Левозерское «сватовство». — Перед возобновлением мирных переговоров с Четверным союзом: большевики стремятся в Стокгольм; генеральные секретари хотят совместить несовместимое; киевские делегаты примериваются к реалиям Бреста.

Переговоры о мире должны были открыться 9(22) декабря 1917 года. Дипломатия лидера Четверного союза — Германии тщательно прорабатывала все важные для своей страны аспекты будущего договора, чего нельзя сказать о советском дипломатическом ведомстве. Большевицкие руководители сначала хотели произвести лишь «разведку боем». 5(18) декабря Лев Троцкий сообщал Николаю Крыленко: «Ленин отстаивает следующий план: в течение первых двух-трех дней переговоров как можно яснее и резче закрепить на бумаге аннексионистские притязания немецких империалистов и оборвать на этом переговоры на недельный срок и возобновить их либо на русской почве в Пскове, либо в бараче на нейтральной полосе между окопами. Я присоединяюсь к этому мнению. Не зачем ездить в нейтральную страну» [1].

Подписание мирного договора на нейтральной почве предусматривалось договором о перемирии. Троцкий же просил главковерха передать делегатам в Брест, что «самое удобное было бы вовсе не переносить переговоры в Стокгольм. Это отдалило бы очень делегацию от здешней базы и крайне затруднило бы сношения, особенно ввиду политики финляндской буржуазии» [2]. Дополнительным штрихом к директивам центра представляется сообщение мужу в Брест сестры Троцкого О.Д. Каменевой, переданное по прямому проводу 8(21) декабря: «В прессе вас травят, как водится, и все указывают на вашу чрезмерную мягкость. За это вас ругает и Ильич. Он находит, что вам всем не хватает наглости, а главное, побольше сухости и суровости. Сегодня собиралась вам послать его записку, где он по три раза подчеркивает наставление о твердом поведении, рекомендует искать момента и как можно скорее, но, к сожалению, курьер не явился и записка осталась у меня» [3].

Конференция открылась декларацией советской делегации, в основном повторявшей известный Декрет о мире с небольшими дополнениями, в частности, о недопустимости стеснения свободы слабых наций [4]. Делегаты Четвертого союза не без труда, из-за возражений болгар и турок, выработали ответ на нее, который по форме мало напоминал ожидаемые Лениным «аннексионистские притязания». 12(25) декабря министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин от имени союзников заявил, что основные положения русской декларации могут быть взяты за основу переговоров о мире, правда, при условии, если их полностью примут все причастные к войне государства [5].

В Петрограде революционные радикалы ликовали по поводу такого ответа. «Дух революции восторжествовал над материей империализма, — восклицал на заседании ВЦИК Советов 14(27) декабря левый эсер И.З. Штейнберг. — Невооруженная революция пошла в стан врагов и говорила с ними не только как с равными, но и как с под-

властными. Империализм получил роковой удар». В предложенной им резолюции подчеркивалась необходимость мер для подъема революционного движения в Западной Европе. Тогда же по предложению Г.Е. Зиновьева на 17(30) декабря были назначены «по всей России грандиозные демонстрации мира».

Советская делегация, получив такой на первый взгляд неожиданно благоприятный ответ, все-таки, согласно намеченному плану, потребовала перерыва. До его начала состоялось несколько заседаний политической комиссии, на которых Адольф Иоффе предложил поставить первым пунктом будущего мирного договора вопрос об очищении оккупированных территорий, указав в этом пункте последовательность: сначала — вывод оккупационных войск, затем — самоопределение освобожденных областей демократическим путем.

В ответ глава германской делегации Р. Кюльман представил свой вариант двух первых статей: очищение оккупированных российских территорий только после подписания мира и демобилизации русской армии и признание отделения от России якобы уже самоопределившихся Польши, Литвы и Курляндии, а также самоопределение неоккупированных Лифляндии и Эстляндии и вывод русских войск из этих российских губерний. Иоффе, связанный доктринальной риторикой о самоопределении, подтвердил, что его правительство несомненно применило бы принцип свободного волеизъявления и к названным областям. Присутствовавшему на заседании подполковнику Фокке из группы российских военных консультантов показалось, что глава советской делегации не понял смысла уловки Кюльмана, и он поделился этим впечатлением с немцами.

В своих мемуарах Фокке описал многие эпизоды личной приязни с чинами германской делегации в Бресте, в том числе их содействие установлению связи подполковника с родственниками в оккупированной Риге. Чем это

кончилось, сообщил Иоффе председателю следственной комиссии: «Подполковник Фокке вел себя в Бресте самым недопустимым образом, за что был по моему предписанию арестован и предан суду. Не получив разрешения ехать в Ригу... ввиду обстрившихся отношений... он сам, по-видимому, вел какие-то переговоры с немцами, ибо по дороге в Россию неожиданно предъявил германскому офицеру какую-то бумагу от германского командования и остался в Вильне... Он все же ездил в Ригу и отвезил туда какие-то вещи. Предание его мною суду произошло с обвинением в... невыполнении точного предписания, нарушении категорического и строго обоснованного мною как председателем делегации запрещения вступать в какие бы то ни было частные переговоры с германцами, тем более обращаться к ним с личными просьбами» [6]. Судя по тому, что мы располагаем воспоминаниями подполковника, изданными за границей, арест не стал для него катастрофой.

Прямолинейный генерал Гофман счел за лучшее сразу внести ясность и в неофициальной обстановке, за завтраком, объяснил Иоффе, что подписание мира не может привести к восстановлению границы 1914 года. А напоследок сообщил, сославшись на полученную радиотелеграмму из Киева, что правительство Украинской народной республики будет считать себя связанным мирным договором только в случае самостоятельного участия его делегации в переговорах [7].

В Петрограде выявившиеся неблагоприятные результаты зондажной стадии мирных переговоров вызвали большое напряжение. 17(30) декабря по улицам города еще шествовала заранее запланированная манифестация в честь заключения перемирия, а в Смольном уже в спешном порядке анализировались условия Четверного союза [8]. Первым импульсом было признание их неприемлемыми. Но чем ответить на них?

Ленин, примериваясь к варианту отказа от переговоров, обратился к делегатам проходившего в те дни Общеармейского съезда по демобилизации армии с вопросами: велика ли возможность немецкого наступления и его решающего успеха? Может ли вызвать срыв переговоров массовый уход солдат с русского фронта? Способна ли армия противостоять немецкому наступлению или отступить в порядке, сохраняя артиллерию? И в зависимости от ответов на предыдущие вопросы: следует ли затянуть мирные переговоры или «революционно резко» их сорвать? Следует ли перейти к усиленной агитации против аннексионизма немцев? Высказалась ли бы армия в случае голосования за немедленный, хоть и аннексионистский мир или за революционную войну для отпора немцам? Был вопрос и о том, «сплотит ли факт германского аннексионизма украинцев и великорусов или украинцы воспользуются этим для борьбы против великорусов» [9].

Издатели сочинений Ленина не обнаружили ни ответов на поставленные вопросы, ни суммирующих данных. Но вот свидетельство из дневника генерала Будберга. «В Главном управлении Генерального штаба сообщили, — записал он 18(31) декабря, — что вчера вечером в заседание демобилизационной комиссии приехали Крыленко, Ленин и Троцкий и заявили, что положение с миром почти безнадежно, так как немцы наотрез отказались признать принцип самоопределения народов, поэтому совет народных комиссаров считает необходимым во что бы то ни стало возобновить боеспособность армии и получить возможность продолжать войну. Представители Генерального штаба заявили, что восстановление боеспособности существующей армии совершенно невозможно и что единственный исход — это переход немедленно на добровольческую армию небольшого размера, содержащую на принципе строжайшей военной дисциплины. Крыленко с этим принципом согласился, но

при условии, что добровольцы должны принадлежать к их партии» [10].

Лев Троцкий в письме к советскому полпреду в Швеции Вацлаву Воровскому как неприятную подробность признал, что представители общеоармейского съезда характеризовали положение «в довольно мрачных красках», после чего, словно выступая на митинге, сообщил, будто «большинство их высказалось в том смысле, что сейчас в армии и во флоте настроение таково, что в случае, если бы условия немцев оказались для нас совершенно неприемлемыми, армия не покинула бы окопов, а в своей наиболее сознательной и революционной части скорее погибла бы за дело революции, чем капитулировала бы перед империалистическими притязаниями немцев в отношении к Польше, Литве, Курляндии и т. д.» [11].

По свидетельству Ж. Садуля, Троцкий с самого начала не исключал возможности разрыва переговоров, возлагая надежды на помощь союзников в реорганизации российской армии [12]. Но когда вопрос встал практически, открылись опасности такого решения. Первая заключалась в неоднозначности позиции союзников в русском вопросе, их контактов с прямыми противниками большевиков, о чем нарком 20 декабря (2 января 1918 года) писал Воровскому: «Условия немцев и то впечатление, какое эти условия произвели в наших рядах, немедленно же отразились повышением предупредительности наших союзников по отношению к нам. Американцы и французы с вожделиением ждут разрыва мирных переговоров, предлагают свои услуги, а в то же самое время не прекращают жалких интриг с буржуазной печатью и более опасных замыслов с генералом Алексеевым, Калединым и другими. Сюда приехал Шарль Дюма с официальной миссией от французского правительства. У нас было условлено, что он приедет ко мне сегодня в 4 ч. дня. Но только что я отменил этот визит в виде протеста против совершенно непристойного пове-

дения французской военной миссии, которая через буржуазную прессу распространяет самые гнусные слухи относительно немецких условий (вроде того, что мы обязуемся сдать немцам всю нашу артиллерию, установить монополию немецких товаров на 15 лет, создать монополию транзита для немцев и т. д.» [13].

В этом фрагменте, кроме всего прочего, любопытна информация об официальном характере, по поручению французского правительства, миссии журналиста, члена французского парламента от социалистической партии Шарля Дюма. До сих пор этот визит, известный по письму Ленина от 21 декабря (3 января), также отказавшего ему в приеме [14], выглядел как частная инициатива журналиста.

Другую опасность советское руководство открыло для себя в наличии антибольшевистских кругов, готовых перехватить инициативу переговоров с Германией и на этой основе бороться за власть. Троцкий так писал об этом: «Американский посол Френсис теперь объединился с нашим так называемым другом полковником Робинсом... и оба горят нетерпением помочь советской власти в предстоящей борьбе с Германией... Вчера из этого источника я получил очень любопытную информацию. Оказывается, что пока еще безработные депутаты Учредительного собрания через посредство шведского посланника ведут переговоры с находящейся в Петрограде в настоящее время немецкой делегацией, присланной сюда для чисто технических дел (речь шла о германской делегации по мирным переговорам во главе с контр-адмиралом графом Кайзерлингом, прибывшей в середине декабря. Шведского посланника граф называл «своим старым приятелем по прежней службе» [15]. — *И. М.*), но под-руку склонной заниматься и большой политикой. Смысл тех переговоров, которые пытается установить шведский посланник, состоит в том, что в случае, если бы мы не согласились принять немецкие условия мира и прервали бы переговоры, озна-

ченные безработные дипломаты Учредительного собрания немедленно же предложили бы свои услуги для продолжения этих переговоров. Они, конечно, надеются таким путем привлечь на свою сторону армию» [16].

Советские лидеры не осмелились прервать мирные переговоры; решили только противодействовать их форсированию немцами, возобновить требование перенесения конференции в Стокгольм, усилить агитацию против экспансионизма немцев с использованием «аэропланов через всю Германию», вести пропаганду и агитацию в пользу революционной войны. Эти постулаты 18(31) декабря были сформулированы Лениным в проекте резолюции Совнаркома, предусматривавшем также организацию армии и «оборону от прорыва к Петрограду» [17].

От принятых решений Лев Троцкий почувствовал себя в привычной стихии и 21 декабря (3 января) вновь писал Вацлаву Воровскому: «Мы принимаем меры двоякого характера. 1. Усиливаем нашу агитацию. Радек стал во главе нашей ежедневной немецкой газеты для фронта. Мы будем беспощадно разоблачать подлую махинацию немецкой дипломатии и требовать от немецких солдат самостоятельного решения вопроса. 2. Мы немедленно же принимаем меры к... ускорению реорганизации армии... Вам совершенно необходимо принять немедленно все меры с целью извещения немецкого рабочего класса о действительном положении вещей» [18].

Напомним, что Карл Радек (Собельсон) — участник социал-демократического движения в Галиции, Польше, Германии. С 1917 года — член РСДРП(б). В советскую мирную делегацию он был включен в качестве консультанта по национальным отношениям, выступал на переговорах от имени трудящихся Польши. Назначение его, уроженца польских земель в составе Австро-Венгрии, австрийского подданного, уклонившегося в годы Первой мировой войны от мобилизации, должно было, по мнению

Ж. Садуля, возмутить делегации центральных держав. Лев Троцкий же рассчитывал, что «непримиримость и принципиальность энергичного и пылкого Радека взбудрят более спокойных и мягких Иоффе и Каменева» [19].

«Пылкий» Радек ознаменовал свое присутствие в Бресте скандалом совсем не революционно-аскетического свойства. Он устроил разнос немецкому унтеру (то есть одному из тех, для кого имел задание выпускать агитационную газету на немецком языке) за опоздание с подачей авто для прогулки. Гофман, узнав об этом, поспешил сделать Троцкому письменное представление о том, как «член русской делегации оскорбил германского унтер-офицера». В результате Троцкий запретил подчиненным пользоваться немецкими автомобилями [20]. Он наложил также запрет на совместные с немцами и другими трапезы в офицерском собрании, которые перед тем практиковал не без пользы для дела светски-общительный Адольф Иоффе.

В то время как петроградская делегация в Бресте при открытии переговоров излагала свою программу мира, в Киеве решался вопрос о том, участвовать или нет в мирной конференции. Первое противоречило как намерению правительства Украинской центральной рады наследовать прежним союзам России, так и идее заключения мира будущим федеративным общероссийским правительством.

Но, по воспоминаниям Н.Н. Ковалевского, из Стокгольма от членов Союза освобождения Украины стали поступать сигналы о необходимости немедленно вступить в переговоры с Четверным союзом, иначе сепаратный мир между центральными державами и Россией без участия Украины значительно укрепит Совнарком в качестве единственного правомочного правительства бывшей Российской империи [21].

Этот союз был образован в августе 1914 года украинскими политическими эмигрантами в Австро-Венгрии, рассчитывавшими образовать украинское государство при

вступлении австро-венгерских войск в пределы Российской империи. Этого не случилось, и члены союза на австрийские средства выполняли — без особого успеха — агентурные функции, затем под немецким руководством вели пропаганду и агитацию в лагерях среди военнопленных-украинцев [22]. С началом революции в России члены Союза освобождения Украины заявили, что продолжение войны было бы опасно для завоеванной народами России свободы [23]. Некоторые из них устремились на родину, но, не допущенные Временным правительством, остановились в нейтральном Стокгольме, ставшем во время войны средоточием тайных контактов эмиссаров всех держав и групп влияния.

В ноябре они обратились в Совнарком за разрешением транзитом проследовать в Киев [24]. Вацлав Воровский, со своей стороны, в телеграмме от 23 декабря (5 января) ходатайствовал перед Владимиром Лениным о пропуске двух из них — А.Ф. Скоропис-Иолтуховского и М.И. Меленевского [25]. 31 декабря (13 января) Владимир Ленин попросил Якова Свердлова справиться, «что выполнил международный отдел ЦИК по делу Баска (псевдоним Меленевского. — *И. М.*)» [26]. В конце января оба попали на Украину. Вдохновлял же киевских политиков произвести переориентацию на сепаратный мир с центральными державами, по-видимому, Н.К. Зализняк, остававшийся за границей бывший член Союза освобождения Украины, украинский эсер [27].

Охотно приняли эту точку зрения украинские эсеры, стремившиеся к корректировке государственной политики в целом. Украинские социал-демократы и социалисты-федералисты — в числе последних и антантофил А.Я. Шульгин, — оказавшись перед фактами распада фронта, массовых антивоенных настроений и равнодушия потенциальных партнеров к идее федерации, также вынуждены были обратиться к проблеме мира, пытаясь в офи-

циальных декларациях совместить эту новую ориентацию с прежней.

Государственный секретариат и Малая рада, по сообщением вернувшихся из Бреста Левицкого и Гасенко, 8–9 (21–22) декабря постановили участвовать в начинавшихся мирных переговорах, которые было признано правильным вести на нейтральной почве. Решено было направить всем воюющим и нейтральным державам ноту о характере этого участия. В ней, несмотря на германские намеки о необходимости официально оформить самостоятельный статус Украинской народной республики, все еще говорилось, что участие в будущей Российской федерации является целью украинской политики, но при этом объявлялось: до создания федеративного союза Украинская республика «становится на путь самостоятельных международных отношений» и потому «должна принять участие наравне с другими государствами во всех мирных переговорах» и не признает мира, если договор большевики подписывают без нее.

Текст ноты был утвержден Малой радой в ночь с 9 на 10 (22–23) декабря, датирован 11 (24) декабря 1917 года [28], то есть после открытия мирной конференции. 11-го же декабря правительство наметило состав представительной, независимой от большевистской, делегации во главе с генеральными секретарями Поршем, В.А. Голубовичем — украинским эсером, социалистом-федералистом, товарищем генерального секретаря по земельным делам К.А. Мациевичем, прежними Левицким, Любинским, а также членом Центральной рады украинским эсером А.А. Севрюком [29].

А.Я. Шульгин, выступая 12(25) декабря на пленарной сессии Рады, еще по-старому высказался в пользу мира не сепаратного, а всеобщего. Его доклад вызвал разногласия, не позволившие сразу принять решение. Тем временем из Бреста, не дожидаясь окончания первого раунда мирных

переговоров, вернулся Любинский, бывший единственным из украинцев свидетелем их открытия. Чтобы его заслушать, депутаты прервали обсуждение волновавшего всех аграрного проекта.

Однако выступление Любинского 14(27) декабря носило, судя по газетному отчету, исключительно агитационный и своеобразный по направленности характер. «Немецкая и австрийская делегации имели опытных руководителей, — начал докладчик и продолжал с иронией, — а в состав русской входили: глава — Адольф Абрамович Иоффе, Розенфельд-Каменев, мадам Биценко, профессор Покровский и Цеппер (человека с такой фамилией в штате делегации не было; был И.Я. Цеплит — подполковник Генерального штаба, член группы военных консультантов. — *И. М.*)».

Вызвав таким вступлением почему-то смех на хорах, оратор продолжал, подобно известному гоголевскому герою: «В составе русской делегации я должен был остаться для контроля. Я требовал формального ведения дела, ведения протоколов... и они, хоть и нехотя, согласились (более чем странное заявление, потому что основным инструментом своей дипломатической практики большевики считали гласность переговоров и, начиная с договора о перемирии, выступали большими ревнителями точности ведения протоколов и их немедленной публикации. Для сверки протоколов была образована специальная смешанная комиссия. — *И. М.*) [30]. Все державы очень интересовались Украиной... и хотя дипломатическая тайна не позволяла о многом рассказать, я был горд, что мне не приходится краснеть за мой край. Я чувствовал ту непобедимую силу, которую в последнее время набирает Украина (аплодисменты)». Свою речь оратор завершил вопросом: «Я приехал спросить вас: какую нам позицию занять в этих переговорах?» И получил в ответ одобрение Центральной радой решения правительства о немедленной посылке украинской делегации в Брест [31].

Тем временем побывавший в Киеве Прошьян вернулся, казалось, с обнадеживающими результатами. Из беседы с Грушевским, Винниченко, Поршем и другими он вынес впечатление о возможности соглашения между Киевом и Петроградом. 19 декабря (1 января 1918 года) при обсуждении его доклада в Совнаркоме выступили Иосиф Сталин — «на основании телеграмм... и... всей информации, сосредоточенной у него в руках»; Вячеслав Менжинский — «в связи с финансовым вопросом», а также член Совнаркома левый эсер В.А. Карелин — «на основании его знакомства с украинским вопросом и разговоров его с деятелями из Украины» [32].

Ленин подготовил резолюцию Совета народных комиссаров с предложением правительству Украинской центральной рады «открыть деловые переговоры на основе взаимного признания» и с единственным условием — «признать контрреволюционность Каледина и не мешать войне против него», добавив, правда, формулировку Троцкого о том, что только власть Советов украинской крестьянской бедноты, рабочих и солдат сделает невозможными столкновения между братскими народами [33].

Текст резолюции перед окончательным утверждением Сталин передал по прямому проводу в Харьков народному секретарю промышленности и торговли Ф.А. Артему (Сергееву) и Владимиру Антонову-Овсеенко, сообщив со слов Прошьяна, что «Рада не прочь войти в переговоры, если Совет народных комиссаров согласен на это». Он задал вопрос: согласны ли харьковцы с такой резолюцией? — и назначил Артему разговор на час дня [34]. Похоже, что дело ограничилось тогда консулtaцией с Артемом, который не поставил в известность других членов НС и ЦИК Советов Украины. Они узнали о предложении Совнаркома Киеву позже, когда в Петрограде был получен отрицательный ответ правительства Центральной рады.

20 декабря (2 января 1918 года) по докладу Сталина резолюция была окончательно утверждена. Заметим еще, что в черновом рукописном протоколе этого заседания записано, что был заслушан доклад И.З. Штейнберга, наркома юстиции, левого эсера, «о переговорах с делегатами из Украины» [35]. По-видимому, речь шла о делегатах, избранных от Украины во Всероссийское учредительное собрание.

Одновременно обе стороны включили экономические рычаги воздействия на социальную обстановку друг у друга. О последствиях украинских мер один из офицеров в командовании Западного фронта 16(29) декабря сообщал своим коллегам — военным консультантам в Брест: «Юго-Западный и Румынский фронты в полной власти украинцев. К нам подвоза хлеба нет. Грозит серьезный голод» [36]. Начальник формирующегося революционного отряда 17(30) декабря «срочно, вне очереди» телеграфировал в Смольный: «Продовольственные базисные интендантские склады в Гомеле пусты. Для местного гарнизона хватит продуктов только на два дня. Украинский Генеральный секретариат запретил подвоз хлеба для Северного и Западного фронтов и для Москвы и Петрограда, захватил главные интендантские склады Юго-Западного фронта, которые до сих пор кормили Северный и Западный фронты. Ежедневные делегации от позиций являются и требуют хлеба, угрожая бросить позиции... Необходимо принять срочные меры по доставке продовольствия» [37].

Накануне, 16(29) декабря Совнарком по вопросу «о продовольствии из Украины (декабрьские наряды и необходимость перевода одного миллиарда в Киевское отделение Государственного банка...)» принял решение: «Денег не посылать». На следующий день Г.Л. Пятаков, только что переведенный из помощников в комиссары Государственного банка, доложил о «переводе 13 680 000 рублей, направлявшихся в Киев, на Харьков для уплаты жалования железнодоро-

рожникам». При этом в специальном постановлении Совнарком предлагал ЦИК Советов Украины «получаемые деньги употребить исключительно на оплату жалования рабочим Юго-Западной железной дороги».

Вагон с деньгами отправлялся под охраной от Совнаркома и в сопровождении Союза рабочих Юго-Западной дороги. Расходование денег должно было производиться специально уполномоченными представителями рабочих [38]. 19 декабря (1 января) Серго Орджоникидзе был назначен «чрезвычайным комиссаром района Украины для объединения действий функционирующих там советских организаций во всех областях их работы (военной, продовольственной, экономической, банковской и пр.)» [39].

А в это время Порш обратился по прямому проводу к Менжинскому с сообщением, что забастовку на железных дорогах Украины удалось только временно предотвратить обещанием прибавок к жалованью, и теперь «Генеральный секретариат в полном составе, понимая катастрофические последствия железнодорожной забастовки, которая лишит центральную Россию и весь фронт... продовольствия... [Он] просит дать срочно ответ... может ли секретариат рассчитывать, что Совет народных комиссаров, в распоряжении которого находятся общегосударственные средства... вышлет... безотлагательно Генеральному секретариату девяносто миллионов для удовлетворения железнодорожных служащих и рабочих» [40]. Дата этого разговора в записи на телеграфной ленте не указана. По содержанию следующего — Порша и Петлюры разговора со Ставкой — можно судить, что первый разговор происходил 17, 18 или 19 декабря (30, 31 декабря, 1 января).

Подоплека же «денежной» составляющей конфликта проясняется из протоколов заседаний правительства Украинской центральной рады. Из них следует, что деньги требовались прежде всего на военные цели антибольшевистского характера. 15(28) декабря генеральный секре-

тарь путей сообщения В.Д. Ещенко на заседании правительства поднял вопрос «о росте большевизма в массах и в украинских войсках. Сил для борьбы с большевизмом у Генерального секретариата нет. Он опирается на железнодорожников, которые задерживают наступление большевиков. Чтобы их поддержать, необходимы деньги. Без денег никакая борьба невозможна». Ещенко предложил «разобрать железнодорожные пути и отрезать Украину от севера». Петлюра подтвердил, что «положение угрожающее»: из-за отсутствия денег «нельзя послать агитаторов, удовлетворить украинскую армию, в которой ширится большевизм». 18(31) декабря Ещенко вновь заговорил о том же, досадуя, что придется с опозданием сделать выплаты железнодорожникам из Украинского казначейства [41].

Между тем в упомянутом разговоре Порша с Менжинским последний переадресовал генерального секретаря к Георгию Пятакову, недавнему лидеру киевских большевиков, близко знакомому с ситуацией на Украине. Пятаков не отказал в выделении денег, но сообщил, что они будут направлены непосредственно стачечному комитету Юго-Западных дорог; при этом не преминул заметить: раз Генеральный секретариат обращается к Совнаркому как к верховному органу, то ему следует признать власть советов на местах, а для «установления нормальной жизни киевской конторы Государственного банка допустить туда комиссара киевского Совета рабочих и солдатских депутатов», чьих представителей вместе с делегатами стачечного комитета Юго-Западных дорог он демонстративно попросил пригласить к прямому проводу на следующий день для «сообщения технических подробностей пересылки денег» [42].

20 декабря (2 января) Порш и Петлюра в разговоре по прямому проводу с Крыленко изложили в популистском стиле свои возражения против адресной отправки денежных средств забастовщикам и направления на Украину «продовольственных диктаторов и эмиссаров». Они утвер-

ждали, что финансовая политика Совета народных комиссаров губительна для народного хозяйства Украины, настраивает крестьян против рабочих, лишает Генеральный секретариат возможности закупать хлеб и сахар для снабжения Великороссии и фронта, а главное — «является отрицанием прав Генерального секретариата как социалистического правительства Украины» и вообще, по их мнению, подобна политике показавшего свою несостоятельность Временного правительства.

Генеральные секретари предупредили о намерении выпустить собственные украинские деньги [43]. Тем временем генеральный секретарь по продовольствию Н.Н. Ковалевский и заместитель генерального секретаря финансов В.П. Мазуренко направили в Государственный банк и передали в печать телеграмму с рассказом о поступавшем к ним ежедневно потоке требований продовольственных управ, заводских комитетов, полевых казначейств и так далее, для удовлетворения которых необходим один миллиард рублей. При промедлении с высылкой, предупреждали авторы телеграммы, возникнет угроза бунтов на почве денежного голода [44].

Кое-кто, в частности Троцкий, воспринял эти жалобы буквально, без скидки на их пропагандистскую составляющую. 20 декабря (2 января) он писал Воровскому: «Рада находится в состоянии полного расстройств. Неполучение от нас денег поставило ее в невыносимое положение. Она пыталась выпустить свои бонны. Но к ним нет никакого доверия. Крестьяне... продают бону в 500 р. за 40–50 наших рублей. Это заставляет Раду просить пардону. Она выразила желание вести переговоры. Мы... согласны... под условием признания Радой контрреволюционного характера политики Каледина и обязательства не препятствовать нашей борьбе против Донской Вандеи» [45].

Но не тут-то было. Киевскому правительству по причине внутреннего разлада понадобилась уже ставка на внеш-

него врага. 16(29) декабря Винниченко на пленарной сессии Центральной рады доложил о решении Генерального секретариата послать Совнаркому ультиматум с вопросом, воюет он с Украиной или нет, и со сроком ответа в 24 часа. Под громкие аплодисменты депутатов глава правительства объяснил: «Если воюют, то мы объявляем их сторонников врагами. Те, кто не уедет, будут считаться шпионами и лазутчиками. Война — так война!» [46].

Е.Х. Чикаленко, старший товарищ В.К. Винниченко, в дореволюционные годы спонсор его литературных трудов, в 1917 году, после возвращения писателя в Киев, гостеприимно предоставивший ему свой киевский особняк, подтвердил в своих воспоминаниях, что глава правительства Центральной рады хотел обострения ситуации с большевиками, полагая, что борьба вызовет энтузиазм в украинской армии. Подвластные же ему структуры, не дожидаясь формальных решений, приступили к уничтожению «врагов и лазутчиков» из местного населения.

28 декабря (10 января) один из депутатов от оппозиции сделал запрос по поводу неизвестно кем чинимых в Киеве обысков, арестов и других насилий. Отвечавший на запрос от имени правительства Порш дал пояснения лишь по одному самому громкому делу — об исчезновении Л.Л. Пятакова, одного из братьев хорошо известной в Киеве семьи.

Леонид Пятаков, инженер по профессии, за участие в мировой войне заслужил четыре солдатских Георгиевских креста, в 1916 году вступил в большевистскую партию, оказался талантливым агитатором и организатором, чрезвычайно популярным среди солдат; входил в руководство киевского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ночь перед Рождеством, в четыре часа, неизвестные в военной форме, выломав окна и двери, ворвались в дом Пятаковых, где обнаружили сразу трех братьев (четвертый — Г.Л. Пятаков — был уже в Петрограде) и сначала

увезли всех. Потом, выяснив, кто из них большевик, двоих других — кадета и монархиста — отпустили. Большевик же исчез бесследно. Официальное расследование, разумеется, не дало никаких результатов. Искалеченное тело Леонида Пятакова (обожженное раскаленным железом, с выколотыми глазами, вырванными ногтями и волосами) было обнаружено у железнодорожного разъезда Пост Волынский под Киевом лишь весной, когда сошел снег.

Е.Х. Чикаленко не сомневался, что этот, по его словам, «турецкий способ борьбы с политическими противниками» был делом рук украинской контрразведки, которая, вспоминая мемуарист, настойчиво добивалась у правительства санкции на арест киевских большевистских лидеров. Затонский называл исполнителем преступления некий отряд «Черной гвардии» [47].

Порш же, по горячим следам отвечая на запрос в Малой раде, чтобы снять претензии к государственным органам, попытался увести подозрения в сторону харьковских большевиков и использовал доводы в духе литературного случая с унтер-офицерской вдовой, которая известно что над собой сделала. «Насильники, — рассуждал генеральный секретарь, — не из жителей Киева, потому что в Киеве нет такого человека, а тем более солдата, который не знал бы Пятакова в лицо или тем более — как его зовут. Как видно, та банда — приезжая. И есть основания думать, что эти деяния связаны с харьковскими...» [48].

Подготовленная в такой обстановке ответная нота Генерального секретариата от 24 декабря (6 января) на советское предложение о «деловых переговорах» дезавуировала положительную информацию Прошьяна. В ней среди прочего говорилось, что требуется немедленный вывод советских войск с территории Украинской народной республики, а по поводу Каледина заявлялось: «Определение контрреволюционности не должно быть навязано одной какой-нибудь стороной. Признание буржуазности и

контрреволюционности за всяким, кто не принадлежит к большевистскому течению и не разделяет политики народных комиссаров — Генеральный секретариат решительно отвергает» [49]. Этот ответ был составлен мастером хлесткого слова, импульсивным, как многие художественно одаренные натуры, Винниченко. Но в связи с содержанием ноты заслуживает внимания тот факт, что несколькими днями ранее он при иных обстоятельствах не менее решительно говорил: «Скорее придется воевать с Доном, чем его поддерживать... На Дону фактически организуется реакция, с которой нам придется бороться» [50].

К тому времени генеральные секретари имели достаточную информацию о положении в казачьих областях и об ориентации их правительств, далекой от федералистского и социалистического прожектерства украинских политиков. Представитель Украинской республики при правительствах Юго-Восточного союза украинский социал-демократ Н.М. Галаган докладывал 20 декабря (2 января) Генеральному секретариату после поездки на Дон и Кубань, что союзное правительство в Екатеринодаре по причине непризнания Совнаркома правительством Великороссии отказалось от федерализации, находя возможным лишь временный союз для достижения определенных целей — «целевой союз». Отклонило оно и идею «однородно-социалистической» власти за неимением у себя социалистов.

Такой же линии придерживалось и кубанское правительство, несмотря на то что возвращавшиеся кубанцы-фронтовики были настроены довольно радикально. Донское правительство, враждовавшее с городским населением и с «иногородними», тем более чуралось упоминаний о социализме и заранее отказалось от какой-либо возможности участия в мирных переговорах. Введение у себя военного положения оно оправдывало задачей борьбы с большевизмом. Но, пояснял Галаган, «под большевиками оно понимает всех рабочих, а может быть и всех не каза-

ков, так как часто арестует и не большевиков. Политика у Донского правительства чисто казачья, кастовая» [51].

Однако прагматики среди украинских социалистов предпочитали закрывать на все это глаза. Практичный Порш погасил внезапный порыв Винниченко насчет предстоящей борьбы с реакцией на Дону рассуждением о том, что менять курс нельзя, так как армии у Украины нет, в получении угля она зависит от Дона, все патронные заводы находятся в том же районе, казаки имеют 250-тысячную армию, бороться с которой будет трудно [52].

Ответ Генерального секретариата на советское предложение о переговорах почему-то пришел в Петроград не сразу. До его поступления появилось новое обстоятельство, подпитавшее оптимизм большевистского руководства в отношении Украины. В национально-солидаристском единстве руководства Центральной рады обнаружился разлад. Конфликтная ситуация наметилась в связи с тем, что Украинская партия социалистов-революционеров (украинские эсеры), обладавшая самой большой фракцией в Раде, имела значительно меньшее влияние в правительстве и на фоне многих его неудач стала требовать изменения курса. К тому же трещина образовалась и внутри эсеровской партии — возникла левая группа, которая выступила за прекращение вражды с Петроградом. Вскоре после вынесения резолюции Совнаркома от 19 декабря (1 января) о предложении правительству Рады переговоров Ленин получил рукописный текст, под которым сделал надпись: «Соглашение левых с[оциалистов]-р[еволюционер]ов с украинскими с[оциалистами]-р[еволюционер]ами, членами У[чредительного] С[обрания]: Передано Карелиным 22. XII 1917» [53].

Левый эсер В.А. Карелин, до Октября работавший в Харькове, был главным переговорщиком с приехавшими в Петроград членами Центральной рады, избранными в общероссийское Учредительное собрание, — А.С. Северо-

Одоевским и И.В. Михайличенко [54]. Правда, в достигнутом соглашении был пункт об открытии 5(18) января Учредительного собрания при наличии 400 депутатов — в дальнейшем выполненный формально и с хорошо известным финалом. Другие условия — «организация общероссийской федеративной власти из представителей Советских республик, отдельных областей и национальностей; установление общих принципов социализации земли»; рабочий контроль над производством и национализация акционерных капиталистических предприятий; аннулирование всех государственных долгов — в основном соответствовали линии большевиков. Главное же для них заключалось в первом пункте, гласившем: «Немедленное прекращение вооруженной борьбы между Сов[етом] Нар[одных] Ком[иссаров] и Укр[аинской] Радой, полная ликвидация происшедшего между ними конфл[икта] и соединение сил Российской и Украинской революционной демократии для беспощадной борьбы с реакционными попытками всероссийской контрреволюции» [55].

Таким образом, наряду с харьковским ЦИК Советов Ураины возник еще один центр украинской оппозиции, интересный петроградскому руководству тем, что, казалось, мог обеспечить смену курса в нужном большевикам направлении внутри руководящего ядра Украинской центральной рады. Кстати, харьковское советское правительство настороженно и неприязненно отнеслось к этому варианту [56]. Но в организации Партии левых социалистов-революционеров нашлись энтузиасты сотрудничества с украинскими левыми эсерами. В Киев, в частности, выехал и надолго там остался харьковский активист партии В.М. Качинский. «На мою долю выпало долгое время быть сватом между левыми эсерами и украинскими эсерами», — говорил он в марте 1918 года на харьковском губернском съезде Партии левых социалистов-революционеров [57].

Стоит заметить, что после провала на декабрьской сессии Центральной рады первого проекта земельной реформы российские левые эсеры стали деятельно помогать украинским коллегам в подготовке закона, способного удовлетворить чаяния украинских крестьян. Именно этим занимался в Киеве Качинский, в свое время — докладчик по земельному вопросу на Чрезвычайном крестьянском съезде. В качестве вспомогательных материалов он запрашивал у наркома земледелия, своего товарища по партии А.Л. Колегаева, очередные разработки по аграрному законодательству: о земельных комитетах, о лесах и так далее [58]. В конце концов у левой группы украинских эсеров сосредоточились основные материалы нового проекта закона о земле [59], принятого Украинской центральной радой в январе 1918-го.

Большевицкое руководство, получив себе в союзники кроме харьковского советского правительства еще и группу левых украинских эсеров, казалось, могло рассчитывать на скорую смену вектора украинской политики. Наверное, поэтому при всей остроте конфликта с правительством Рады оно в преддверии очередного этапа мирной конференции не отменило для своей делегации установки на согласованность с киевской делегацией действий в Бресте.

Между тем в Киев 18(31) декабря в ответ на украинскую ноту всем воюющим и нейтральным государствам по вопросу о мире от 11(24) декабря пришла телеграмма от делегаций центральных держав с уведомлением о том, что мирная конференция возобновит работу на прежнем месте 22 декабря (4 января). Украинские делегаты заторопились в путь пока без генеральных секретарей, но, помимо ранее названных, еще и с левым украинским эсером, политическим и военным активистом прапорщиком М.Н. Полозовым. «Никаких инструкций не дало ни правительство, ни Центральная рада, — вспоминал потом Сев-

рюк. — Их позже должен был привезти В. Голубович. Правда мы имели продолжительную беседу с главой Центральной рады профессором Грушевским, говорили о Черном море, об экономических интересах Украины и об украинских землях, о Холмщине, Подлесье, Буковине, Закарпатской Украине, ну и, разумеется, о Восточной Галиции. Интересы этих украинских земель мы должны были твердо защищать» [60].

Они прибыли в Брест 19 декабря (1 января), не застали руководителей делегаций и сначала лишь в неофициальных разговорах удовлетворяли интерес к Украине сотрудников союзных делегаций. При них 20 декабря (2 января) на имя Гофмана поступила телеграмма Иоффе с заявлением о несогласии с германскими условиями и с предложением перенести переговоры в Стокгольм [61]. Представители центральных держав ответили отказом, хотя и опасались, что рискуют сорвать конференцию. «Настроение как у нас, так и у германцев весьма подавленное, — записал в дневнике 22 декабря (4 января) прибывший в Брест О. Чернин. — ...Если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской делегацией, и мы поэтому приступили к делу в тот же день» [62].

В результате поздним вечером 22 декабря (4 января) украинские делегаты сообщали по прямому проводу генеральным секретарям Поршу, Ткаченко и Шульгину: «Сегодня утром мы получили приглашение на частное заседание. Кроме нас — немцы Розенберг (вторая фамилия — неразборчиво. — *И. М.*)». Посланник Розенберг прежде всего поинтересовался мнением собеседников относительно упомянутой телеграммы об изменении места переговоров — почему не от имени Совета народных комиссаров германскому правительству, а от Иоффе Гофману? — и попросил немедленно сообщить в Киев об отклонении со-

ветского предложения. Затем посланник, расспросив о территории Украинской республики и ее положении на Черном море и выслушав пожелание украинцев занять на конференции самостоятельное место, от себя лично обнаджил их в этом. В два часа дня они получили приглашение встретиться с Кюльманом и Черниным на условии полной секретности [63].

Шульгин спросил, не поднимали ли украинские делегаты вопроса об официальном признании Украинской республики, и веско добавил, что глава французской миссии генерал Табуи письменно уведомил его о своем назначении представителем Франции при правительстве Украинской республики. Делегаты оправдались тем, что не имели полномочий на постановку данного вопроса, но, по их словам, «все представители Германии, Австрии и других... твердо стоят на позиции признания». Делегаты просили Киев срочно прислать специалистов — экономистов, финансистов и военных: «Уже сегодня представители Германии затрагивали вопрос о наших экономических взаимоотношениях и торговых договорах, о том же начинают разговор и болгары» [64]. В связи с этим брестские украинцы интересовались: «Будет ли Туган-Барановский? Здесь все считают его большим ученым и громадным авторитетом, но кадетом».

Известный экономист петербургский профессор М.И. Туган-Барановский — родом из Харьковщины, во времена украинской автономии согласился стать генеральным секретарем финансов, торговли и промышленности и вступил в однотипную с кадетской Украинскую партию социалистов-федералистов, но вскоре разочаровался в украинском проекте и вернулся в Петроград. Зинаида Гиппиус записала его объяснения по этому поводу: «Да они уже стали такое делать там, что я и не согласен. В Государственный банк полезли, а я министр финансов. Четыре губернии, не спрося, аннексировали...» [65]. В начале ян-

варя 1918 года в некоторых газетах на Украине сообщалось о том, что в связи с обсуждением торгово-экономического договора с Германией в Киев вызван профессор Туган-Барановский [66]. Но профессор не вернулся, а генеральные секретари на вопрос делегатов ответили уклончиво, добавив при этом, что «в Брест консультантом уже поехал экономист Остапенко и с ним два секретаря, тоже экономисты» [67].

В вечернем заседании с украинцами (с 5 час. 40 мин. до 7 час. 10 мин.) — с ведением протокола, но «дружественном и приватном» — участвовали Кюльман, Розенберг, экономический советник германской делегации Э. Шюлер и Чернин. Для начала Кюльман спросил, каким конституционным актом международно-правового значения образована Украинская республика, которая, как он заметил, по своему фактическому положению является независимым свободным государством, и после этого заверил, что происходящий разговор ляжет в основу будущих официальных переговоров.

Севрюк изложил собравшимся концепцию мира, заложенную в украинской ноте от 11(24) декабря, начав с идеи договорной федерации и объяснив стремление к самостоятельному участию в переговорах интересами скорейшего завершения войны. Кюльман вновь поинтересовался, в чем ведении находится черноморское побережье и почему весь Черноморский флот еще не поднял украинского флага, кто контролирует украинские железные дороги, а также может ли Украина возобновить торговые и экономические отношения и прежние обязательства, «попранные войной». Украинцы ответили, что, по их мнению, происшедшие перемены требуют коренного пересмотра договоров и обязательств, и дали пояснения по остальным затронутым вопросам [68].

Отчитываясь перед генеральными секретарями, они обратили особое внимание на слова Чернина о том, что цен-

тральные державы готовы признать суверенность Украинского государства, невмешательство в его внутренние дела и что он, Чернин, ожидает такого же признания со стороны Украины за другими, «в том числе и за Австрией, особенно на ее восточной границе» [69]. «Вопрос был поставлен слишком определенно, — прокомментировали слова австрийского министра украинские делегаты, — и от нас требовался ясный ответ о том, что мы абсолютно не будем вмешиваться в дела устроения Галиции». Украинцы, по их словам, ответили уклончиво: согласно принципу невмешательства, они действительно «считают непозволительным вмешиваться во внутренние дела Австрии», но вместе с тем, «стоя твердо на принципе самоопределения народов, думают, что такие вопросы будут решены самим народом, когда сам народ будет в состоянии выразить свою волю путем всенародного голосования» [70].

Далее украинские делегаты рассказали генеральным секретарям, что перед разговором с Киевом 22 декабря (4 января) с ними по прямому проводу связался Иоффе с сообщением о том, что хотя перенесение переговоров на нейтральную почву назрело, но раз все делегации прибыли на прежнее место заседаний, то и советская во главе с Троцким тоже 24 декабря (6 января) выезжает в Брест. Сообщив это, Иоффе перешел к главному, что считал необходимым сказать: «И в Бресте будем вести переговоры о перенесении переговоров на нейтральную территорию и думаю, что с вами в деталях сговоримся, когда встретимся» [71]. Киев в принципе и заранее тоже отдал предпочтение нейтральному месту переговоров, но сообщение о пожеланиях советского уполномоченного генеральные секретари оставили без ответа. «Принятая вами линия удовлетворительна... Пока продолжайте в том же духе самостоятельных переговоров», — подытожили они отчет делегатов [72].

24 декабря (6 января) украинские делегаты передали Ткаченко и Шульгину «сообщение чрезвычайной важно-

сти» — о состоявшемся в этот день с 11 час. 15 мин. до 12 час. 45 мин. заседании в присутствии всех представителей Четверного союза и генерала Гофмана. На нем Севрюк изложил все данные о статусе Украинской народной республики и высказал намерение зачитать украинскую ноту на официальном пленарном заседании конференции. Отвечая на расспросы Кюльмана, как далеко мыслится украинская самостоятельность, он пояснил, что после официального признания Украина могла бы послать своих дипломатических представителей в центральные державы, и добавил (вызвав «в зале общее движение»), что Франция уже аккредитовала в Киеве своего представителя. В случае получения Украиной самостоятельного места на переговорах украинский делегат видел положение сторон симметричным: «Как четыре державы с вашей стороны, так две — с нашей». Кюльман после напоминания, сделанного в категорическом тоне, о неприемлемости перемены места мирной конференции обнадежил украинцев в благосклонности Берлина и Вены к их миссии [73].

Ткаченко и Шульгин, выслушав отчет делегатов, назвали выступление Севрюка неудовлетворительным, не согласованным с их директивами. «Необходимо было подчеркнуть нашу связь и солидарность в вопросе мира как с Совнаркомом, так и с другими республиками России, — говорили генеральные секретари, социал-демократ и социалист-федералист соответственно, все еще пытавшиеся совместить подсказанный центральными державами курс на полное отсечение от России со своими изначальными федералистскими и антигерманскими представлениями, отчего их установки выглядели невыполнимыми. — Вы не имели права давать ответ, что мы пришлем послов немедленно вслед за признанием центральными державами Украины. Необходимо было взять более независимый тон и показать, что прежде надо определить конкретные условия мира. Вы употребили выражение: «когда получим са-

мостоятельное место». Надо: «когда займем»... Давать нам его никто не будет. Помните, что интерес Германии заключается в том, чтобы, признавая нашу державность и самостоятельность, подчинить нас экономически... Украинская державность создается, конечно, не в Бресте, а в Киеве... в силу ее реального роста и действительного международного признания... При обсуждении конкретных условий нам придется опираться и на республики России, и на Совнарком, и на моральную поддержку других держав. Украина может иметь много точек соприкосновения с Австро-Венгрией, с Турцией, Болгарией и особенно с Германией... но мы прекрасно понимаем, что у нас есть и некоторая противоположность интересов и нам... надо создать условия благоприятного экономического развития Украины без давления и опутывания со стороны других держав... Почему, несмотря на нашу вчерашнюю инструкцию, вы не упомянули о желательности перенесения переговоров в Стокгольм?» — вопрошали генеральные секретари, как видно, не заметив ультимативности немцев в этом вопросе. Они упрекали делегатов в мягкости, «благоприятной для противоположной стороны, но несколько не соответствующей нашему достоинству» [74].

Севрюк, оправдываясь перед рисовавшим идеальные схемы начальством, показал себя человеком без иллюзий. Он точно определил, что контрпартнеры провоцируют украинцев на сепаратный мир «даже без контакта с большевиками» и, выставляя различные условия, оказывают «неблагородное давление, которое мы должны с достоинством отвергнуть». Выход из положения он пока еще видел в том, чтобы «оттянуть дело до приезда русской делегации для того, чтобы выступить вместе» [75].

Окончательные директивы генеральные секретари обещали дать после обсуждения в правительстве, но сразу заметили, что исключают открытый отказ от принципа самоопределения применительно к Восточной Галиции, и

согласились, что подобными вопросами лучше заняться после приезда советской делегации, от которой ожидали признания суверенитета Украинской народной республики и, следовательно, более надежной позиции представителей последней в отношении немцев [76].

Вслед за утренним неофициальным заседанием 24 декабря (6 января), о котором в Киев немедленно был передан отчет, в 6 час. 45 мин. вечера началось еще одно — между германскими и украинскими представителями. На нем, как следует из доклада Левицкого, Розенберг доверительно сообщил, что Германия готова принять украинскую ноту и для этого хоть завтра назначить официальное заседание, даже если не успеет приехать глава украинской делегации В.А. Голубович. Украинцы возразили, что хотели бы присутствия всех делегатов, в том числе и представителей народных комиссаров. Согласившись с этим, германский чиновник взялся ознакомить украинцев с содержанием возможного положительного ответа на их ноту в том случае, если они согласятся с безусловным отклонением смены места переговоров, с условиями об уважении суверенитета государств Четверного союза, о невмешательстве в их внутренние дела и территориальной неприкосновенности, и предложил поторопиться с принятием этих условий [77].

Украинцы же, памятуя о последней инструкции генеральных секретарей, подошли критически к предложенным им условиям. По первому пункту они заявили о своем изначальном мнении, что переговоры должны вестись на нейтральной территории, и о своем удивлении по поводу их открытия в Бресте, после чего пространно объявили: «Сейчас, на утреннем заседании мы имели честь заявить, что условились с русской делегацией, что на известной ступени переговоры будут перенесены на другую почву... Мы позволяем заключить, что... как ваша, так и русская сторона... вы расходитесь лишь мнением... является ли настоящий момент той ступенью, когда они будут перене-

сены... Мы будем иметь честь передать официальный ответ нашего правительства, когда после приезда русской делегации, узнав об истинном положении дел, мы осведомим об этом украинское правительство» [78].

Несогласие с другими условиями, возведенными австро-германской дипломатией как барьер против территориального расширения Украинской республики на запад, представители недавно образованной республики продемонстрировали также тем, что солидаризировались с некоторыми большевистскими тезисами. «Что касается невмешательства во внутренние дела... существуют вопросы международного характера, которые должны обсуждаться здесь на конференции... Здесь мы стоим... на общей с Совнаркомом платформе... О неприкосновенности территории мы думаем... что границы государства не должны определяться силой оружия... и здесь, равно как и в вопросе самоопределения, мы стоим на общей с Совнаркомом позиции. Это наше частное мнение», — заявили украинские делегаты. Они выразили вместе с тем сожаление, что при обсуждении на переговорах проблемы оккупированных областей не упоминались украинские территории, занятые войсками Германии. Украинские депутаты вдобавок уточнили в изысканной форме, что кроме оккупированной части Волынской губернии имеется в виду «давний спор со... славной соседкой относительно северо-западных границ» [79], то есть спор с Польшей из-за Холмщины и Подлесья, захваченных поляками в XIV веке.

По последнему вопросу Розенберг сослался на свою малую осведомленность об этнографической ситуации этого пограничья и предложил завтра же сделать соответствующие пометки на карте, намекнув, что в этом вопросе Германия может пойти навстречу украинским стремлениям. В остальных же был смиренно непреклонен: «Мы думаем, что молодая Украинская республика, желающая устроить свой дом и поставить вокруг него забор по сво-

ему желанию, не станет отказывать своим старшим сестрам в этом праве» [80].

Ко всему доложенному Левицким Любинский сделал вынесенное из дискуссии с немцами важное добавление: Четверной союз письменно подтвердит свои обещания лишь после получения письменного же ответа украинского правительства на свои условия. Подытожил впечатления Севрюк: вопрос о месте переговоров немцами поставлен ультимативно. Они очень раздражены радиопропагандой большевиков. По вопросу о неприкосновенности территорий, очевидно, имеется в виду Галиция. Немцы решительно отвергают принцип самоопределения. Относительно очищения оккупированной части Волыни и в вопросе о Холмщине могут пойти навстречу [81].

Генеральные секретари, принимая желаемое за действительное, с готовностью расценили тактику немцев как признак большей, чем они предполагали, слабости Германии и захотели опубликовать содержание прошедших неофициально переговоров, чтобы, по их словам, повлиять на форму реализации немецких условий. Севрюк был более реалистичен. Он потребовал новых точных инструкций, так как нашел, что немецкие условия противоречат тому, что предполагало украинское правительство. Вместе с тем он не исключал отступления от первоначально намеченного, в частности, от идеи самоопределения Восточной Галиции, и допускал обсуждение этого вопроса в «иной постановке» — в виде создания «украинского коронного края в Австрии» (ключевого требования национального движения галицийских русинов-украинцев, которое Вена упорно игнорировала). Любинский высказался в свойственной ему пренебрежительной манере: «Обещания немцев — немецкий обед: много соуса, но никакого содержания... наше участие в конгрессе (мирной конференции)... более необходимо для них, чем для нас... Торжественное признание Украинской республики является

журавлем в небе и мы, я думаю, не будем за ним гнаться... Немцы у нас разум пробуют» [82].

В свою очередь, Кюльман вечером 24 декабря (6 января) телеграфировал рейхсканцлеру: «Последние дни были полностью посвящены переговорам с украинцами. Депутаты — сравнительно молодые люди... но проявляют умение и хитрость на переговорах». Статс-секретарь отметил противоречие между целью украинцев участвовать в переговорах в качестве полномочной делегации и заявленной ими приверженностью идее федерации в пределах России и потому не был еще полностью уверен, возможны ли будут самостоятельные переговоры с украинцами в случае разрыва с большевиками [83]. Дальнейшие его дипломатические усилия пошли на выполнение задуманного окончательного разделения советской и украинской делегаций.

Требование немцев определиться с самостоятельным статусом государства вызвало в правительстве Центральной рады противоположные суждения, окончательно расшатав его устойчивость. Члены Генерального секретариата от партии социалистов-революционеров на заседании 26 декабря (8 января) высказались за провозглашение независимой Украины. Ковалевский мотивировал это необходимостью «обязательно заключить мир с немцами». Федералист и антантофил Шульгин, напротив, заявил, что независимость нельзя объявлять именно потому, что ее «подсовывают... немцы», чтобы «выторговать себе все экономическое влияние». Далее он изложил довольно точный сценарий, вскоре ставший реальностью: «Самостоятельность настроя масс не поднимет и армии нам не создаст. А одновременно придется вести большую войну с Россией; в этой войне надо будет опереться на Германию, на ее военную силу, и в результате Украина будет оккупирована Германией. Германия руководствуется принципом «разделяй и властвуй»; в ее интересах разбить Россию на

части и владеть всеми этими частями. Надо опереться на все живые силы России — новые республики. Союзникам важно иметь фактическую силу на Востоке для сопротивления Германии. Они будут поддерживать федеративный союз всех республик России».

Винниченко выступил со сложными рассуждениями о том, что в случае войны с большевиками лучше всего было бы провозгласить независимость, но при этом якобы есть опасность объединения великорусских промышленных кругов с большевиками, и тогда у украинцев не хватит сил для борьбы, а кроме того, их могут обвинить в предательском замирении с германскими империалистами [84].

Но украинские эсеры — правые и центр — уже не боялись таких обвинений и готовы были ради признания Украины Четвертым союзом порвать с федерализмом. Вскоре они добились смены правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-об.
2. Там же. Л. 16.
3. Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 3. П. 39. Л. 14.
4. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 8–9.
5. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4397. Л. 1, 4.
6. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 991. П. 70. Л. 20–20-об.
7. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 117–120.
8. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 179–180.
10. Будберг А. Дневник // АРР. — М., 1991. Т. 12. С. 262–263; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 464–465.
11. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 1.

12. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 121.
13. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 1–1-об.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 20–21.
15. АВП РФ. Ф. 496. Оп. 1. Д. 5. П. 52. Л. 4–5.
16. Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 1-об.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 181; Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 16–17.
18. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 3–4.
19. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 139–140.
20. The Trotsky Papers 1917–1922. — Mouton, 1964. Vol. 1. P. 23–25.
21. Ковалевський М. При джерелах боротьби. — Інсбрук, 1960. С. 446.
22. Подробнее см.: Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М., 2003. С. 171–183.
23. Скоропис-Иолтуховський О. Мої злочини // Хліборобська Україна. — Відень. — 1921–1922. — № 1–3–4. — С. 235.
24. ГАРФ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
25. Там же. Д. 74. Л. 131.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 23. Подробнее о дореволюционных контактах Ленина с последним см.: Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М., 2003. С. 168, 176–177.
27. Зализняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 93.
28. Копия документа на украинском языке с пометами о датах рассылки адресатам и подписями Винниченко, Шульгина и директора канцелярии Лосского — АВП РФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 17. П. 4. Л. 4–7. Опубликованная версия этого документа отличается большой стилистической правкой в направлении «украинизации» текста. — УЦР. Т. 1. С. 527–529.
29. УЦР. Т. 2. С. 13, 20.
30. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 30. П. 3. Л. 4, 5; Д. 6. П. 1. Л. 18.

31. УЦР. Т. 2. С. 30.
32. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 45-об.
33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 182–183.
34. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2448. Л. 35–37. Запись на телеграфно-
ной ленте ошибочно датирована 15 декабря.
35. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 31.
36. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 26.
37. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 82. Л. 85.
38. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 28. Л. 2; Д. 29. Л. 3.
39. Там же. Д. 30. Л. 29.
40. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 66.
41. УЦР. Т. 2. С. 38, 39, 44.
42. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 66-об.
43. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2447. Л. 62–64.
44. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 12. Л. 257.
45. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 22. Л. 2.
46. УЦР. Т. 2. С. 33.
47. Чикаленко Е. Уривок з моїх споминів за 1917 р. — Прага,
1932. С. 26, 27; Затонський В. З спогадів про українську ре-
волюцію // Літопис Революції. — 1929. — № 5–6. — С. 117.
48. УЦР. Т. 2. С. 73–74.
49. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 89. Л. 68–68-об. По-українски —
УЦР. Т. 2. С. 67.
50. УЦР. Т. 2. С. 53, 59.
51. Там же. С. 54.
52. Там же.
53. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5037. Л. 2.
54. Затонський В. З спогадів про українську революцію // Літопис
Революції. — 1929. — № 5–6. — С. 161–163.
55. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5037. Л. 1–2.
56. Затонський В. З спогадів про українську революцію // Літопис
Революції. — 1929. — № 5–6. — С. 161–163.
57. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 101. Л. 58.
58. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 79. Л. 139–140.
59. УЦР. Т. 2. С. 113.

60. Севрюк О. Берестейский мир. Уривки із споминів // Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 146.
61. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 244.
62. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.–Пг., 1923. С. 249.
63. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 39.
64. Там же. Арк. 41, 43.
65. Гиппиус З. Черные тетради // Звенья: Исторический альманах. — М.–СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 31.
66. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 412. Л. 7.
67. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 42.
68. Там же. Арк. 43–44.
69. Там же. Арк. 44–46.
70. Там же. Арк. 47.
71. Там же. Арк. 48.
72. Там же. Арк. 49.
73. Там же. Арк. 2–7.
74. Там же. Арк. 8–10.
75. Там же. Арк. 12–13.
76. Там же. Арк. 14.
77. Там же. Арк. 22.
78. Там же.
79. Там же. Арк. 23, 24.
80. Там же. Арк. 24–26.
81. Там же. Арк. 27.
82. Там же. Арк. 29–32.
83. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 190.
84. УЦР. Т. 2. С. 68–70.

ВТОРОЙ ПЕРИОД БРЕСТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ. ПРИЗНАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СТАТУСА ДЕЛЕГАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ

Советско-украинские предварительные совещания в Бресте. — Авансы Троцкого украинской делегации и его растерянность при первых трудностях. — Генеральный секретариат уклоняется от советского предложения. — 30 декабря 1917 года: украинский вопрос в Бресте, Харькове и Петрограде. — Официальное заявление Троцкого о признании самоопределения Украины и самостоятельного участия делегации Украинской центральной рады в мирных переговорах. Легализация переговоров украинской делегации с представителями Четверного союза. Конфликт Троцкий — Голубович. Формула Троцкого — «ни мира, ни войны» — порождение дипломатической беспомощности. Делегация Всеукраинского ЦИК Советов в Бресте.

Советская делегация во главе с Львом Троцким прибыла в Брест утром 25 декабря (7 января 1918 года) и первым делом назначила встречу с киевскими представителями. Троцкий на ней многообещающе заверил, что не предлагает украинской делегации «претвориться в нашу делегацию или... чтобы она растворилась в общей делегации». Он хотел только, чтобы украинцы при официальной презентации ноты Генерального секретариата от 11 (24) декабря дополнили ее таким заявлением, которое помешало бы контрпартнерам играть на «мнимых», по его словам, советско-украинских противоречиях.

Севрюк признал это возможным. Он исходил из того, что обе делегации самостоятельны, но они находятся по одну сторону фронта и потому программа мира у них должна быть общей [1]. В отчете, переданном в Киев 30 декабря (12 января) и опубликованном затем в печати, говорилось даже, будто украинская делегация собиралась заявить «о своем признании первых двух пунктов мирного договора, предложенных представителями народных комиссаров 27 декабря (н. ст.)» [2].

На самом деле упоминания об этом нет в стенограмме данного советско-украинского совещания [3]. Правда, Полозов от себя лично сказал, когда речь шла о предложении Троцкого обменяться заявлениями о сотрудничестве, что можно было бы в той или иной форме заявить о политической солидарности. Но Севрюк заранее из осторожности заметил, что содержание украинского заявления может быть определено после того, как выяснится статус делегации, и добавил, что вместо присоединения к советскому заявлению украинский делегат сделает от себя аналогичное. Троцкий с легкостью принял предложение украинцев, сказав, что не собирается их ограничивать: форму заявления можно согласовать «с двух-трех слов».

Лишь участвовавший в совещании М.Н. Покровский попробовал отстоять иной формат отношений, заметив, что с юридической точки зрения обеим делегациям нельзя выступать перед контрпартнерами отдельно, ибо «Украинская республика как таковая войны Германии не объявляла, стало быть и заключать мира не может». В таком случае, по мнению Покровского, юридически правильно ей было бы заявить о своем неучастии ни в войне, ни в мире. Но раз Украина уже вступила в переговоры, то перед немцами надо держать единый фронт [4]. Полозов заинтересовался этой точкой зрения, заметив, что есть «чрезвычайно существенная разница» между формулой Покровского и украинской — о двух равноправных делегациях, и попро-

сил назначить пленарное заседание не прежде, чем будет выяснен этот вопрос. Но Троцкий отмахнулся от услышанного и «в видах экономии времени» предложил не возвращаться к вопросу, который, по его словам, «уже благополучно разрешен» [5].

Л.М. Карахан в тот же день послал в Петроград бодрое сообщение, что «единство действий обеспечено... первое по возобновлении переговоров заседание состоится завтра. Оно откроется декларацией украинской делегации о ее самостоятельном участии в переговорах. После признания ее полномочий... всеми участниками, в том числе и русской делегацией, будет поставлен вопрос о месте дальнейших переговоров» [6]. В следующей телеграмме выражалась уверенность, что в последнем вопросе советская делегация добьется своего [7].

Однако вскоре Троцкий обнаружил: «вся немецкая пресса писала, что переговоры с украинской делегацией идут хотя не официально, но вполне благоприятно» [8]. В печать такая характеристика попала со слов заместителя статс-секретаря ведомства иностранных дел Г. Бусше, сказанных на совещании рейхсканцлера с депутатами рейхстага 22 декабря (4 января) [9]. На недоуменный вопрос Троцкого, правда ли это, украинские делегаты обещали испросить разрешение в Киеве, после чего, как обнадружили, смогут показать стенограммы [10]. Они были связаны обязательством перед немцами о секретности своих с ними переговоров (получается — секретности только от украинской и русской общественности) и, соблюдая его, категорически воспротивились упомянутому намерению генеральных секретарей опубликовать содержание переговоров в украинской печати [11].

Глава украинской делегации В.А. Голубович, отправившийся на мирную конференцию с заездом в находившуюся под австрийским суверенитетом Восточную Галицию, прибыл в Брест лишь 26 декабря (8 января). Утром следу-

ющего дня советские и украинские делегаты на совместном совещании обсудили тактику на предстоявшем пленарном заседании: украинская делегация собиралась огласить декларацию о своем самостоятельном участии в переговорах, после чего Троцкий должен был выступить с заявлением о статусе украинских делегатов; текст его был обсужден на совещании [12].

Возможно, что в этот период позиция Троцкого по украинскому вопросу определялась его общением до выезда в Брест с киевскими большевиками, может быть, и с левыми украинскими эсерами. Об этих контактах обнаружены пока скромные документальные следы. Так, 28 декабря (10 января) в 16 час. 55 мин. в Петроград по прямому проводу поступила записка от Киевского окружного совета солдатских депутатов, адресованная Троцкому в комиссариат по иностранным делам, с просьбой самому или его уполномоченному «быть в пятницу 29 декабря в 4 часа дня у прямого провода для переговоров [по] поводу мирного улажения конфликта [с] Украиной». Под текстом — адресованная неустановленному лицу пометка, подписанная нерасшифрованной аббревиатурой: «Ан. Петр., в 2 часа дня, если не приедет Троцкий, непременно мне сказать об этой телеграмме. В б. б.» [13], свидетельствующая о важности для аппарата Троцкого запрашиваемого Киевским советом разговора, а также и о том, что нарком не собирался задерживаться в Бресте дольше 29 декабря (11 января).

По-видимому, контакты с киевскими единомышленниками внушили Троцкому преждевременную уверенность в скором благоприятном для большевиков повороте украинской политики. Только этим можно объяснить, что в первоначальный проект своего заявления он, согласно записи в дневнике украинской делегации, включил предложение «всем участникам их (переговоров) признать Делегацию Генерального Секретариата Украины Представительством независимой Украинской республики и как та-

ковое полномочным для ведения мирных переговоров». После оглашения этого заявления украинцы должны были поставить вопрос о перенесении переговоров на нейтральную почву [14]. Все это ожидалось на пленарном заседании вечером 27 декабря (9 января).

Но на утреннем пленарном заседании немцы со товарищи дружно высказались против изменения места переговоров, затем Гофман атаковал советскую делегацию за революционную агитацию, адресованную немецким солдатам, после чего Троцкий предложил сделать перерыв в заседании и несколько раз продлял его. Наконец, по усмотрению немцев заседание было перенесено на 28 декабря (10 января). Дело, предположительно, заключалось в том, что наркому по иностранным делам стал известен неожиданно неблагоприятный ответ Генерального секретариата на советское предложение уладить конфликт путем переговоров. Он был заготовлен в Киеве 24 декабря (6 января), но получен в Петрограде лишь 27 декабря (9 января).

В тот день Сталин передал Ленину, выехавшему на лечение в Финляндию, просьбу «немедленно двинуться в Питер... чтобы в полдень 28-го быть в Смольном. Дело в том, что: 1) Получил ответ Рады, уклончивый, но все же довольно компромиссный (нужен наш ответ)...» [15]. Это была первая, смягченная оценка. Вскоре она сменилась на резко отрицательную. Секретарь Совнаркома Н.П. Горбунов передал по прямому проводу Киевскому и Окружному совдепу: «Нота получена. Советом народных комиссаров еще не обсуждалась. Насколько я знаю, все абсолютно возмущены уклончивостью Рады по вопросу о Каледине и калединцах, считают мир с такой Радой невозможным, по национальному же вопросу охотно дают все, чего хотят украинцы» [16].

Возвращаясь в Брест к событиям 28 декабря (10 января), заметим, что Троцкий оказался не готов к отказу Генерального секретариата урегулировать конфликт с Совнаркомом путем переговоров. Его первая реакция, растерянная и хао-

тичная, оказалась далека от дипломатической взвешенности. За полчаса до открытия пленарного заседания украинцам был вручен укороченный текст советского заявления, без упоминания о признании независимости Украинской народной республики и полномочности в качестве правительства ее Генерального секретариата. Осталось лишь согласие на присутствие в Бресте делегации Центральной рады. В приписке Карахана говорилось: «Эта редакция является окончательно установленной нами после оглашения вашей декларации». Пришедшему за разъяснениями Любинскому нарком Троцкий будто бы сказал: «Мы видим, что с вами не сговоримся и нам с вами предстоит действовать, как с врагами — австрийцами и немцами» [17].

На открывшемся в конце концов пленарном заседании Голубович огласил свою декларацию. Любинский по-украински прочел ноту Генерального секретариата. Троцкий на вопрос Кюльмана, намерена ли его делегация и впредь быть единственной представительницей всей России, зачитал свое укороченное заявление о согласии лишь на присутствие делегации Центральной рады в Бресте. Кюльману этого было мало. Он начал допытываться, с кем следует иметь дело по проблемам Черного моря, с русскими или украинскими представителями. Троцкий сначала объяснил, что вопрос о границах Украины «не может считаться решенным, так как Украинская республика находится сейчас именно в процессе своего самоопределения». Это было чистой правдой и с точки зрения международного права давало все основания отложить вопрос о субъектности Украинской республики, ее правительства и дипломатических эмиссаров.

Но глава советской делегации по собственной воле, ничем и никем не вынужденный, отказался от такой возможности и, пустившись в революционную догматику, заявил: «Во всяком случае вопросы о границах... не могут стать предметом конфликта... так как вопрос разрешился бы

свободным голосованием заинтересованного населения». В заключение на вопрос Кюльмана, «должна ли украинская делегация считаться частью русской делегации... или же она в дипломатическом отношении является представительницей самостоятельного государства», он ответил неполно, но обязывающе — будто вопрос отпадает сам собою, так как никто не предлагал превратить украинскую делегацию в часть русской [18].

Обещанного украинцами вначале заявления о желательности переговоров на нейтральной почве не последовало, и Троцкий — под впечатлением последних новостей о том, что в германской политике берут верх самые воинственные, не склонные к замирению круги, — на вечернем заседании политической комиссии демонстративно снял вопрос о смене места переговоров. «Нам поставлен ультиматум, — патетически заявил он, — либо переговоры в Брест-Литовске, либо никаких переговоров... Мы остаемся здесь... чтобы не оставить неисчерпанной ни одной возможности в борьбе за мир народов» [19].

Чернин в связи с этим выступлением особо отметил словесный дар наркома, тем более что сказанное им вполне удовлетворило союзников. «Троцкий произнес длинную речь, рассчитанную на всю Европу и, по-своему, действительно прекрасную... — записал в дневнике австрийский министр. — У него совершенно исключительный ораторский талант. Мне редко приходилось встречать такую быстроту и тонкость реплики...» [20]. А киевские делегаты в своем отчете, опубликованном затем в печати, лукаво заклеямили этот шаг Троцкого как «чрезвычайную политическую ошибку», солгав, будто именно эта «ошибка» помешала им отстаивать требование о перенесении переговоров в Стокгольм [21].

На самом деле появившаяся в связи с заявлением Троцкого возможность уклониться от постановки этого безнадежно заблокированного немцами вопроса освободила

украинских делегатов от невыполнимой директивы правительства требовать переноса переговоров на нейтральную почву и принесла им, судя по записи в дневнике делегации, большое облегчение [22].

Между тем свое выступление по украинскому вопросу Кюльман с союзниками отложили, чтобы выяснить отношение соискателей полноправного статуса к поставленным им на неофициальных переговорах требованиям. Украинцы записали в дневнике 28 декабря (10 января): «Вечером во время обеда на нашу делегацию охота: когда дадим ответ на три немецких вопроса — 1. Брест. 2. Суверенитет и 3. Неприкосновенность территории». Они, в свою очередь, ради дипломатического торга пустили слух, что размышляют, не уехать ли в Киев [23].

Немцы их остановили, но решение по украинским делам вынесли с отложенным финалом и с ущербом для государственного достоинства Украинской республики. На утреннем пленарном заседании 30 декабря (12 января) Чернин объявил, что Четверной союз, с одной стороны, признает «украинскую делегацию... как полномочное представительство самостоятельной Украинской народной республики», но с другой — «формальное признание... найдет свое выражение в мирном договоре» [24]. То есть признание оказалось не безусловным, а поставленным в зависимость от степени уступчивости украинцев в дальнейших переговорах.

Тем временем ситуация на просторах вздыбленной России менялась с необычайной быстротой. Вслед за недавним известием об отрицательной реакции Генерального секретариата на советское предложение о переговорах в Брест стали поступать сообщения информационных агентств о непрочности положения самого секретариата и росте на Украине большевизма [25].

В ночь с 29 на 30 декабря (11–12 января) Карахан запросил Сталина: «Сегодня агентские телеграммы сообщили

нам, что вся власть в Украине перешла в руки Централь-ных советов рабочих, солдатских депутатов. Завтра пред-стоит на специальном пленуме конференции признание украинского правительства и его делегации. Просим сооб-щить точно положение дел». Сталин ответил: «Сообщение агентства не точно. Рада еще не свергнута, но близка к этому. Ее власть ограничивается пределами Киевской гу-бернии... Изнутри раду взрывают левые эсеры, действующие в контакте с петроградскими коллегами. У них уже две трети в головной раде, по имеющимся у нас данным, в ближайшем будущем Винниченко будет сменен левым эсером» [26]. Хозяйничавшие в Бресте немцы вели неза-конное прослушивание разговоров по прямому проводу. Информация Сталина об украинских левых эсерах тотчас стала известна в Киеве, что в дальнейшем сыграло роко-вую роль в их замыслах [27].

Пока же Сталин в своем сообщении остановился еще на варианте распространения власти харьковского ЦИК Советов Украины и его Народного секретариата, чьи по-степенно создававшиеся военные силы — Червоне каза-чество — взаимодействовали с отрядами под командова-нием Владимира Антонова-Овсеенко. «В руках ЦИК [Ук-раины], — передал нарком по делам национальностей, — Харьковская, Екатеринославская, две трети Полтавской, весь Донецкий бассейн, Черниговская, почти вся Херсон-ская с Одессой и Николаевым и все прибрежные города за исключением Ростова и Таганрога, входящих в состав Донской области. В руках Рады только Киевская губерния и некоторые кусочки прилегающих губерний, день за днем уходящие от Рады. Дело ясное: Рада данного состава не может [быть] названа правительством Украины... с го-раздо большим правом может и должен быть привлечен к мирной делегации ЦИК [Советов Украины]» [28].

С таким настроением Сталин в очередной раз направил в Харьков предложение готовить делегацию на мирные

переговоры. С предыдущим, полученным 18(31) декабря, харьковцы решили повременить до получения данных о числе делегатов и времени их отправки. Теперь подготовка развернулась полным ходом. На заседании 30 декабря (12 января) делегатами были намечены председатель ЦИК Советов Украины Е.Г. Медведев, чуть ли не единственный из украинских социал-демократов, оказавшийся на стороне харьковской власти, и украинские большевики — народные секретари военных дел — В.М. Шахрай и просвещения — В.П. Затонский. Первые два даже хотели оформить свою отставку из правительства на время дипломатической миссии. Но коллеги убедили их в важности их роли именно как официальных лиц, занимающих известные посты. Одновременно пришлось улаживать возникший при подготовке конфликт: народный секретарь финансов В.Х. Ауссем готов был подать в отставку из-за слишком значительной, по их мнению, суммы — 10 тыс. рублей, ассигнованной делегации, и грубого напора Медведева по этому поводу [29].

Но все это были организационные частности, за которыми последовали по-настоящему озадачившие харьковцев проблемы. Из очередной телеграммы Иосифа Сталина Народный секретариат в тот день, 30 декабря (12 января) впервые узнал о предложении Совнаркома киевскому правительству вступить в переговоры о полученном от последнего отказе. То есть Народный секретариат оказался перед фактом двойственности большевистского руководства в украинском вопросе и попытался защитить свой заявленный на харьковском Всеукраинском съезде Советов статус единственной законной украинской власти.

Слово для доклада взял управляющий делами Народно-го секретариата Г.Ф. Лапчинский и заявил: «Стоя на точке зрения советской власти, нельзя вести переговоров с Ц[ентральной] Р[адой]. Если это политика, то она ошибочна». В предложенной им и принятой на заседании ре-

золюции, не подлежавшей опубликованию, говорилось (нередатированная протокольная запись): «Ознакомившись из телеграммы товарища Сталина с предложением Совета народных комиссаров об участии Украинской центральной рады в мирных переговорах и отношениях Совета народных комиссаров с означенною Радою, об условиях соглашения между Советом народных комиссаров и буржуазными группами, претендующими на власть в Украинской республике, поручает Народному секретариату немедленно заявить решительный протест против каких бы то ни было переговоров (пропущено несколько слов) на Украине без ведома и заключения Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и обратиться к Совету народных комиссаров с заявлением Правительству Российской федерации о необходимости во всех вопросах, касающихся Украинской республики, действовать исключительно по согласованию с Народным секретариатом и через Народный секретариат» [30]. На просьбу Затонского об инструкции на тот случай, если Совнарком сочтет удобным направить в Брест харьковскую делегацию, народные секретари предписали делегатам не отступать и поручили им «в экстренных случаях сноситься с Харьковом по прямому проводу» [31].

В отдельном пункте протокола заседания харьковцы отреагировали на допущенное Петроградом опоздание с жизненно важной для них информацией: «Просить Совет народных комиссаров извещать нас немедленно по прямому проводу о крупных событиях и переменах, особенно относительно Украины». Впрочем, завершилось все «приветствием ВЦИК Всероссийскому и Совету народных комиссаров, особенно товарищу Ленину» [32].

На том же заседании Медведев сообщил «о новом течении в пользу советской власти в Киеве... созданном из левых эсеров российских и украинских». Решено было поставить этот вопрос на обсуждение в дальнейшем [33].

Украинский вопрос стоял 30 декабря (12 января) и в повестке дня Совнаркома, в том числе и в связи с ответом киевского правительства на советскую инициативу о переговорах. В предложенном Лениным постановлении ответ был признан «настолько неопределенным и уклончивым, что он граничит с издевательством». В постановлении, предназначенном для немедленной публикации, в очередной раз подчеркивалось, что основным источником разногласий является отношение киевского правительства к проблеме донской контрреволюции, и без обвиняков говорилось, «что прямая или косвенная поддержка Радой калединцев является... безусловным основанием для военных действий против Рады».

При очевидной несклонности киевского правительства к компромиссу с петроградским народным комиссаром ничего не оставалось, как противопоставить упорству украинских лидеров образ реальности, формирующейся не в пользу последних. «Против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону, — писал Ленин. — В самой Украине революционное движение украинских трудящихся классов за полный переход власти к Советам принимает все большие размеры и обещает победу над украинской буржуазией в ближайшем будущем». Очевидно, в ожидании скорой смены украинской власти постановление завершалось словами о признании самостоятельности Украинской республики и «ее права требовать федеративных отношений» [34].

В рабочих материалах к данному пункту повестки заседания Совета народных комиссаров есть перечень фамилий, написанный рукой Ленина, по-видимому, список участников обсуждения: Ленин выступал семь раз, по четыре — Сталин и Менжинский, три раза — Шляпников, по два — Луначарский, Елизаров и Прошьян, по одному — Аксельрод, Алгасов, Дыбенко, Штейнберг, Шлихтер, Карелин [35].

Киевские верхи тоже не заблуждались относительно своего положения. У них уже возникло ощущение надвигающейся катастрофы. Е.Х. Чикаленко вспоминал потом, что на новогоднем вечере в Украинском клубе вместо отказавшегося произнести праздничный тост Винниченко слово взял генеральный секретарь почт и телеграфа эсер Н.Е. Шаповал, чтобы сказать: «Вот вы веселые и радостные не думаете, не гадаете, что этот первый год может быть и последним. Я как министр... который имеет вернейшие и надежнейшие последние известия, уверен, что Украине осталось жить не больше может быть двух недель. Скоро сюда придут большевики» [36].

Винниченко, промолчав на предновогоднем торжестве, не стал таиться в будничной обстановке среди товарищей по партии. На совещании фракции украинских социал-демократов 3(16) января он пустился в рассуждения: «Какой у нас может быть выход? Возможно, заключение сепаратного мира и призыв немцев на помощь». Когда один из членов фракции, левый украинский социал-демократ Неронович, привел эти слова на заседании Малой рады, смущенный глава правительства стал оправдываться, будто это не его мысль, «она может лишь возникнуть среди граждан...» [37].

Возвращаясь к заседанию Совнаркома 30 декабря (12 января), нужно добавить, что в повестке его подлежал решению еще «запрос Троцкого о признании или непризнании киевской Головной рады за официальную власть Украины в связи с тенденцией Кюльмана к признанию ее за таковую» [38]. Обращает на себя внимание заключительная, мотивировочная часть запроса. Она фальшива и свидетельствует либо о неспособности главы советской делегации правильно сориентироваться в намерениях и тактике контрпартнеров, либо продиктована желанием ссылкой на Кюльмана прикрыть собственный промах с признанием делегации Центральной рады. Отдельное реше-

ние по запросу из Бреста в протоколе Совнаркома отсутствует. Он объединен в один пункт с вопросом о полученной 27 декабря (9 января) ноте Генерального секретариата. По этому пункту принято приведенное выше «Постановление СНК об ответе Рады». Получил ли Троцкий более конкретные указания по своему запросу, неизвестно.

Как бы там ни было, он взял слово на том же заседании мирной конференции 30 декабря (12 января) вслед за австрийским министром, заявившим об отложенном на будущее признании суверенитета Украинской республики, и примирительно сказал, что конфликты и противоречия последнего времени не имеют никакого отношения к праву на самоопределение украинского народа, «фактически совершившемуся в виде Украинской народной республики», и после пространных пояснений повторил в заключение, что «не видит препятствий к самостоятельному участию делегации Генерального секретариата в мирных переговорах» [39].

Возможно, дружелюбный, уступчивый тон этого выступления объяснялся ожиданием недалекой, как вновь показалось, смены власти в Украинской республике. Не исключено также, что пример с самоопределением Украины понадобился для контраста с сомнительным — в условиях немецкой оккупации — самоопределением Польши, Литвы и Курляндии. На эту тему как раз на вечернем заседании Лев Каменев должен был выступить с особой политической декларацией. К слову сказать, дотошные украинцы, которым текст декларации был показан заранее, заметили, что в ней объявлялось о возможном согласии России очистить даже некоторые неоккупированные области (в частности Лифляндию), но подобное требование не было предъявлено Германии и Австрии в отношении Познани и Восточной Галиции.

Советские делегаты пояснили свой тезис о возможном уходе из областей бывшей Российской империи необходи-

мостью «рельефно показать чистоту русских намерений и желание очищения Польши, Литвы и Курляндии» не для восстановления старых границ России, а для свободного волеизъявления. Украинцам же они предложили выступить с критикой — заявлением об односторонности советской декларации. Такая критика, по словам большевистских делегатов, только подчеркнула бы «идейную чистоту» их декларации [40].

Но киевлянам было не с руки оттенять «идейную чистоту» большевиков. Применительно к территориальной проблематике перед ними стояли практические цели. Причем в галицийском и других интересовавших их вопросах они уже испытали непреклонность центральных держав и искали реальных путей их разрешения. 31 декабря (13 января) немцы провели с ними совещание, на котором, согласно записи в дневнике делегации, «были конкретные разговоры о мире независимо от россиян — решено создать комиссии на первое время — правовую, политическую, экономическую. Вечером политическая комиссия в составе Голубовича, Севрюка, Любинского работала» [41].

Так наступила официальная стадия украинских переговоров с Четверным союзом, особенно интенсивная 3–6 (16–19) января [42]. (Комплект немецких протоколов этих заседаний (копии) был продан Н.В. Поршем в его эмигрантские времена Русскому заграничному историческому архиву в Праге, отсюда со временем попал в ГАРФ.) 3(16) января по случаю официально заявленной болезни Чернина не было назначено общего заседания мирной конференции. Зато в этот день австрийский министр председательствовал на переговорах с украинцами, состоявшихся в его апартаментах [43].

До тех пор украинские делегаты вели себя настолько осторожно, что, открывая первое официальное заседание, Чернин поставил исходной целью выяснить, возможно ли вообще дальнейшее обсуждение соглашения [44]. Укра-

инцы подняли прежде всего территориальный вопрос. Голубович при поддержке Севрюка вновь попытался предложить при определении украинской западной границы принцип «мир без аннексий и контрибуций и самоопределение наций», но Чернин легко нейтрализовал исходившую для целостности Австро-Венгрии опасность такого подхода, присовокупив к предложенной формуле мира еще и принцип невмешательства в дела других государств. Это само собой сняло вопрос о принадлежности Восточной Галиции, Буковины и Карпатской Руси.

Правда, австрийский министр признал возможным оформить отдельным тайным договором обязательство Вены о выделении Восточной Галиции и Буковины (но не Карпатской Руси, входившей в состав Венгрии) в отдельный коронный край [45]. Украинцы также хотели видеть в своих пределах восточнославянские земли Холмщину и Подлесье, в XIV веке включенные Польшей в свой состав, а в 1912 году выделенные в самостоятельную губернию Российской империи, теперь оккупированную противником. Чернин, имея в виду так называемый австро-польский вариант будущего послевоенного устройства — присоединение российской части Польши к Австро-Венгрии в качестве третьего субъекта, — порекомендовал собравшимся «услышать голоса представителей Королевства Польского» (административного образования, провозглашенного германским кайзером и австрийским императором в ноябре 1916 года на оккупированной территории Польши), в чем Кюльман ранее уже отказал польскому премьеру Я. Кухажевскому, сославшись на отсутствие у Королевства Польского права до окончания оккупации [46].

При этом теперь германский статс-секретарь счел возможным допустить самоопределение населения Холмщины. Но тут возразили Голубович и Любинский: раз германская дипломатия не поддержала идею самоопределения Восточной Галиции, то украинская делегация настаивает

на установлении своей северо-западной границы, включая искомые земли, безо всякого референдума [47]. Про себя они признавали, что польская языковая и религиозная ассимиляция Холмщины и Подлесья зашла так далеко, что референдум на этих землях вряд ли был бы в пользу Украины. Только Полозов находил референдум возможным, но на предлагаемых большевиками условиях, то есть после вывода оккупационных войск [48].

Генерал Гофман с картой в руках обозначил территории, могущие, с точки зрения германской делегации, быть признанными за Украиной: к югу от железной дороги Брест — Пинск и от Бреста — по восточному берегу Буга. Но украинцы хотели видеть своим также «то, что севернее Брест-Литовска» — часть Минской и Гродненской губерний. Против этого выступил даже благоволивший им Гофман, заметив, что в названных губерниях нет украинцев [49].

Немцев и австрийцев сильно интересовала торгово-экономическая часть будущего договора с Украинской народной республикой, прежде всего получение продовольствия и минерального сырья, а также условия поставок и возможность вывоза. «На завтраках и ужинах у немцев и других все вопросы ходят вокруг того, что есть на Украине и много ли, что может дать Украина», — записано в дневнике украинской делегации [50]. Эксперты государств Четверного союза наготове ожидали официального обсуждения, которое с участием главы германской экономической миссии П. Кернера, австрийского экономического эксперта Г. Граца и украинского экономиста профессора С.С. Остапенко состоялось 4(17) января. Причем немцы и австрийцы очень настаивали на уничижительном для украинцев условии о включении экономических соглашений непосредственно в текст мирного договора. Зато, имея в виду возможную помощь Киеву в его конфликте с Петроградом, они легко согласились снять условие о демобилизации украинской армии [51].

На этой стадии стороны ознакомили друг друга со своими требованиями и условиями, обоюдно подчеркивая заинтересованность в скорейшем заключении договора. Но делегаты Центральной рады с такой ответственностью, тщательностью и осторожностью подошли к новым для себя дипломатическим обязанностям («украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях», — писал о них Кюльман рейхсканцлеру [52]), что оставили контрпартнеров в неуверенности о положительном исходе переговоров до своей поездки в Киев для принятия там окончательного решения. 7(20) января большая часть украинской делегации на время оставила Брест.

Между тем у Троцкого после первых опытов в дипломатии зрела неудовлетворенность ситуацией. В Петрограде он не сомневался, что в случае трудностей в переговорах альтернативой им станет война. «Ход переговоров заставляет предполагать возможность революционной войны. Троцкий безоговорочно верит, что большевики сумеют справиться с этой гигантской задачей», — записал Ж. Садуль 21 декабря (3 января) и привел мертвенно-выспренние слова наркома: «Народ, который совершил революцию, сумеет пойти на смерть, защищая ее и вместе с ней европейскую социальную революцию, ибо русские представят новую армию в распоряжение пролетариев, которые захотят взять власть в свои руки» [53].

С этой мыслью пришлось расстаться уже по пути на мирную конференцию. «Когда я в первый раз проезжал через линию фронта в Брест-Литовск, — читаем в автобиографии Троцкого, — наши единомышленники в окопах не имели возможности даже подготовить сколько-нибудь значительную манифестацию протеста против чудовищных требований Германии: окопы были почти пусты» [54].

В Бресте ожидали дипломатические трудности: отказ контрпартнеров от прежнего согласия обсуждать мир на демократических основах, раз союзники России за услов-

ленные 10 дней не присоединились к переговорам — из-за этого осталась лишь возможность сепаратного мира; отчужденность с украинской делегацией, непреклонность германского Верховного командования в пункте преткновения — вопросе об очищении оккупированных немцами территорий, резкие нападки Гофмана в противовес агитационному красноречию наркома, который, по его собственному признанию, не имел вкуса к дипломатии и против желания, по настоянию Ленина, отправился в Брест, «как на пытку» [55].

И тогда у наркома по иностранным делам созрела мысль покончить с дипломатией одним эффектным жестом, правда, нисколько не укладывавшимся в нормы международного права, — заявить об одностороннем прекращении войны без заключения мирного договора. Письмо к Ленину с этим предложением он отправил с латышом-солдатом и в разговоре со Сталиным по прямому проводу в ночь с 1 на 2 (14–15) января поинтересовался, «получил ли Ленин письмо и согласен ли с тем планом, который в этом письме предложен. Вопрос в высшей степени важен» [56]. Письма еще не было, и Троцкий поведал о трудностях с украинцами: обещанные стенограммы их переговоров с немцами все еще не были предоставлены, а сами переговоры продолжались, оставаясь тайной для советских представителей; украинцы ни разу не поддержали их против немцев и австрийцев и так далее. «Было бы полезно, — заключил он, — если бы харьковский ЦИК прислал нам заявление, в котором характеризовал бы действительные размеры влияния и власти Рады» [57].

«Влияние Рады на Украине [в] сравнении с влиянием ЦИК Всеукраинского очень незначительно, — отвечал Сталин. — Весь угольный район в руках ЦИК... Хлебные районы день за днем переходят в руки ЦИК... Отпуск угля из Донецкого бассейна в руках ЦИК, весь флот Черноморский и все прибрежные города за ЦИК. Все это дает право

ЦИК иметь своего представителя [в] делегации, чем три Рады, вместе взятые. Что можете возразить против представительства ЦИК Всеукраинского в мирной делегации? Они этого требуют» [58].

Троцкий согласился, что прислать «одного или двух представителей украинского ЦИК было бы очень желательно» [59]. А в Харькове уже 30 декабря (12 января) были заготовлены полномочия для председателя Всеукраинского ЦИК Е.Г. Медведева и народных секретарей В.М. Шахрая и В.П. Затонского. Им давалось право от имени рабоче-крестьянского правительства Украинской республики выступать с заявлениями и подписывать акты, согласуясь с действиями уполномоченных Совета народных комиссаров [60].

Тем временем Троцкий 2(15) января с утра получил дополнительный повод для неудовольствия. Кюльман на заседании заметил, что проблема украинских оккупированных территорий делегацией Украинской республики обсуждается отдельно от советской. Нарком счел это нарушением со стороны киевлян соглашения о совместных выступлениях и направил Голубовичу официальное письмо с упреками, в том числе — за отступление от «революционной морали», и вместе с тем с фактическим признанием неудачи собственной тактики в украинском вопросе. «Если мы не протестовали против вашего участия в переговорах, то исключительно в надежде, что... поведение ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между вами, с одной стороны, харьковским ЦИК и нами — с другой», — говорилось в письме рядом с сообщением о приглашении в Брест харьковской делегации [61].

Ответ был составлен Голубовичем 6(19) января в стиле бытового скандала. «Грубо демагогический тон Вашего обращения к нам, — писал генеральный секретарь, — заставляет думать, что единственно достойным ответом...

было бы полное его игнорирование. Но мы узнали, что это обращение дано в газеты. И наш ответ Вам адресуется обществу... Соглашение между нашей и Вашей делегацией не состоялось по вине Вашей, так как Вы первый связали Ваше поведение по отношению к нам с поведением Ваших соратников в Петрограде в отношении Генерального секретариата... (Странный упрек, наводящий на мысль, что в советской делегации витала ставшая известной украинцам идея установить параметры отношений с киевским правительством, минуя центральное руководство в Петрограде. — *И. М.*)

Будучи самостоятельной делегацией, вести заседания непременно с Вами вместе мы не считаем для себя нужным... и никто Вам не мешает присутствовать на наших заседаниях — они открытые. Что касается жизненных интересов трудящихся масс Украины, мы... защищаем их более, чем Вы, и мы поражены Вашей претензией — брать на себя публичную ответственность за наши переговоры...» [62].

Но было в этом письме и замечание, точно отражавшее незавидное положение советской делегации, подменившей дипломатические методы бесполезными идеологическими атаками на контрпартнеров. «Нелепое и смешное обвинение нас в предательстве с полным правом должно быть возвращено Вам, — писал Голубович, — ибо острая по форме полемика с немцами нисколько не может скрыть фактического положения, то есть сдачи Вами одной позиции за другой» [63]. (Письмо Голубовича уже не застало Троцкого в Бресте. Рукописная копия его, 8(21) января заверенная Иоффе, была, по всей вероятности, отправлена наркомом в Петроград [64].)

Тем временем письмо с планом Троцкого 3(16) января было доставлено в Петроград и, как видно, не на шутку взволновало Ленина. Благословив перед вторым раундом переговоров тактику затягивания их в ожидании революции в центральных державах, он исходил из отсутствия

реальных способов заранее узнать о перспективах свершения революции и не переставал размышлять над иными вариантами развития ситуации. «Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной, — записал он в наброске «Из дневника публициста», датированном 24–27 декабря (6–9 января), и по логике практика-государственника готовился взломать популярные у товарищей по партии книжные догмы. — Есть ли сепаратный мир соглашение («соглашательство») с империалистами? «Выигрыш времени» = сепаратный мир (до общеевропейской революции)» [65].

Накануне доставки письма Троцкого большевистское руководство располагало аналитическим документом военно-правового характера: «Если мирные переговоры с центральными государствами Четверного союза не приведут к заключению мирного договора, то... Россия останется в состоянии войны с названными государствами. Вследствие этого со стороны центральных государств, особенно Германии, всегда возможно нападение на Россию, которое при полной небоеспособности ныне существующих остатков быстро разлагающейся нашей армии приведет к быстрому занятию русских земель в том размере, в каком пожелают этого наши противники». Это был доклад начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.Д. Бонч-Бруевича от 2(15) января 1918 года. В заключение он писал: «Прошу точно, ясно и определенно указать мне: предполагается ли в случае разрыва мирных переговоров защищаться вооруженною силою от дальнейшего вторжения неприятеля в пределы России, или... считается возможным ограничить защиту дипломатическими переговорами» [66]. (Фронтовые сводки все это время показывали, что немцы не остановили подготовки к возобновлению боевых действий: на всех участках расчищали окопы первой линии и подходы к ним, восстанавливали железно-

дорожные пути и мосты в прифронтовой полосе, строили новые узкоколейки, целенаправленно разрушали оставленные русскими позиции и укрепления и даже занимали русские прифронтовые города, проводя реквизиции у местного населения [67].)

Ленин, получив 3(16) января предложение Троцкого оборвать переговоры эффектной демонстрацией, рассчитанной на громкий международный отклик, срочно вызвал последнего для разговора. Пришлось менять провод, и связь наладилась лишь в 16 час. 20 мин. Перед разговором Троцкий передал записку о необходимости немедленного ответа на его письмо, который должен «выразиться словами согласны или не согласны» [68]. Ленин ответил, что не успел показать «особое письмо» Сталину, а сам считает план «дискутабельным» и предлагает «отложить... его окончательное проведение, приняв последнее решение после заседания ЦИК здесь» [69].

«Обсуждение плана в ЦИК представляется мне неудобным, — возразил Троцкий, — так как может вызвать реакцию до проведения плана» [70]. Но Ленин все-таки считал нужным прежде посоветоваться со Сталиным. Кроме того, он сообщил о выезде в Брест делегации харьковского ЦИК, которая уверяет, «что Киевская Рада дышит на ладан» [71]. Эти слова, подслушанные германскими связистами, в тот же день из Бреста были переданы в Киев [72]. Разговор на линии Петроград — Брест получил продолжение лишь поздним вечером. В 23 час. 30 мин. Сталин сообщил Троцкому их совместное с Лениным решение: «Просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Отвечайте, жду очень». Троцкий передал через телеграфиста: «Ответа пока не будет, когда будет, дам» [73].

Ленин 4(17) января через Сталина вновь запросил Брест, почему нет ответа на предложение перерыва. Троцкий был краток в этой части записки: «Ответ дам, когда выясню его для себя» [74].

«Выяснить для себя» довелось недолго. 5(18) января на утреннем заседании политической комиссии Гофман предъявил карту с обозначением занятых российских территорий к северу от Брест-Литовска до Балтийского моря, которые «по военным соображениям» остались бы под германской оккупацией до конца войны и демобилизации немецкой армии. Зато в неоккупированной части прифронтовых российских губерний предлагалось осуществить принцип самоопределения. При этом генерал подчеркнул, что исключает из рассмотрения области южнее Бреста, о которых еще не закончены переговоры с делегацией Украинской народной республики. Троцкий безуспешно возражал, в частности, что границы с Украиной еще не проведены и подлежат определению «заинтересованными массами населения» и так далее, но, бессильный повлиять на контрпартнеров, констатировал, что от владений бывшей Российской империи отрезают свыше 150 тыс. кв. верст. На вечернем заседании он объявил, что считает работу политической комиссии завершенной, и предложил сделать перерыв, чтобы правительственные органы вынесли окончательное решение по поводу поставленных России условий мира [75].

Перед началом перерыва в Брест прибыли — маршрутом через Петроград, где 3(16) января встретились для обстоятельного разговора с главой советского правительства, — посланцы Всеукраинского ЦИК. Только делегированный Затонский остался в Петрограде представителем «Вольной украинской республики» при Совнаркоме [76]. «А то, — объяснил ему Ленин, — мы ничегошеньки не знаем, что делается на Украине и, наверняка, порой совершаем глупости» [77].

Иоффе, исполнявший во время перерыва обязанности главы советского представительства в Бресте, препроводил контрпартнерам заявление харьковских уполномоченных, подчеркнув при этом, что не видит препятствий к их участию в переговорах. Харьковцы со своей стороны

сообщили, что украинское рабоче-крестьянское правительство признает Совнарком органом всероссийской власти, а сами они будут работать в составе общероссийской делегации и в согласии с ней [78]. Они заявили, что Генеральный секретариат Украинской народной республики не может быть признан представителем всего украинского народа и решения, принятые им без согласования с харьковским центром, не будут проведены в жизнь [79].

Вместе с тем в день приезда харьковские уполномоченные Медведев и Шахрай успели встретиться с собиравшимися в Киев делегатами Центральной рады, которые фарисейски пообещали, как в свое время и Троцкому, показать им протоколы переговоров с немцами и австрийцами. Но, сообщали харьковцы 9(22) января, «сколько ни просила русская делегация прислать ей протоколы... как ни старались мы получить их, ничего, кроме увертливых отказов, получить нельзя было» [80]. В Бресте из киевлян оставался Левицкий, как видно, не причастный к укрывательству протоколов. 10(23) января в разговоре с Поршем по прямому проводу он открыл, кто именно хитрил, посетовав, что Севрюк поставил его «в высшей степени невыгодное положение, указав харьковцам, что у меня (Левицкого) остаются копии протоколов и я их могу ознакомить с ними... У меня ничего абсолютно нет... Это толкуется как нежелание показать то, что здесь делалось, и квалифицируется как тайная дипломатия и тайное соглашение с немцами» [81].

Между тем австро-германские союзники остались в тревожном состоянии. С отъездом Троцкого перед ними вновь замаячил призрак нежелательного срыва переговоров. Чернину и его правительству скорейшее заключение мира представлялось единственной возможностью остановить неминуемый социальный взрыв на почве приближавшейся продовольственной катастрофы Австрии. Кюльман пока руководствовался соображениями дипломатической тактики. «В момент официального разрыва с

русскими, — рассуждал он, — претензии со стороны украинцев возросли бы настолько, что и здесь перспективы на заключение мира почти полностью исчезли бы, ибо украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях... когда они видят, что могут... позволить себе это... Если бы удалось достигнуть с ними более или менее удовлетворительного соглашения, то можно было бы спокойно перейти с большевиками на более резкий тон и пойти, в случае необходимости, даже на разрыв» [82]. Последний вывод стал руководством к дальнейшим действиям австро-германской дипломатии.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 9.
2. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 11. Арк. 4.
3. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 9–11.
4. Там же. Л. 10.
5. Там же. Л. 10–11.
6. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 87. Л. 323.
7. АВП РФ. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1. П. 5. Л. 8.
8. Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 12.
9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 185.
10. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 12.
11. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 28.
12. Там же. Спр. 8. Арк. 3-об–4.
13. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 504. Л. 97.
14. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 3-об.
15. Большевицкое руководство... С. 33.
16. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 109. Л. 3.
17. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 4.
18. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 51–56.

19. Там же. С. 51–56.
20. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.—Пг., 1923. С. 253.
21. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 11. Арк. 5; УЦР. Т. 2. С. 80–81.
22. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 8.
23. Там же. Арк. 8-об–9.
24. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 77; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 87. Л. 167.
25. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 8-об.
26. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4548. Л. 1-об.
27. УЦР. Т. 2. С. 112.
28. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4548. Л. 1-об.
29. Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 191, 192.
30. Там же. Л. 191.
31. Там же. Л. 192.
32. Там же. Л. 194.
33. Там же. Л. 192.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 211–212.
35. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 37. Л. 23-об.
36. Чикаленко Е. Уривок з моїх споминів за 1917 р. — Прага, 1932. С. 28–29.
37. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 412. Л. 13–16; УЦР. Т. 2. С. 90.
38. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 58-об.
39. Там же. Д. 87. Л. 167–169.
40. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 47.
41. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 9-об.
42. ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42.
43. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 27.
44. ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
45. Там же. Л. 1–4, 7–8.
46. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 119.

47. ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42. Л. 15–16.
48. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 9. Арк. 3–4.
49. ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 3–4; ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 9. Арк. 3.
50. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 8. Арк. 9-об.
51. ГАРФ. Ф. 8321. Оп. 1. Д. 42. Л. 29–43, 47–48.
52. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 228.
53. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 138.
54. Троцкий Л.Д. Сочинения. — М., 1926. Т. 17. Ч. 1. С. 616–617.
55. Троцкий Л. Моя жизнь. — М., 2001. С. 356.
56. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4552. Л. 2, 4, 5.
57. Там же. Л. 4.
58. Там же. Л. 5.
59. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1992. Л. 2.
60. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 69. Л. 18.
61. Там же. Л. 14.
62. Там же. Л. 16–17-об.
63. Там же.
64. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 44. Л. 9–10-об.
65. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 188–190.
66. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 26.
67. Там же. Л. 167; Д. 534. Л. 91-об–92; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2427. Л. 7–9.
68. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5096. Л. 1-об.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.
70. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5096. Л. 1.
71. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.
72. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 9. Арк. 2.
73. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5096. Л. 6.
74. Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4589. Л. 1.
75. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 126.

76. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 18.
77. Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 159–161.
78. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 87. Л. 25, 28, 29.
79. ДВП СССР. Т. 1. С. 87–89.
80. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 87. Л. 13.
81. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 16. Арк. 10.
82. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 228.

КАЛЕЙДОСКОП СОБЫТИЙ В ПРЯМОУГОЛЬНИКЕ ПЕТРОГРАД — ХАРЬКОВ — КИЕВ — БРЕСТ

Дискуссия в руководстве РСДРП(б): сепаратный мир или революционная война. Решение затягивать переговоры — бесплодный партийный компромисс. — IV Универсал Украинской центральной рады: запоздалая социальная радикализация и смена внешнеполитических ориентиров как попытка выхода из системного кризиса киевской власти. — Федерализм уходит из программы лидеров Центральной рады и занимает место в идейно-политическом комплексе сторонников советской власти в Восточной Европе и на Украине. — Крушение украинского левозероцкого варианта советизации украинской власти. — Начало большевистского восстания в Киеве. — Ленин не исключает варианта согласия с Киевом через харьковцев. — Киевское восстание подавлено, но начат штурм города советскими войсками. — Внутренние трудности Киева и Вены взаимно смягчают противоречия между ними на мирной конференции. — Дипломатия Троцкого теряет шансы помешать договору правительства Центральной рады с Четвертым союзом.

Завершившийся этап мирных переговоров воочию вскрыл международно-политическую слабость революционной России. И тут в большевистском руководстве начались разногласия. Троцкий вернулся из Бреста, по наблюдению Садуля, «злой и подавленный. Он привез с собой карту с собственноручно проведенной генералом Гофманом линией беззастенчивых территориальных аппетитов Германии» [1]. И это после ставшего очевидным провала идеи всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, которую Троцкий считал стержнем своей внешнеполитической деятельности!

Немалое значение в реакции наркома на очевидные неудачи имели личные мотивы, которые довольно точно

определил член одной из американских миссий в России Р. Робинс. Троцкий, заметил американец, всегда чувствовал себя чем-то «вроде примадонны». Принятая им роль на мирной конференции «давала наиболее полное удовлетворение его эгоизму (эгоцентризму). Он был в центре мировых событий... он говорил перед наиболее широкой аудиторией, на которую мог рассчитывать раньше и в будущем» [2]. Даже неутешительные результаты переговоров он отчасти готов был объяснять малой осведомленностью общественного мнения за границей о содержании его речей и, сообщая Ленину 5(18) января о своем срочном отъезде из Бреста, не преминул распорядиться «снова телеграфировать в Европы, что отчеты, публикуемые германским правительством, крайне искажают ход прений и дают германской общественности недолжное представление о действительном ходе работ в Бресте» [3]. В целом же для «сохранения лица» он подобно игроку, смахивающему перед проигрышем с доски шахматные фигуры, придумал для себя эффектный ход с целью «сохранения лица»: объявить — «ни мира, ни войны и демобилизация армии».

Ленин, как известно, тоже полагал, что капитализм не переживет мировой войны, и вместе с Троцким подписывал своим именем революционные агитки, адресованные немецким солдатам. Но после прихода к власти он, в отличие от большинства единомышленников, учился находить баланс между обращенной ко всему миру революционной доктриной и интересами государства, во главе которого он теперь стоял. Выявленное в Бресте соотношение сил не в пользу России, неясная перспектива революции в Германии и Австро-Венгрии, подозрения в возможном сговоре между Германией и Англией в ущерб территориальным и экономическим интересам России — все это подсказывало главе советского правительства необходимость поставить точку в переговорах, приняв германские условия.

(Именно эти соображения Ленина зафиксировал капитан Садуль, принятый им 29 декабря (11 января) [4].)

Это, по его словам, требовалось «для успеха социализма в России» [5]. Заметим, что за революционной лексикой такой аргументации стояла естественная задача любой государственной власти — международно-правовое обеспечение неприкосновенности государственной территории от посягательств извне. План Троцкого для этого не годился. Он не предполагал обеспечения даже урезанного войной территориального состояния России. Вместо конкретных гарантий сторонники Троцкого в порядке агитации прекраснодушно рассуждали, будто односторонний выход из войны и демобилизация русской армии лишат «германцев возможности наступать, так как Гинденбург не сможет заставить немецких солдат идти в наступление против пустых окопов» [6].

Сам Троцкий не был в этом полностью уверен. Более того, придумав от своей дипломатической беспомощности вариант «ни мира, ни войны», он учитывал германское наступление как часть и результат этого плана. «Во время переговоров мы никак не могли нащупать взаимных отношений Австро-Венгрии и Германии... Не могли мы нащупать и того, насколько велики силы сопротивления в Германии, — простодушно признался глава внешнеполитического ведомства на заседании ЦК РСДРП(б) 11(24) января 1918 года и предложил немислимый для политика, занимавшего место у государственного руля, эксперимент с вражеским наступлением. Своим отказом подписать мир, демобилизацией армии мы заставляем обнаружить то, что есть, так как немцы будут наступать именно при нашей демобилизации» [7]. Вероятность такого наступления он оценил тогда в 25% [8].

Ленин занял диаметрально противоположную позицию. «Политика красивого жеста и р[е]в[олю]ц[ионной] фразы — вот опасность момента», — записал он в черновом

наброске тезисов «О немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» [9]. Ключевым среди тезисов было положение о том, что «перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны. Никакие отсрочки более неосуществимы» [10]. Причем под «революционной войной» Ленин как виртуоз реальной политики, очевидно, прежде всего имел в виду отвоевание у оккупантов российских государственных территорий.

С этими тезисами Ленин выступил 8(21) января на собрании партийных работников Петрограда (членов ЦК и делегатов Третьего съезда Советов, который должен был открыться 10(23) января) и после проведенного голосования вместе с 15 сторонниками оказался в меньшинстве. Большинство же — 32 партийных активиста, так и не вышедших из состояния книжного, кружкового доктринерства, названные затем «левыми коммунистами», на том собрании высказались за революционную войну. 16 человек поддержали «среднюю линию» Троцкого [11].

На заседании ЦК 11(24) января «левые коммунисты» продолжали критику предложения о немедленном мире. «Ошибка тов. Ленина, — заявил оппонировавший ему М.С. Урицкий, — он смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной» [12]. Но поскольку даже «левые» не видели, кто в России готов был бы продолжать войну и сражаться за европейскую революцию, то свой революционный вызов они согласились выразить в варианте Троцкого о неподписании мира — «интернациональной политической демонстрации», как назвал его Ленин.

«Позиция тов. Троцкого самая правильная, а в позиции тов. Ленина... два противоречия... Напрасно тов. Ленин говорит против политической демонстрации. Пусть нем-

цы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении. С[оциал]-д[емократы] немцы заинтересованы в том, чтобы мы не подписали договора», — рассуждал идеолог «левых» Н.И. Бухарин, ни во что не ставивший судьбы остававшихся еще на фронте русских солдат, русских и белорусских крестьян, которым грозила немецкая оккупация. Более того, слова Ленина о том, что «крестьянское большинство... армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир» [13], для «левых» вообще не были аргументом. На этом основании они вменяли в вину лидеру склонность к «диктатуре крестьянства», «крестьянскому, мелкобуржуазному, мужицкому» миру. Впрочем, относительно русских рабочих Бухарин в марте 1918 года, призывая не выполнять подписанный мир, тоже говорил, что по «холодному расчету» можно и должно «пожертвовать десятками тысяч рабочих» [14].

На заседании 11(24) января за революционную войну проголосовали два человека, против — 11 при одном воздержавшемся. Формулу Троцкого поддержали девять человек, против высказались семь. Ленину удалось провести лишь решение о дальнейшей затяжке переговоров [15].

Между тем из Австро-Венгрии стали поступать сообщения о начале массовых забастовок вплоть до всеобщей, с образованием при этом рабочих советов. Вскоре подобные события развернулись и в Германии и вызвали чрезвычайные меры немецких властей. В таких условиях затягивание переговоров показалось оправданным и приобрело особый смысл. Решение об этом было одобрено на заседании ВЦИК Советов и предложено Третьему съезду Советов рабочих и солдатских депутатов (к нему присоединились и делегаты Третьего Всероссийского съезда крестьянских депутатов), проходившему в Петрограде 10–18 (23–31) января 1918 года.

Перспектива революционных боев в стане противника воодушевила многих. Троцкий решил, что такие события сделают германских и австрийских дипломатов более уступчивыми в определении условий мирного договора. Поэтому, выступая на Третьем съезде Советов с заключительным словом по своему докладу, он сосредоточился на полемике с противниками сепаратного мира — меньшевиками, правыми эсерами и другими. «Мир поистине демократический и общий возможен лишь... когда вспыхнет победоносная мировая революция... но мы не можем дать гарантию, что ни при каких условиях мы не найдем возможным дать передышку русскому отряду международной революции», — заговорил он в логике Ленина. Заключительные слова речи Троцкого были заклинанием против возможного германского наступления с использованием образов из гоголевского «Тараса Бульбы»: «И если германский империализм попытается распять нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап к своему отцу, обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом: “Слышишь?” и международный пролетариат ответит, мы твердо верим этому: “Слышу”» [16].

Под влиянием новых революционных ожиданий в постановлении съезда по вопросу о мире не было, к разочарованию «левых коммунистов» [17], прямого указания на недопустимость подписания договора ко дню окончания перемирия, а правительство получило неограниченные полномочия в вопросе о мире [18]. Однако Ленин, не получив поддержки большинства соратников, чтобы официально оформить свой план немедленного мира, оставался далек от оптимизма. Он по-прежнему считал сроки желанных революционных событий в Центральной Европе неясными, а время дальнейшей затяжки с подписанием мира ограниченным предусмотренными перемирием семью днями между прекращением переговоров и возобновлением военных действий. Потому возвращавшемуся в

Брест Троцкому председатель Совнаркома, по его словам, «предложил совершенно определенно мир подписать» и условился с ним о тактике: «Мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем» [19].

Один из современных апологетов Троцкого полагает, будто своим напоминанием об имевшейся договоренности «Ленин оклеветал Троцкого, пытаясь свалить на него вину за срыв мира и начало германского наступления» [20]. Однако речь о договоренности велась на VII съезде РКП(б) в марте 1918 года, на котором Троцкий имел полную возможность дать опровержение, но не сделал этого. Лишь когда Ленина не стало, он выступил с утверждениями, будто в январе 1918 года именно его точку зрения «было постановлено... считать решением Совнаркома», а упомянутая Лениным договоренность будто бы касалась подписания мира уже после начала германского наступления [21].

Хорошо известно, что Троцкий поступил по-своему, подтвердив этим наличие принципиальных разногласий с лидером большевиков. Однако в первое время могло показаться, что их позиции сблизились. По прибытии в Брест нарком обнаружил, что его идея «ни мира, ни войны» противником раскрыта и обсуждается в европейской печати. 18(31) января он составил для Ленина сообщение, переданное 22 января (4 февраля), в котором говорилось: «Среди бесчисленного количества слухов и сведений в немецкую печать проникло нелепое сообщение о том, будто бы мы собираемся демонстративно не подписать мирного договора, будто бы по этому поводу имеются разногласия среди большевиков и пр., и пр... Немецкая пресса стала трубить, будто бы мы вообще не хотим мира, а только заботимся о перенесении революции в другие страны. Эти ослы не могут понять, что именно под углом зрения развития европейской революции скорейший мир имеет для нас огромное значение» [22].

Казалось, посылался прямой сигнал о согласии или по меньшей мере сближении с позицией сторонников немедленного мира. Но нет. Спустя годы в автобиографии Троцкий поведал, будто этим посланием хотел ввести в заблуждение немцев, незаконно контролировавших передачи по прямому проводу [23], но не объяснил при этом, по каким признакам его прямой адресат — председатель правительства — мог определить, что имеет дело с подвохом. Доискиваться истинных причин и обстоятельств появления этого послания нет большого смысла: весь эпизод характеризует лишь суетность занятий и средств, какими подменялась ответственная дипломатическая работа.

Пока в Петрограде спорили о международной политике, в Киеве руководящее ядро Украинской центральной рады, чье положение всеми, от лидеров большевиков до их противников, оценивалось как критическое, силилось предотвратить катастрофу своей власти. Проблема заключалась не столько в наступлении наскоро собранных советских отрядов, сколько в том, что правительство Центральной рады с его социальной умеренностью и бездействием в самых назревших вопросах растеряло сторонников среди украинских масс. «Песня Рады уже спета, — делился своим впечатлением с коллегами вернувшийся из Киева 12(25) января полковник Генерального штаба А.В. Станиславский, — так как на ее стороне осталась только интеллигенция, а солдаты и крестьяне уже перешли на сторону большевиков» [24].

С этой характеристикой почти дословно совпало описание тогдашнего положения в книге В.К. Винниченко, опубликованной в начале 1920 года: «Все наши широкие массы солдат не оказывали им (большевистским отрядам. — *И. М.*) никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, почти все рабочие каждого города были за них, в селах сельская беднота явно была большевистской, словом, огромное большинство именно украинского

населения было против нас... Единственной нашей активной военной силой была интеллигентная молодежь и часть национально-сознательных рабочих» [25].

Свою роль в кризисе власти Центральной рады играло конкурирующее присутствие ЦИК Советов Украины в Харькове. Член президиума ЦИК Решетько, выступая 23 января (5 февраля) на Всеукраинской конференции Советов крестьянских депутатов, рассказывал: «Приезжала к нам делегация от севастопольцев — 23 человека, а затем приезжали от всех войсковых частей... дабы осведомиться, что такое Рада в Харькове и что такое Рада в Киеве. В Киеве получили одно разочарование. Порш под всякими уловками не давал украинизированным матросам собраться в Киеве. Тогда они начали сами собирать митинги. Они шли за Центральной радой до тех пор, пока сами не убедились в обманных ее действиях. Приезжали с фронта эти делегаты, говорили: у нас украинизированы части, но Радою они не довольны. Массу мы не тянули, но она сама почувствовала свою рабочую организацию и пошла за ЦИК» [26].

Киевские политики поспешно старались изменить буржуазный, по меркам того времени, образ своей власти. Генеральный секретариат, называемый в простонародье генеральским, для политического благозвучия был переименован в Раду народных министров. Винниченко своей писательской фантазией вознесся к головоломному плану, чтобы одна, более левая, как тогда считалось, группа украинских социал-демократов в правительстве (Порш, Ткаченко и другие) арестовала другую, в том числе его самого, и осуществила бы таким образом левый поворот с провозглашением власти советов и урегулированием отношений с советской Россией. Более уравновешенные товарищи по партии его не поддержали [27].

Лидеры Украинской центральной рады попытались спасти положение принятием IV Универсала, в котором име-

лись в виду такие радикальные меры, как социализация сельскохозяйственной земли и национализация природных богатств, а в области внешней политики предусматривался отказ от идеи федерации. Украинская народная республика должна была стать независимым и самостоятельным государством, что полностью отвечало германскому условию о самостоятельном статусе Украины и открывало возможность скорейшего заключения ею мира с Четверным союзом без оглядки на Советскую Россию и державы Согласия.

Новый Универсал 11(24) января был поставлен на голосование в Малой раде и одобрен 39 депутатами при шести воздержавшихся и четырех высказавшихся против. 15(28) января он был зачитан на открывшейся пленарной сессии Центральной рады [28]. Сразу после принятия Универсала Малой радой, 12(25) января, фракция украинских эсеров потребовала отставки действующего мелкобуржуазного, по ее определению, правительства и формирования своего эсеровского кабинета. Украинские социал-демократы и социалисты-федералисты в ответ заявили об отзыве своих министров, обвинив украинских эсеров в запоздалом большевизме.

В Петрограде реакция на киевский правительственный кризис последовала молниеносно. 14(27) января В.А. Карелин, инициатор соглашения с украинскими левыми эсерами, на Третьем съезде Советов под взрыв аплодисментов сделал заявление: «По последним сведениям, старый секретариат буржуазной украинской Рады ушел в отставку и на Украине формируется коалиционная власть, состоящая из большевиков и левых с.-р. Великороссии и Украины. Есть надежда, что на днях эта идея восторжествует... [левое] течение, по всей вероятности, уже торжествует победу. Новое министерство Украины телеграфирует в Смольный, что во время мирных переговоров украинская делегация будет действовать теперь уже в полном контакте с тов.

Троцким» [29]. В тот же день Ленин подписал Карелину удостоверение члена советской делегации в Бресте [30] — очевидно, для лучшего взаимопонимания с обновленным, как можно было ожидать после смены кабинета, киевским представительством.

Одновременно большевистское руководство позаботилось об определении государственно-правового статуса харьковского украинского центра и формализации его связи с Советской Россией. Третий съезд Советов, чтобы противостоять «крайним децентралистическим стремлениям» народов и областей, провозгласил федеративное устройство России. Сталин, готовивший вопрос о федерации, не скрывал, что это ход, сделанный в целях нейтрализации федералистской пропаганды лидеров Центральной рады и вместе с тем направленный на «укрепление советских элементов» на Украине [31].

Федерация советских республик, областей и национальностей была, в частности, одним из условий соглашения с украинскими левыми эсерами. Случилось так, что как раз накануне Центральная рада в своем IV Универсале отрекалась от федерализма. Зато В.П. Затонский, выступавший на Третьем съезде Советов в Петрограде, от имени харьковского Всеукраинского ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов приветствовал съезд «как верховный орган не только Великороссии, но и всей федеративной Российской республики» [32].

Затонский оказался единственным представителем ЦИК Советов Украины, хотя харьковцы 4(17) января приняли решение направить своих делегатов на Третий съезд Советов и утвердили кандидатуры украинского большевика Н.С. Данилевского и левого эсера, народного секретаря земледелия Е.П. Терлецкого, а также намеревались после съезда собрать в Харькове делегатов из других мест Украины [33]. Однако дело ограничилось тем, что из Харькова народный секретарь труда Н.А. Скрыпник от имени ЦИК

Советов Украины и Народного секретариата прислал телеграмму солидарности с Всероссийским съездом Советов [34]. Делегаты Третьего съезда от Украины, Юго-Западного и Румынского фронтов на своем совещании приняли заявление о том, что «единственной властью на Украине считают Всеукраинский ЦИК и выделенный им Украинский народный секретариат, от УЦР требуют сложения полномочий и призывают Совнарком не оказывать никакой поддержки новому киевскому правительству, если оно будет образовано» [35].

Между тем В.А. Карелин в своей сумбурной речи явно опередил события и преувеличил успехи своих киевских единомышленников. Более точное представление о настроении нерешительности и даже растерянности в их рядах дает записка по прямому проводу, направленная украинским левым эсерам в Киев кем-то из сотрудников Карелина. В ней передавалась информация о ходе Третьего съезда Советов: «Вчера Спиридонова (лидер российской Партии левых социалистов-революционеров. — И. М.)... в своей речи на съезде сказала, что социализация земли должна быть принята всеми... Этому заявлению аплодировали все, начиная с лидеров большевиков... От Харькова представителем является Затонский. Стыдно, что от вас нет представителя».

Далее, по-видимому, в ответ на вопрос о дальнейших действиях киевских левых эсеров в условиях правительственного кризиса их петроградский собеседник рекомендовал ориентироваться на советизацию: «Как действовать в Киеве, вам лучше знать. Мы как левые эсеры остаемся верны сами себе. Только последовательной и решительной постановкой вопросов можно уменьшить ужасы гражданской войны. Нужно занять определенную сторону, усилить левых и этим поскорее способствовать победе. Тогда только закончится гражданская война... Поставьте в Киеве чисто советскую власть. Пока этого

нет, гражданская война неизбежна. Рада сделала величайшее преступление во время переговоров о мире. Она вела сепаратные от общей делегации переговоры... с немцами и этим нанесла удар революционному миру. Двух отношений быть не может. Если у вас есть последовательная позиция, вы должны всеми мерами уничтожить власть Рады и заменить советской властью. Карелин немедленно прийти не может. Сейчас все заняты по горло. [В] 12 час. ночи он будет у провода» [36].

Левые украинские эсеры выступали за немедленное прекращение вооруженной борьбы с Советской Россией и признание советской формы власти на Украине. Относительно их планов Е.Г. Медведев сообщил на заседании ЦИК Советов Украины 30 декабря (12 января) «о готовящемся на 15 января 1918 г. новом съезде и о новом органе, возникшем в Малой раде и созданном из левых эсеров российских и украинских» [37]. Нет пока других данных, чтобы уточнить, о каких именно «новом съезде» и «новом органе в Малой раде» велась речь. Согласно вышеприведенным словам Карелина, в Киеве шло формирование коалиционной власти. А.П. Любченко, принадлежавший к группе украинских левых эсеров, позже свидетельствовал, что один из их лидеров И.В. Михайличенко в те дни вел переговоры о составе правительства, в котором места делились бы между большевиками и левыми эсерами из Украинской партии социалистов-революционеров и общероссийской Партии левых социалистов-революционеров. К последней принадлежала значительная часть харьковских левых эсеров.

Но реализовать все это было проблематично. Украинские левые эсеры хотели совершить поворот в рамках старого украинского национально-солидаристского проекта, не ставя под вопрос существование Центральной рады и не нарушая организационного единства своей партии. «Мы, левые социалисты-революционеры, стали на пози-

цию советской власти, а они (украинские левые социалисты-революционеры. — И. М.) поддерживали Центральную раду, когда ставился вопрос о ее разгоне, они протестовали, — сетовал потом Качинский, по заданию левых эсеров с декабря 1917 года находившийся в Киеве. — На наши пункты они соглашались, но на деле оказались правыми, так как они не хотели расколоть свою партию» [38]. Украинские левые эсеры действительно организационно не отделились от Украинской партии социалистов-революционеров, хотя в ее руководстве правые и центр готовили свой вариант правительства с противоположной, чем у левых, программой. Они намеревались продолжать войну с большевиками и считали за благо скорейшее самостоятельное, без Великороссии, подписание договора с Четвертым союзом [39].

Правительственный кризис отражал ширившееся в крае недовольство властью Центральной рады. Не единичные выступления против нее — где во взаимодействии с войсками Владимира Антонова-Овсеенко или большевизированными частями Юго-Западного фронта, а где и собственными местными силами — привели к победе Советов в ряде городов Левобережья и Правобережья.

В середине января очередь дошла до Киева. Обстановка там накалилась после того, как лица, несогласные с политикой Центральной рады и Генерального секретариата, официально были объявлены «врагами народа, врагами Украинской народной республики, контрреволюционерами... будь то черносотенцы, большевики, кадеты или кто иной» [40].

Главная опасность авторам этой формулы виделась в большевизме. Он, по признанию украинских активистов, «распространялся, как эпидемия» [41]. В ночь на 5(18) января по распоряжению Генерального секретариата в разных районах Киева была проведена операция по разоружению отрядов Красной гвардии. На военном заводе «Ар-

сенал» рабочие оказали вооруженное сопротивление правительственным войскам. Против них применили броневики. С предприятия были вывезены находившиеся в процессе производства пушки и другое оружие. Кроме того, были арестованы до 30 большевиков, захвачены редакция и типография газеты «Пролетарская мысль». Но переполнило чашу терпения намерение властей вывезти с «Арсенала» запас угля. Это означало остановку производства и лишение рабочих заработка. «Арсенальцы» восстали в ночь на 16(29) января. К ним присоединились труженики других предприятий и солдаты украинских частей местного гарнизона, в том числе полков, носивших символические имена — Шевченковский, Богдановский и другие. Министры подавшего в отставку правительства, еще исполнявшие обязанности, отклонили требование повстанцев о передаче власти Советам и санкционировали артиллерийский обстрел «Арсенала».

Одновременно неожиданным образом рухнули планы не связанных с этим восстанием украинских левых эсеров по созданию своего правительства. Вечером 16(29) января отряд «вольного казачества» по приказу только что назначенного комендантом города украинского социал-демократа М.Н. Ковенко в здании Центральной рады во время совещания эсеровской фракции, все еще обсуждавшей состав своего кабинета, произвел превентивный арест левых — Михайличенко, Северо-Одоевского, Шумского, только что вернувшегося из Бреста Полозова и еще нескольких депутатов Рады. Члены фракции возмущались, некоторые, в том числе Голубович, в знак протеста против нарушения парламентской неприкосновенности пробовали присоединиться к арестованным.

Любинский, вновь отправившийся в Брест, через несколько дней передал оттуда донос на арестованных и не только — еще и на министра почт и телеграфа эсера Н.Е. Шаповала. «Передаю вам секретно, — сообщил он по

прямому проводу, — что в разговоре с Медведевым, довольно наивным человеком, я узнал кое-что компрометирующее Одоевского, Качинского, Шаповала и остальных малоизвестных людей... что Шаповал втянут, не зная, во что его втянули, но во всяком случае примите во внимание» [42]. Но на заседании Рады 17(30) января выступавший от правительства Порш пояснил, что арестованные подозреваются в государственной измене, и привел в доказательство подслушанное немцами приведенное ранее сообщение Сталина о том, что «изнутри Раду взрывают левые эсеры, действующие в контакте с петроградскими коллегами...» [43].

Арестованной группе в вину вменялось также сотрудничество с харьковским украинским центром. Это было неправдой. В те дни член харьковского Народного секретариата левый эсер Е.П. Терлецкий направил в Смольный телеграмму, свидетельствующую о полной неосведомленности в киевских событиях: «Передайте Карелину просьбу сообщить, что ему известно относительно киевской Рады... Между Киевом и Харьковом сообщения телеграфа нет, и мы от Качинского сообщений не имеем. Положение ЦИК [Советов Украины] крайне укрепилось в смысле военном... и в смысле отношения населения... Крестьянский съезд состоится в Харькове 20 января. Просьба к народному комиссару Колегаеву прислать все материалы по земельному вопросу... будьте добры информировать, что сообщает вам Качинский» [44].

Отсутствовала не только техническая связь. Обе группы рознились по методам борьбы за власть. То, к чему стремились киевские украинские левые эсеры — добиться левового поворота украинской политики в рамках Центральной рады, — для харьковцев было пройденным, неудавшимся этапом. Многие из них, в том числе Затонский, потеряли веру в возможность преобразования системы Рады в советскую и ревниво относились к факту поддержки

большевистским руководством украинской левозэровской оппозиции и тем более к проектам, хотя бы косвенно связанным с преобразованием Рады [45].

16(29) января вечером заместитель председателя ЦИК Украины Артамонов телеграфировал Затонскому в Петроград: «Киев. Новая власть не выбрана. Это авантюра мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков. Протестуйте и заявите о их самозванстве... Наше наступление идет успешно. Войска вблизи Киева. Наша политика — никаких соглашений. Все за нас. Деревня спешно организуется и вооружается. Отчетливое понимание происходящего. Советы власть осуществляют. Настоящая революция в деревне поставит Украину впереди Великороссии. Колебания народных комиссаров не в наших интересах. Эсеры-центровики и украинские эсеры не имеют сил. Все дутое... Серго (Орджоникидзе. — *И. М.*)... в Екатеринославе успел познакомиться с положением на Украине и вот его мнение: «Целиком согласен с вашей, т. е. позицией ЦИК Украины относительно Центральной рады. Было бы преступлением перед революцией спасать разлагающийся труп»...» [46].

Но Ленин, как видно, не хотел жечь мосты с Киевом и, напротив, все еще разными способами пробовал их навести. Может быть, потому и оставил непримиримого Затонского в Петрограде после подробного разговора с харьковскими делегатами? Зато с интересом выслушал рассуждения Е.Г. Медведева, одного из очень немногих украинских социал-демократов, переехавших с большевиками в Харьков (Затонский относился к нему критически и свысока).

И вот харьковские представители Медведев и Шахрай в одной из первых своих телеграмм из Бреста 9(22) января среди уничтожающей критики «великодержавной делегации Центральной рады» сообщили: «Мы, ознакомившись на месте, какую фатальную роль сыграли эти политики, попытались было сговориться, чтобы хоть сколько-нибудь

облегчить невероятно трудное положение. Но, увы, было уже поздно. Вчера они вечером выехали в Киев» [47].

Однако в Бресте остался член киевской делегации, украинский социал-демократ Н.Г. Левицкий. 15(28) января (датировка — по содержанию) он сообщил в Киев Поршу о своем разговоре с товарищем по партии Медведевым. Тот предложил, чтобы харьковское и киевское правительства через свои брестские делегации сейчас же вступили в переговоры, чтобы, как передавал Левицкий, «наша делегация получила от секретарей указания и условия заключения мира с Харьковом и, приехав сюда, в Брест, могла с ним и с Шахраем вести переговоры. У них есть полномочия и они рассчитывают смягчить это дело, а главное остановить эту братоубийственную войну. Он говорит, что может выгнать из Харькова всех большевиков-русских, на что он имеет согласие самого Ленина». Медведев, сообщал Левицкий, хотел взять на себя посредничество в замирении Киева с Петроградом, предлагал, чтобы для этого в составе киевской делегации в Брест приехал Порш, к которому он лично относится серьезно, и обещал, что «в этом вопросе будет непосредственно говорить с Лениным, мина Июффе и всю российскую делегацию» [48].

Левицкий, правда, вынес впечатление о собеседнике как о неуравновешенном, переменчивом человеке, восприимчивом к разным влияниям, но искренне озабоченном случившимся расколом Украины на две части. Киевский делегат просил, чтобы Порш успел переговорить на эту тему с отбывавшей в ночь на 16(29) января брестской делегацией [49].

Нет данных о том, обсуждалась ли в Киеве эта информация по существу. В обстановке нервозности и неуверенности тех дней делегатам перед выездом, по воспоминаниям Севрюка, невозможно было добиться никаких инструкций или серьезного совещания [50]. Известно только, что когда в пути их как представителей Центральной рады за-

держал большевистский кордон, то обманное заявление, будто они едут для переговоров с делегатами харьковского Народного секретариата Украины, открыло им беспрепятственный путь в Брест.

Содержание вышеприведенных речей Медведева, переданное Левицким по прямому проводу в Киев, тотчас же стало известно Кюльману. 17(30) января он сообщил рейхсканцлеру: «По-видимому, установились связи между делегатами Харьковской рады... и делегатами Киевской рады, так как при определенных обстоятельствах и Харьковская рада, кажется, согласна придавать особое значение национальным украинским интересам и оказывать сопротивление великороссам» [51]. При этом статс-секретарь был встревожен первыми сведениями о правительственном кризисе в Киеве, опасаясь «радикализации кабинета и... некоторого приближения к позиции большевиков». Вместе с тем он полагал, что «Киевской раде из-за ее неудач... следовало бы быть более уступчивой и согласиться на скорейшее заключение мира», но сомневался, получится ли так, как он находил лучшим [52].

Троцкий, напротив, перед возобновлением переговоров находился в приподнятом настроении. «Мы едем сегодня глубокой ночью в Брест-Литовск в гораздо лучших условиях, чем мы оттуда уезжали, — сказал он 14(27) января в заключительном слове по своему докладу на Третьем съезде Советов. — Мы получаем возможность сказать Кюльману, что его милитаристический карантин... недействителен, чему доказательством являются Вена и Будапешт. Мы не встретим также там представителей Рады, т. к. Центральный исполнительный комитет Советов Украины признал единственными полномочными вести переговоры о мире Совет народных комиссаров. Мы сумеем также опираться на события в Киеве» [53].

На тему забастовочного движения в Австро-Венгрии читаем в воспоминаниях Троцкого: «Без надежды на успех я

сделал в конце января попытку получить согласие австро-венгерского правительства на мою поездку в Вену для переговоров с представителями австрийского пролетариата... Я получил, разумеется, отказ, мотивированный, как это ни невероятно, отсутствием у меня полномочий для такого рода переговоров... Я ответил письмом на имя Чернина». Далее следует полный текст письма, приведенный также в публикации документов Троцкого [54]. Однако в публикации [55] вся эта переписка представлена за подписью Иоффе. А среди архивных документов имеются не только копии телеграмм Иоффе Чернину, в том числе та, которую Троцкий приписал себе, подлинник ответа за подписью легационного секретаря графа Чаки на имя Иоффе, но и переданная по прямому проводу его записка Троцкому с просьбой дать ему, Иоффе, «возможность поехать на несколько дней в Вену для переговоров с представителями австрийского пролетариата» и для этого направить запрос Чернину, а также ответ Троцкого: «Ваше предложение о телеграмме Чернину с требованием пропуска в Вену считаю целесообразным» [56].

Все это в очередной раз показывает, как мало пригодны мемуары Троцкого в качестве источника по истории брестских переговоров. В них до обидного мало конкретного и фактологически точного материала, зато с избытком сбивающих с толку подтасовок и даже лжи, которая открывается по мере выявления архивных документов.

Но что означало — «опираться на события в Киеве»? С действующим киевским руководством Петрограду не удалось наладить диалог по проблемам размежевания и дальнейших взаимоотношений на бывшем внутрироссийском пространстве. С легализацией в Бресте факта отдельных украинских переговоров выяснилось, что они ведутся в ущерб интересам Советской России. Печать центральных держав, широко публикуя информацию о них, стала открыто рассуждать о том, что украинские переговоры

отодвигают на задний план переговоры с петроградской делегацией «и вообще направлены против русских». Хотя как-то восстановить подорванные в Бресте позиции советской делегации мог уход с политической сцены киевского правительства, что по внутриукраинской ситуации было вполне реально и представлялось лишь делом времени. Но в Петрограде не могли ждать и решили действовать наверняка. Такой выход, похоже, предложил Троцкий на совещании ЦК совместно с большевистской фракцией Третьего съезда Советов 8(21) января 1918 года. Сохранились заметки Ленина, сделанные на этом совещании: «а) Троцкий... на юг против Рады? б) соглашение Рады (с герм[анским] имп[ериали]змом) на мази» [57].

К середине января наступление на Киев стало одной из самостоятельных целей советских войск под командованием Владимира Антонова-Овсеенко. До тех пор советские отряды на территориях, объявленных Центральной радой принадлежащими Украине, действовали из стратегической необходимости создать «заслон» для продвижения войск и проведения операций против донской контрреволюции. Они вытеснили украинские части из района Курска и Орла, где те почему-то считали дозволенным размещаться, вели борьбу за овладение железнодорожными узлами на южной магистрали, чтобы перерезать сторонникам Каледина путь с фронта на Дон, вмешивались в борьбу в отдельных городах, где приверженцы советской власти поднимались против украинской администрации, тем более что в составе советских войск уже были украинские части, сформированные под эгидой харьковского правительства, — полки Червоного казачества.

Острая ситуация, в частности, возникла в Полтаве, где назначенный Центральной радой начальник гарнизона из-за его попытки разоружить и выслать авиационный полк был предан суду солдатской секции Совета и тогда на подмогу себе вызвал из Киева бронепоезд и украин-

ский Богдановский полк. Богдановцы освободили начальника гарнизона, но заявили о себе бесчинствами и повальным пьянством. После выстрела анархиста в их командира они пулеметным огнем разгромили Совет, арестовали его руководство и разоружили местную Красную гвардию [58].

17(30) декабря ЦИК Советов Украины принял решение направить войска для восстановления полтавского Совета и обратился за помощью к Антонову-Овсенко. Чтобы помешать этому, украинский отряд разобрал железнодорожное полотно у станции Люботин. Путь был 3(16) января восстановлен. При приближении красногвардейского отряда под командой начальника штаба войск Антонова-Овсенко подполковника старой службы, левого эсера М.А. Муравьева богдановцы и часть шедшей им на помощь 137-й дивизии без боя оставили Полтаву. Муравьев разоружил украинских солдат гарнизона и перед восстановленным Советом произнес речь, в которой пригрозил пройти «через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон, всюду устанавливая советскую власть». Эта речь напугала обывателей, вызвала протест со стороны ЦИК Советов Украины и выговор оратору от командующего [59].

На самом деле пока что воинственный Муравьев опасался украинской контратаки и 8(21) января сообщал, что по Полтаве поползли «слухи или вернее утки... запугивая приближением многочисленной рати из Киева» [60]. Антонов-Овсенко, в свою очередь, предупредил, что «нужно... обеспечить свой левый фланг к Днепру», и сообщил, что «в Киеве 12000 преданного Раде войска, много орудий, но мало артиллеристов, масса почти обезоруженных и враждебных Раде солдат» [61].

К тому времени советские отряды расчистили уже маршруты для революционных частей с Западного и Северного фронтов к Харькову и дальше на юг. «Вся линия от Брянска через Ворожбу к Люботину занята нами», — передал

Антонов-Овсеенко 8(21) января. Удалось закрепиться и на южной магистрали: «Со стороны Екатеринослава будут двинуты значительные силы в рудники, у Пятихатки были стычки с гайдамаками. Установлена живая связь с Криво-рожем, где разоружены гайдамаки и казацьи эшелоны и вооружены рабочие» [62].

Вскоре определилось направление к Киеву советских отрядов с разных сторон: «Наши из Ахтырки идут на Гадяч — Лохвицу... Екатеринослав получил предписание занять Пятихатку и действовать к Знаменке... сведения из Киева говорят о перепуге и переполохе Рады и некоторых ее сторонников», — передал Антонов-Овсеенко 9(22) января, а перед этим сообщил об овладении важным железнодорожным пунктом — Конотопом: «Конотопские рабочие восстановили советскую власть и идут с нами».

В тот момент он полагал, что так же легко, небольшими силами, посланными из Гомеля, удастся взять расположенный ближе к Киеву железнодорожный узел Бахмач, и даже задержал выступление к Бахмачу отряда Муравьева [63]. Но защитники власти Украинской центральной рады сопротивлялись из последних сил: вступить на станцию Бахмач советским частям удалось лишь 15(28) января, и не было уверенности, что удастся там закрепиться. В 11 часов ночи помощник начальника штаба Д.И. Медведев телеграфировал в Петроград: «Товарищ Сталин. Передайте сейчас же в Ставку Крыленко, чтобы они немедленно наступали к Бахмачу. Бахмач занят нами, связи с ними не имеем. Пошлите в Ставку энергичного товарища, который бы стал во главе имеющегося к Бахмачу отряда» [64].

Станцию охранял украинский гарнизон — несколько рот юнкерской школы имени Богдана Хмельницкого и отряд «вольного казачества». 14(27) января к ним прибыло подкрепление из Киева — добровольцы студенческого полка. Но все эти силы не решились принять бой в Бахмаче, потому что до 2 тыс. местных рабочих были настроены

против них и симпатизировали большевикам. Защитники Центральной рады отступили на станцию Круты, где заняли оборонительные позиции. Бой под Крутами, продолжавшийся весь день 16(29) января с огромными потерями с обеих сторон, стал символом героизма и жертвенности студенческой и школьной молодежи Киева. В романтическом порыве юноши поднимались даже в штыковую атаку. Вместе с тем им, не обученным военному делу, по диспозиции командования достался самый губительный участок на открытой со всех сторон местности; юнкеров во время боя прикрывала железнодорожная насыпь. При отступлении один студенческий взвод потерял ориентацию и, выйдя прямо на красногвардейцев, был расстрелян. Бывших с ними раненых отправили в Харьков [65].

17(30) января Муравьев в рапорте об окончании боя под Крутами сообщал по прямому проводу: «Войска Петлюры во время боя насильно пустили поезд с безоружными солдатами с фронта навстречу наступающим революционным войскам и открыли по несчастным артиллерийский огонь. Войска Рады состояли из батальонов офицеров, юнкеров и студентов, которые, помимо сделанного зверства с возвращающимися с фронта солдатами, избивали сестер милосердия, попавших во время боя к ним в руки. Иду на Киев. Крестьяне восторженно встречают революционные войска» [66].

В это время восстание уже кипело в Киеве, но путь туда отрядов, шедших на помощь, оказался небыстрым. «Мы страшно спешим на выручку, но технические препятствия мешают, — докладывал Муравьев командующему 21 января (3 февраля), — вторые сутки двигаемся вперед пешими и на подводах, так как мосты все взорваны войсками, пути разобраны... О событиях в Киеве ничего не известно ввиду оторванности сообщений по телеграфу с Киевом, который [телеграф] так же разрушен, как и дороги... Партизанские отряды гайдамаков портят

сообщения... Нам приходится восстанавливать одновременно и дорогу, и телеграф» [67].

Советская делегация прибыла в Брест 16(29) января и на следующий день приняла участие в пленарном заседании мирной конференции. Сразу возник украинский вопрос. Троцкий, сообщая об изменениях в составе делегации, назвал Карелина, сменившего Каменева, а о присоединении Медведева и Шахрая сказал, что оно имеет государственное-политическое значение и отражает перемены во внутреннем положении на Украине. Глава советской делегации повторил ранее высказанный им тезис о незавершенности самоопределения Украины и отмежевания ее от России, обратив внимание на новый поворот в развитии этого процесса: кризис киевской власти и убывающую роль Центральной рады, с одной стороны, а с другой — победу в обширных частях края украинской советской власти, которая, подчеркнул он, присоединилась к федеративной системе Российской советской республики. Это, по словам оратора, определило правомерность представительства харьковского Народного секретариата в составе советской делегации на мирной конференции. Вместе с тем Троцкий не отменил своего прежнего, в дальнейшем еще много раз повторенного признания права участия в переговорах киевских делегатов, но при этом подчеркнул, что договор, будь он подписан ими без признания Федеративной Российской республики и полномочных представителей Народного секретариата, не станет договором со всей Украиной [68].

Делегаты из Киева, с трудом пробиравшиеся в Брест через территорию, занятую советскими войсками, не поспешили к первому заседанию, и единственный присутствовавший на нем Левицкий попросил отсрочить обсуждение до прибытия коллег. Кюльман и Чернин поддержали его. Причем германский статс-секретарь напомнил, что ранее, в момент признания правомочности киевской делегации,

Троцкий не упоминал о притязаниях другой делегации представлять Украину, и предупредил, что центральные державы подвергнут спор этих двух делегаций внимательному обсуждению [69]. Глава советской делегации парировал предупреждение тезисом о том, что вопрос, кому представлять Украину, могут решить только ее трудящиеся массы, и пояснил: пока Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины не поднимали этот вопрос, не было оснований возбуждать его в Бресте. Теперь же, заметил Троцкий в предвкушении назревавших на Украине перемен, право ее представлять будет решено практическим ходом событий [70].

Украинская тема и на следующий день, все еще в отсутствие киевлян, возникла на заседании территориальной комиссии. В затягивании переговоров, по крайней мере до соглашения с Киевом, были заинтересованы и представители центральных держав. Поэтому заседания проходили в нервных дискуссиях на отвлеченные темы, взаимных упреках и обмене колкостями. В такой обстановке Чернин вдруг затронул вопрос о западной границе Украины (практически — границе с Польшей), высказавшись за то, чтобы только киевскую делегацию считать правомочной обсуждать будущее территорий, оккупированных пока австро-венгерскими войсками. Троцкий резко выступил против признания за киевлянами права самостоятельно и односторонне решать какие бы то ни было территориальные вопросы, напомнив, что при первом его заявлении на тему солидарных выступлений представители Центральной рады не сделали никаких возражений против этого. Теперь же правомерность согласованного подхода подкреплялась еще и присутствием в советской делегации представителей Всеукраинского ЦИК.

Вместе с тем Троцкий указал на новые обстоятельства, круто меняющие дело: им получена телеграмма, на основании которой вопрос о самостоятельном участии киев-

лян должен, по его словам, «почитаться в значительной мере как вопрос, относящийся к прошлому, а не к настоящему и будущему» [71]. Чернин предпочел остаться в рамках территориальной дискуссии и язвительно заметил, что ему трудно вообразить, каким образом русская территория могла бы вклиниться в область будущей украинско-польской границы и стала бы предметом спора между Киевом и Петроградом. Троцкий в ответ повторил, что делегация Центральной рады и раньше не была против совместного решения территориальных вопросов, тем более не должна возражать теперь, когда положение подкреплено «вновь созданным федеративным правом Российской республики», его признал Всеукраинский ЦИК, представители которого участвуют в советской делегации, а роль самой Рады уходит в прошлое [72].

Кюльман же поинтересовался содержанием упомянутой Троцким телеграммы, на что тот торжествующе поведал: «Решающая часть киевского гарнизона перешла на сторону Советской украинской власти, и вопрос о существовании Рады должен исчисляться очень короткими единицами времени» [73]. По-видимому, речь шла о телеграмме Н.А. Скрышника, направленной из Харькова в Смольный и в Брест 18(31) января в 16 час. 18 мин. и отражавшей ситуацию начала киевского восстания: «В Киеве сейчас произошло восстание против Рады. Три полка — [имени] Шевченко, Богдановский, Георгиевский, вся артиллерия за нами. Арсеналы взяты. Остальные полки отказались идти против нас» [74].

Между тем в Киеве восстание, начавшееся уже после отъезда делегации Центральной рады в Брест, развивалось следующим образом. Помимо Печерского района, где располагался «Арсенал», возникли самостоятельные очаги восстания на Шулявке, Демиевке, Подоле, в руках восставших оказалась железнодорожная станция Киев-Товарный. 17(30) января была объявлена всеобщая стачка. В городе

не стало электричества, воды, хлеба из пекарен, замер городской транспорт, но руководство Центральной рады вновь отказалось от переговоров с повстанцами.

На другой день красногвардейцы с Подола, поднявшись по Андреевскому спуску, повели наступление в центр города, заняли главный телеграф, Старокиевскую полицейскую часть и после полудня оказались уже в нескольких сотнях метров от здания Центральной рады. Пули пробивали ее стеклянный купол, а депутаты, укрывавшиеся от шальных попаданий вдоль стен, утверждали новое правительство во главе с В.А. Голубовичем и даже не надеялись, что удастся еще раз собраться, чтобы провести следующее заседание. Рада уцелела, «хотя на волосок от гибели была», прокомментировал ситуацию киевский телеграфист, державший связь с Брестом [75].

Ночью сечевым стрельцам-галицийцам из бывших военнопленных австро-венгерской армии под командованием ставших широко известными в последующие десятилетия Е.М. Коновальца и А. Мельника удалось выбить повстанцев из центра. Галицийские сечевые стрельцы оставались почти единственными защитниками Центральной рады. О состоянии войск, помимо тех частей, которые открыто стали на сторону повстанцев, говорил под грохот пушек на заседании Рады 19 января (1 февраля) видный деятель УСДРП Б.Н. Мартос: «Наша беда в том, что хотя вся Украина и все войско кричит «Слава Центральной раде!», однако если нужно стать на защиту Центральной рады, то целые полки либо объявляют, что они стоят в стороне (нейтралитет), либо ждут до последней минуты» [76].

Положение в городе стало меняться, когда с Северного фронта прорвался украинизированный Гордиенковский полк, а затем из Левобережья под командованием Петлюры отступил отряд с громким наименованием Гайдамацкий стан Слободской Украины, в котором, впрочем, активную роль играло также подразделение галицийских сече-

вых стрелцов под командованием Р. Сушко. Они-то, войдя в Киев, и окружили «Арсенал» [77]. Исчерпавшие боеприпасы арсенальцы стали сдаваться. Но не все. Женщины-работницы сквозь цепи осаждавших в карманах подносили оставшимся патроны, вспомнил один из руководителей Киевского совета [78].

В ночь с 21 на 22 января (3–4 февраля) понадобился штурм завода. Полегло около 300 защитников, от 300 до 500 человек было взято в плен. Очень много жертв оказалось среди мирного населения. Об этом по горячим следам 22 января (4 февраля) рассказал киевский телеграфист своему коллеге в Бресте. На месте были расстреляны члены Военно-революционного комитета и другие активисты. Всего, по советским данным, в ходе подавления восстания погибло свыше полутора тысяч человек [79].

Считалось, что 22 января (4 февраля) с восстанием было покончено. Однако тот же телеграфист вечером в разговоре по прямому проводу с Брестом рассказывал, что большевики-повстанцы еще окопались в районе киевской бедноты — на Куреневке у железнодорожного моста. Сам он утром шел из пригорода — Ирпеня пешком и у политехнического института попал под пулеметный огонь, часа полтора пришлось лежать во рву. По ходу разговора этот рассказ об уже случившемся превратился в репортаж о сиюминутных новостях: телеграфист сообщил брестскому собеседнику, что из-за Днепра послышался гул артиллерии, пока неизвестной принадлежности и неясного направления обстрела [80]. Через некоторое время выяснилось, что это на левый берег в районе Дарницы вышли передовые советские части. Таким образом, внутригородское восстание против власти Центральной рады сменилось осадой войск харьковского правительства.

Возвращаясь к событиям 18(31) января в Бресте, заметим, что туда наконец добрались Севрюк с Любинским, и Чернин предложил обсудить создавшееся положение с их

участием на следующем пленарном заседании 19 января (1 февраля).

Почти одновременно с киевскими делегатами в Брест из Стокгольма через Берлин якобы с дипломатической почтой от австрийского посла к министру Чернину пожаловал под именем Савицкого бывший член Союза освобождения Украины, давний эмигрант, украинский эсер Н.К. Зализняк. Его задачей было закулисными средствами наладить взаимопонимание между маститыми имперскими дипломатами дунайской монархии и киевскими неофитами, пробывавшимися на международную арену. Еще одним полезным, по словам Любинского, помощником украинской делегации стал профессор Вольдемар (А. Вольдемарас — бывший доцент петербургского университета, правый литовский национальный деятель, допущенный немцами в Брест в качестве представителя Литовского национального собрания — таробы, образованной по распоряжению немецких оккупационных властей. В ноябре 1918 года он возглавил литовское правительство, в 1926 году установил в Литве диктатуру правого толка).

По приезде Зализняк первый визит нанес Чернину, сразу поручившему ему выяснить, готовы ли настойчивые в своих требованиях киевляне заключить отдельный мир с государствами Четверного союза. О результатах граф хотел узнать как можно скорее, даже если это выяснится поздно ночью. От киевских делегатов новоявленный посредник узнал, что «дела на Украине обстоят довольно плохо... украинские войска не хотят воевать с большевиками», а сами делегаты имеют устную инструкцию председателя Центральной рады Михаила Грушевского как можно скорее подписать мир, чему всеми силами вредят большевики, а немцы с австрийцами затягивают переговоры [81].

Зализняк был не единственным посредником между австрийским министром и киевлянами. Генерал Гофман сразу заметил, что утонченному богемскому аристократу «мо-

лодые представители киевской Центральной рады были глубоко несимпатичны... ему было чрезвычайно неприятно вступать на равной ноге в переговоры с сошедшими со студенческой скамьи гг. Любинским и Севрюком» [82].

Но Австро-Венгрия, где наступил настоящий голод, все более была заинтересована в скорейшем заключении договора с правительством Украинской центральной рады, и генерал организовал неофициальную встречу украинцев с австрийским министром. Чернин попросил их на следующем пленарном заседании, не стесняясь, высказать большевикам украинскую точку зрения [83]. Зализняк невысоко оценил последствия этой встречи. Он вспоминал потом, что его подопечные перед пленарным заседанием оставались в состоянии подавленности: под влиянием киевских событий, появления в Бресте харьковской делегации, с одной стороны, и уничижительного намерения центральных держав объявить о признании Украинской народной республики лишь в тексте мирного договора — с другой, они сомневались, удастся ли извлечь пользу из факта провозглашения независимости Украинской республики.

Но закулисный советник все же укрепил их в намерении выступить, опираясь на IV Универсал, с требованием немедленного признания суверенитета Украинской республики, после чего вновь отправился к Чернину. Граф легко принял этот план, заверил, что Кюльман тоже не будет чинить трудностей, и пообещал заранее ознакомить с содержанием австро-германского заявления по украинскому вопросу [84].

Пленарное заседание 19 января (1 февраля) открылось в 5 час. 38 мин. выступлением ставшего главой киевской делегации А.А. Севрюка. С документами в руках он напомнил историю признания Украинской народной республики советской делегацией, процитировав соответствующие места из выступлений Троцкого до перерыва в переговорах, и показал, что последние речи наркома 17 и

18 (30–31) января находятся в противоречии с его прежней позицией признания киевской делегации в качестве представительства независимого государства. Севрюк заявил, что с правовой стороны суть изменений в жизни Украины связана не с событиями, на которые ссылался Троцкий, а с IV Универсалом, фиксирующим отказ Центральной рады от идеи федеративной связи с Россией. Появление же наряду с киевским харьковским центром власти он отнес к области внутренних отношений, не подлежащих международному обсуждению. Глава делегации Центральной рады призвал конференцию окончательно определить международное положение Украинской республики на основании представленной им ноты, в которой сообщалось о ее провозглашении «совершенно самостоятельным, независимым государством» [85].

Медведев, взяв слово следующим, рассказал об учреждении «Великой Российской федерации рабочих и крестьянских республик» и заявил, что украинские советы — единственная признанная трудящимися власть — не были представлены в Бресте, что киевская Рада повела переговоры о мире тайно, за спиной народа, отдельно от российской делегации и этим окончательно подорвала устои своей власти, что украинский народ хочет скорейшего мира, но совместно со всей Российской федеративной республикой. Чтобы представить харьковский ЦИК и Народный секретариат подлинно национальной украинской властью, Медведев сделал то, на что в рамках реальной политики не решались киевские деятели, а Вена приняла за прямую угрозу своим государственным интересам. Он демонстративно выставил традиционный для национального украинского движения лозунг «соборной Украины», сказав, что Народный секретариат «стремится к созданию таких условий, при которых весь народ украинский, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне на части государственных границ,

мог бы жить как одно целое», а его государственное положение «должно будет разрешиться свободным голосованием всего объединенного украинского народа» [86].

Троцкий в своем выступлении, полемизируя с Севрюком и адресуясь к делегатам Четверного союза, сказал, что не в интересах последнего становиться третейским судьей во внутренних отношениях в России или на Украине, принимать по формально-юридическому признаку мнимые величины за действительные и переоценивать силу и значение сепаратистских тенденций в революционной России. Свою задачу он видел в добросовестном освещении действительного положения, суть которого в незавершенности, текучести процесса государственного становления Украины. Наилучшим образом, по словам наркома, это выразилось в отказе самих представителей Четверного союза от немедленного признания Украинской народной республики и в их обещании вынести окончательное решение лишь после выработки мирного договора, а со стороны Киева — в свежепровозглашенном изменении государственного статуса Украинской республики. Вследствие всего этого он предлагал и предлагает — и киевляне ранее не возражали — согласовывать свои позиции. С присоединением харьковских делегатов такой образ действий, по его словам, был бы самым естественным и справедливым. Обрести силу смогут только такие соглашения киевского правительства, которые получают признание харьковской делегации [87].

Это была одна из немногих речей Троцкого, убедительной аргументированная и выдержанная в дипломатическом формате, без политико-идеологических отклонений — без «фальцета... и... крикливых жестов», обычно свойственных ему, по словам Сталина [88]. Но противоположной стороне уже было не до международно-правовой чистоты переговорного процесса. Адепты отдельного украинского договора как бы поменялись с Троцким ролями

в использовании агитационно-обличительных средств. По наущению Чернина взял слово Любинский, чтобы, не стесняясь в выражениях, обвинить советское правительство в нетерпимости по отношению к оппозиции, отрицании федеративных начал, демагогическом применении лозунга самоопределения, распространении «анархии и разложения», подрыве авторитета Украинской центральной рады «в глазах трудящихся масс Европы» и прочем [89]. Это был, по словам Гофмана, «целый синодик большевистских грехов» [90].

«Я просил украинцев переговорить, наконец, с петербуржцами напрямик; успех был, пожалуй, слишком велик, — записал в дневнике на следующий день Чернин. — Представители украинцев просто осыпали петербуржцев дикой бранью. Троцкий был в таком расстроенном состоянии, что на него было жалко смотреть. Он был страшно бледен. Лицо его вздрагивало... Большие капли пота струились у него со лба. Он, очевидно, тяжело переживал оскорбления, наносимые уму перед иностранцами его же собственными соотечественниками» [91].

Строго говоря, внутривосточные проблемы России не подлежали обсуждению на мирной конференции в кругу других держав, о чем Троцкий дал понять в коротком замечании председательствовавшему представителю Болгарии. Но дело было сделано, и не в интересах дипломатов Четверного союза было порицать за некорректную выходку посланца киевской Рады. Следовало спешить с украинским договором, пока еще было с кем его подписывать. Германское командование на Восточном фронте получало донесения о том, что «большевизм на Украине победил», то есть дни правительства Центральной рады сочтены [92]. Потому союзники отступили от своего прежнего условия об официальном признании Украинской республики лишь после подписания мирного договора, в зависимости от его условий.

Перед униженными нападками Любинского Львом Троцким Чернин от имени Четверного союза заявил о неограниченном признании киевской украинской делегации, ее самостоятельности и правомочности представлять Украинскую народную республику, предварительно напомнив, что ранее аналогичное признание было заявлено Троцким и, следовательно, не противоречит его же тезису о правоспособности лишь тех решений по украинскому вопросу, которые признаны советским правительством [93]. Притязаний харьковских представителей делегаты Четверного союза не приняли во внимание.

Троцкий, столкнувшись с непредвиденным ослаблением своей позиции в украинском вопросе, попытался отговорить хотя бы второстепенных членов Четверного союза от соглашения с киевской Радой в пользу договора «со всей федерацией республик в целом». В частности, он стал убеждать в этом турецкую делегацию на отдельном заседании с ней по вопросам мира на Кавказе 21 января (3 февраля), проводя параллель между происходящими на Украине событиями и младотурецкой революцией: «На Украине пала одна власть и возникла другая. Странно, что оттоманское правительство с этим не считается. Оно само вышло из недр революции... Разговаривать нужно именно с теми правительствами, которые существуют... Дело идет о низвержении буржуазного правительства и замене его рабочим правительством на Украине».

На это И. Хакки-паша, маститый дипломат старотурецкой школы, в прошлом — великий визирь, оставшийся с титулом «его высочество», с восточной невозмутимостью возражал, что «не понимает, почему господин председатель русской делегации придает такое большое значение вопросу об украинской делегации. Если верно, что она имеет своей опорой лишь Брест-Литовск, то вопрос этот разрешится сам собою... и не придется подписывать мира с этой делегацией». Таким же образом он обозначил недо-

пустимость обсуждения этого вопроса с одной турецкой делегацией, а не с представителями всего Четверного союза, и при этом высказался за неизменность ранее принятой линии в украинском вопросе, обсуждать который следует всем вместе [94].

Таким образом, ни рост большевистских настроений на Украине и кризис киевской власти, ни антиправительственные выступления в Австро-Венгрии и Германии не привели к укреплению дипломатической позиции советской делегации на мирных переговорах. Революционное брожение в центральных державах вопреки ожиданиям большевиков не стало фактором смены их внешнеполитического курса, а, напротив, заставило их дипломатию форсировать план заключения сепаратного договора с Украиной. К этому подталкивала и шаткость положения киевского правительства — контрпартнера, на которого этот план и был рассчитан.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 163.
2. Цит. по: Чубарьян А.О. Брестский мир. — М., 1964. С. 158.
3. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1992. Л. 2.
4. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 151–152.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 244.
6. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 — февраль 1918). — М., 1957. Т. 2. С. 191.
7. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 170–171.
8. Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 41–43.
9. Там же. С. 38.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 245.

11. Там же. С. 243–252, 478.
12. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 170.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 249; Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 43.
14. Седьмой экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. — М., 1962. С. 32–33.
15. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 173.
16. Третий Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. — Пг., 1918. С. 70, 71.
17. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 181.
18. Третий Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. — Пг., 1918. С. 92–93.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
20. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. — М., 1992. С. 233–234.
21. Троцкий Л. Моя жизнь. С. 376; Троцкий Л. О Ленине: Материалы для биографа. — М., 1924. С. 82–83.
22. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 3–6.
23. Троцкий Л. Моя жизнь. С. 376–377.
24. Будберг А. Дневник // АРР. — М., 1991. Т. 12. С. 271.
25. Винниченко В. Відродження нації. — Київ–Відень, 1920. Ч. 2. С. 215–217.
26. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 207–208.
27. Винниченко В. Відродження нації. — Київ–Відень, 1920. Ч. 2. С. 222.
28. УЦР. Т. 2. С. 101–104, 108.
29. Третий Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. — Пг., 1918. С. 66.
30. Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 20.
31. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4542. Л. 2–3.
32. Третий Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. — Пг., 1918. С. 14–15.

33. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 202, 206.
34. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 27. Л. 10.
35. Там же. Д. 29. Л. 15–16.
36. Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 56–58.
37. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 192.
38. Там же. Оп. 34. Д. 104. Л. 58.
39. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 124–125.
40. УЦР. Т. 2. С. 85.
41. Там же. С. 94.
42. Цит. по: Рубач М.А. К истории украинской революции // Летопись Революции. — 1926. — № 6. — С. 31.
43. УЦР. Т. 2. С. 110–112.
44. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 54.
45. Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 161–164.
46. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 5–6.
47. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 87. Л. 13.
48. ЦДАВО України. Ф. 1063. Оп. 3. Спр. 16. Арк. 11.
49. Там же. Арк. 11-об.
50. Севрюк О. Берестейський мир. Уривки із споминів // Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 156, 158.
51. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 265.
52. Там же. С. 266.
53. Третий Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. — Пг., 1918. С. 70.
54. Троцкий Л. Моя жизнь. С. 264–265; The Trotsky Papers. Vol. I. P. 8–10.
55. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 261.
56. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 90. Л. 1–5, 7, 9.
57. Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 42–43.

58. Мазлах С. Октябрьская революция на Полтавщине // Летопись революции. — 1922. — № 1. — С. 137–139.
59. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 182, 184–185; ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 49. Л. 50–51, 60.
60. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 49. Л. 60–63.
61. Там же. Л. 64.
62. Там же. Л. 51–52.
63. Там же. Л. 51, 64.
64. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2448. Л. 3.
65. Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст. Історичні нариси. — Київ, 2002. С. 122–124.
66. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 24. Л. 122–123. Опубликовано: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 1. С. 146.
67. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 12. Л. 242. Опубликовано: Директивы командования фронтов Красной Армии 1917–1922. — М., 1971. Т. 1. С. 43.
68. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1114. Л. 57–59.
69. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 136–137.
70. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1114. Л. 60–64.
71. Там же. Л. 69–70.
72. Там же. Л. 70–72.
73. Там же. Л. 73.
74. Там же. Д. 585. Л. 7–8.
75. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 29.
76. УЦР. Т. 2. С. 116.
77. Российский государственный военный архив. Ф. 271к. Оп. 1. Д. 56. Л. 6–12.
78. Иванов А. Центральная рада и Киевский совет в 1917–1918 годах // Летопись революции. — 1922. — № 1. — С. 13.
79. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5332. Л. 2.

80. Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // *Летопись революции*. — 1925. — № 2. — С. 29–30.
81. Залізняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // *Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали*. — Львів, 1928. С. 90–93.
82. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 130.
83. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // *АРР*. — М., 1993. Т. 20. С. 104.
84. Залізняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // *Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали*. — Львів, 1928. С. 94–100.
85. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 414. Л. 1–8.
86. Там же. Л. 8–11.
87. Там же. Л. 12–15.
88. *Большевистское руководство...* С. 52.
89. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 414. Л. 15–23.
90. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 132.
91. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.–Пг., 1923. С. 264.
92. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 132.
93. *Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г.* — М., 1920. Т. 1. С. 156.
94. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1114. Л. 84–90.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ФИНАЛ БРЕСТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Украинская республика — центральные державы: внутренние трудности обеих сторон заставили форсировать соглашение. — Советские ин-формационные фальстарты. — Германское военное командование готовится «опрокинуть» Россию. — Троцкий демонстрирует Чернину «недоговороспособность». — Соревнование, что раньше — советские ли войска, украинские и российские, займут Киев или дипломаты в Бресте заключат украинский договор. — Обстоятельства сомнительны, но договор подписан. — Троцкий: безнадежные попытки аннулировать свершившийся украинский договор и отказ от предлагаемого советско-германского компромисса. — Личное и самостоятельно мотивированное решение Троцкого о срыве переговоров. — Тщетные усилия Ленина предотвратить расформирование армии накануне германского наступления. — Дипломаты Украинской центральной рады просят военной помощи у немецкого народа, который «любит спокойствие и порядок». — Наступление германских войск. — Советское руководство после короткого замешательства — воевать или просить мира — выбирает последнее. — Мир подписан на «зверских» условиях. — Австро-германская сторона «не заметила» готовности украинского советского правительства принять на себя экономические условия подписанного ранее украинского договора и вернула в Киев власти Украинской центральной рады. Ненадолго.

Дипломаты центральных держав не стеснялись в средствах для того, чтобы ускорить заключение договора с правительством Украинской центральной рады. Командование германского Восточного фронта в ответственный момент лишило советскую делегацию связи с Петроградом. Сообщения по прямому проводу о пленарном заседании 19 января (1 февраля) не были получены в столице вовремя, в свою очередь, оттуда не было возможности передать в Брест свежие сведения о быстро

менявшемся положении на Украине, особенно в Киеве и вокруг него.

Со своими киевскими клиентами австро-германские дипломаты тоже не церемонились. По воспоминаниям Зализняка, Чернин по окончании заседания 19 января (1 февраля) пригласил Севрюка к себе. В присутствии Кюльмана и Гофмана он «сухо и в довольно враждебном тоне» заявил, что в связи с затруднительным положением украинского правительства они предлагают делегации готовый проект мира с тем, чтобы на завтра пополудни украинцы подписали его. Гофман добавил, что хорошо знает положение украинского правительства и, если завтра договор не будет подписан, делегация свободно может возвращаться домой. Текст на одном листке бумаги состоял из трех пунктов: констатации окончания состояния войны, необходимости установления дипломатических и консульских отношений и обязательства правительства Украинской народной республики доставить центральным державам 1 млн. тонн хлеба и другое продовольствие. Севрюк сказал, что ответ даст на следующий день, и молча собрался уйти [1].

Оказалось, что с Киевом связь тоже отсутствовала [2]. «Горячая голова» Любинский сначала предложил выразить резкий протест и пригрозить отъездом. Но по зрелом размышлении все засели за подготовку собственного проекта с учетом прежних обсуждений с немцами и австрийцами. Текст был готов к шести часам утра. Через час Зализняка вызвал к себе Чернин. Он уже не настаивал на вчерашних требованиях и согласился рассмотреть украинский проект [3]. Гофман вспоминал потом, что «с удивлением наблюдал за молодыми украинцами. Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И все же в... переговорах с Черниным они твердо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на йоту» [4].

Впрочем, не будь так опасна внутренняя ситуация в Германии и особенно в Австрии, молодые киевляне, только что вступившие на дипломатическую стезю, при всей их решимости, самообладании и открывшихся дипломатических способностях, вряд ли достигли бы искомого. Путеводной нитью их успеха оставалась сугубая заинтересованность центральных держав в договоре с Украиной. Немцы загодя озаботились вопросом о военной помощи приближавшемуся к катастрофе правительству Центральной рады. Кюльман в телеграмме рейхсканцлеру 19 января (1 февраля) предлагал рассмотреть необходимые меры на тот случай, если украинцы обратятся за военной помощью [5].

Генеральный секретарь по иностранным делам А.Я. Шульгин предпочел бы получить помощь от сформированных ранее на территории России и ориентированных на державы Соглашения чехословацких и польских частей, а также румынских войск и старался заручиться их согласием. Но, сообщил он Любинскому в Брест 22 января (4 февраля), «дело это... прогорело. Выяснилось, что у них самих немного сил... делайте из этого соответствующие выводы» [6]. Вывод оставался один — австро-германская помощь. Сперва предполагалось принять ее без ущерба для образа «самостоятельной державы» — путем возвращения на родину военнопленных-украинцев, которые должны были сделаться защитниками власти Центральной рады. «Гофман спрашивал, почему мы не прислали опытных офицеров для... обсуждения вопроса о возвращении их (пленных) на родину, примите это к сведению и немедленно присылайте побольше специалистов. Приготовьте составы для соскучившихся наших пленных. Специалистов вышлите не позже завтра... — передавал Севрюк в Киев 22 января (4 февраля), вопрошая в заключение с намеком: — Вы, конечно, поняли?» [7].

А в это время советская делегация, лишённая прямой связи со своей столицей, направляла курьеров через ли-

нию фронта в Двинск, чтобы оттуда передать необходимые сведения правительству. 20 января (2 февраля) Карахан телеграфировал Сталину: «Сообщите фактические подробности [о] киевской Раде. Здесь распространяется украинцами, что [в] Киеве правительство во главе с Голубовичем. [В] чьих руках Киев, в каких городах Рада еще держится, при каких обстоятельствах она пала? Не допустить признания Рады мы не могли, мы заявили, что существование ее исчисляется короткими единицами времени, но для немцев это был необходимый дипломатический ход, остановить который не в наших силах. Если Киев в наших руках, то передайте, пусть нас вызовут к Юзу (аппарат прямого провода. — И. М.) оттуда» [8].

В ответ в ночь с 21 на 22 января (3–4 февраля) из Петрограда была пущена радиограмма — «Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно» — за подписью Ленина: «Мы тоже крайне взволнованы отсутствием провода, в чем, кажется, виноваты немцы. Киевская Рада пала. Вся власть на Украине в руках Совета. Бесспорна власть Харьковского ЦИК на Украине; назначен большевик Коцюбинский главнокомандующим войсками Украинской республики».

Напомним, что Ю.М. Коцюбинский (1895–1939), сын известного украинского писателя, активиста национального движения М.М. Коцюбинского, был заместителем В.М. Шахрая — народного секретаря по военным делам. Назначение его главнокомандующим войсками Украинской республики, состоявшееся 19 января (1 февраля), должно было подчеркнуть, что наступление на Киев ведется национально ориентированными украинскими силами. В дальнейшем, после занятия Киева, о нем была молва, будто держит себя очень свирепо, посетителей принимает с заряженным револьвером на столе, бумаги подписывает на колене, на другом колене — кусок сала, который ест, откусывая или отрывая пальцами. У Д.И. Дорошенко, оставшегося в Киеве после эвакуации прави-

тельства Центральной рады и вынужденного обратиться к Коцюбинскому по делам об упразднении штата комиссара по делам Галиции, получилось совершенно иное впечатление: «Высокий молодой человек, чрезвычайно похожий на покойного Михаила Михайловича Коцюбинского... (изящного, мягкого, высокоинтеллигентного)... в офицерской шинели без погон. Я отрекомендовался порусски. Коцюбинский пригласил меня сесть, говоря по-украински. Тогда я стал говорить по-украински.... В канцелярии военного министра Центральной Рады... беспорядок царил отчаянный. Теперь канцелярия имела деловой вид... Весь разговор по-украински». В дальнейшем все документы для автора и для А.И. Лотоцкого, одно время — генерального писаря правительства Рады, были изготовлены на языке по их желанию и немедленно подписаны Коцюбинским — джентльменский поступок, охарактеризовал этот эпизод Дорошенко [9].

Далее в радиোগрамме говорилось об успехах революционеров в Финляндии, на Дону и в Германии, где 18(31) января был образован Берлинский совет рабочих депутатов: «Ходят слухи, что Карл Либкнехт освобожден и скоро встанет во главе немецкого правительства» [10].

На следующий день пришла еще одна радиোগрамма за подписью Ленина с обзором событий в стране. Об украинских делах в ней говорилось: «Киевская буржуазная Рада пала и разбежалась. Полностью признана власть Харьковской украинской Советской власти... Троцкий телеграфирует из Брест-Литовска, что немцы затягивают переговоры...» [11].

Опережающая события информация была следствием нарушения внутренних коммуникаций и преждевременных победных реляций с мест. Так, чрезвычайный комиссар Орджоникидзе телеграфировал 19 января (1 февраля) из Харькова в Петроград: «В Киеве восстание рабочих и солдат... Арсенал в руках рабочих. Сегодня советские вой-

ска войдут в Киев. Буржуазно-шовинистическая рада пала. Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины» [12]. В 20 часов того же дня в Смольный поступило сообщение народного секретаря труда Скрыпника: «Сейчас только получено кружным путем через Павлоград известие о вступлении наших войск в Киев и еще не проверено... Положение в Киеве вчера было незавершенное... Сегодня сообщали еще. Проверено, что по вступлении наших войск Рады не оказалось. Сбежала или разбежалась... неизвестно. По получении дополнительных сведений сообщим» [13].

21 января (3 февраля) Антонов-Овсеенко передавал Муравьеву по прямому проводу, что «по радио получены сейчас слишком тревожные сведения... будто бы в Киеве восставшие потерпели поражение», в то время как из Бахмача ему сообщили от имени Муравьева, что Киев взят советскими войсками и он уже передал это в... Петроград — «теперь приходится опровергать» [14]. 24 января (6 февраля) Антонов-Овсеенко просил через Харьков и через Ставку немедленно передать в Совнарком, что «сведения, полученные ЦИК У[краины], не совпадают с телеграммой Муравьева... Киевская Рада еще бьется в судорогах» [15].

Между тем в Бресте немцы для проверки сенсационных радиogramм, рассылавшихся от имени Ленина, восстановили связь с Киевом и Петроградом. 22 января (4 февраля) Карахан обратился к Сталину с предложением, чтобы большевики для убедительности, если они действительно в Киеве, оттуда послали бы в Брест радиogramму [16].

Однако проверка осуществилась иным способом: примерно в то же самое время Киев откликнулся на обращение из Бреста голосами нового главы правительства Украинской центральной рады Голубовича и А.Я. Шульгина. Бывший у аппарата Любинский на радостях, прежде чем перейти к докладу по существу, передал на другой конец провода в присущей ему манере: «Один болгарский ми-

нистр обещал плюнуть в морду Троцкому, коли радиограмма Ленина не подтвердится. Ему, очевидно, придется сегодня вечером сделать это» [17]. Их разговор с делегатами растянулся за полночь с 22 на 23 января (4–5 февраля). Севрюк доложил о состоянии переговоров: о согласии центральных держав признать западную границу Украины, намеченную Грушевским и откорректированную Гофманом, — с Холмщиной, но без большей части Подлесья. Украинцам было предложено отказаться от требования немедленного освобождения оккупированных территорий (на Волини), чтобы властям Украинской народной республики не пришлось срочно заниматься трудным делом создания там украинской администрации.

Кроме того, немцы связывали очищение территорий с получением до лета 1 млн. тонн украинского хлеба, а главное — с унижительным для Украинской республики условием о включении «хлебного» пункта непосредственно в текст мирного договора. Украинцы рассчитывали оформить его в отдельном торговом соглашении. Чернин со своей стороны решительно отказался от упоминания в договоре Восточной Галиции и Буковины, предложив секретное обязательство австрийского правительства — тоже после получения украинского хлеба — внести в парламент законопроект о выделении этнических восточнославянских земель в самостоятельную провинцию.

Заминка в переговорах произошла из-за сопротивления украинцев австро-германскому требованию обозначить особым пунктом в мирном договоре количество поставляемого Украиной хлеба. Голубович, отвечая делегатам, признал возможным тайный характер соглашения по Галиции, но предложил постараться оформить его без упоминания о миллионе тонн хлеба. Севрюк, в свою очередь, посоветовал правительству начать подготовку общественного мнения: упорно говорить о выгодах будущего «договора как спасения для Украины». При этом все понимали, что сроки

его заключения ограничены тем, сколько удастся продержаться киевскому правительству. Севрюк исчислял их ближайшими тремя днями. «Немцы, — говорил он, — нас всячески поддерживают... поскольку мы представляем вас в настоящий момент, то есть сегодняшний, завтрашний и послезавтрашний дни наиболее выгодны для нас, следует спешить». Голубович успокоил, что Рада уже заранее накануне проголосовала за подписание мира, а правительство приступило к его популяризации в обществе [18].

В последующие дни между киевлянами и дипломатами центральных держав в Бресте продолжались интенсивные переговоры по согласованию оставшихся спорных вопросов украинского договора. На помощь в качестве еще одного посредника 23 января (5 февраля) прибыл депутат австрийского парламента из Буковины, один из лидеров русинов (украинцев) Австро-Венгрии барон Н. Василько.

Украинский вопрос первым обсуждался 23 января (5 февраля) и в Берлине, куда на австро-германские переговоры о союзнической политике отбыли руководители делегаций центральных держав. Австрийский министр заявил там, что мир с Украиной существенно ущемляет интересы Австро-Венгрии: уступка Украине Холмщины, которую Польша считает своей, затруднит будущее австро-польское решение, а поднятый украинцами восточогалицийский вопрос может затронуть и другие коронные земли и иметь для Австрии нежелательные федералистские последствия, тем более что украинская делегация, заезжая по дороге во Львов, уже рассказывала там о своих стараниях в этом направлении. Чернин потребовал эквивалента в виде преимущественного права Австро-Венгрии на получение украинского хлеба, платежей за него товарами, а не деньгами, обеспечения транспорта и гарантий выполнения всего перечисленного [19].

Австрийские условия были приняты германским политическим и военным руководством, спешившими с укра-

инским договором, чтобы покруче расправиться с Россией. «Если Троцкий будет так же несговорчив, как до сих пор, то после заключения мира с Украиной мы должны будем прервать переговоры с Северной Россией», — заметил рейхсканцлер Г. Гертинг. «Тогда бы мы предприняли военные операции... Мы бы таким образом все же опрокинули Троцкого. Даже обстановка на Западе требует... чтобы мы принудили Троцкого раскрыть свои карты. С военной точки зрения разрыв с ним был бы счастьем», — заранее ликовал генерал-квартирмейстер германского Генерального штаба Э. Людендорф [20].

В большевистских верхах Петрограда тоже оценили наступивший в Бресте момент как поворотный. «Разговоры о сепаратном мире ходят уже несколько дней даже в официальных кругах, — написал 25 января (7 февраля) Ж. Садуль в Париж. — Большевики сделали все для того, чтобы мы присоединились к брестским переговорам... Чтобы заставить нас последовать их примеру и... чтобы вызвать в Германии революционные события, они затягивали эти переговоры... Сегодня, похоже, затягивание... оборачивается для русских больше неудобствами, чем выгодами... оно позволило немцам... убедиться в военной слабости России и... стать более требовательными» [21].

Профессионалы в командовании российской армии, осознавая всю меру ее небоеспособности, со своей стороны предупреждали о реальности германского наступления. Начальник штаба Западного фронта Н.В. Соллогуб 15(28) января докладывал в ставку наштаверху и наркому по военным делам о том, что «противник производит интенсивные работы по расчистке окопов... усилению частей передовой линии, усиленным занятиям в тылу... противником ведутся спешные работы по расчистке дороги... до наших покинутых позиций. Постоянные посещения неприятельскими солдатами наших позиций, особенно артиллерии, разрушение ими наших укреплений первой ли-

нии являются организованной работой... Противник принимает меры для обеспечения возможности быстрого наступления в случае разрыва мирных переговоров. На фронте нет вооруженной силы, способной оказать какое-либо сопротивление противнику... Вся артиллерия... и массы технического имущества неизбежно попадут... в руки противника. Короткий удар немцы могут нанести, не выжидая весны, и этот удар... приведет к захвату всей артиллерии».

В заключение Соллогуб настаивал на срочном вывозе в тыл артиллерии и другого технического имущества, иначе «будущая армия, какова бы она ни была по названию, может остаться без артиллерии, снарядов, лошадей и инженерного имущества» [22]. На ту же необходимость «спасения многомиллиардного военного имущества... на фронте» в случае срыва «хрупкого дела мира» военный эксперт советской делегации обращал внимание в записке от 12(25) января [23].

Троцкий, в душе предпочитавший германское наступление тяжелому миру, тоже через некоторое время, а именно 24 января (6 февраля), поручил военному консультанту генералу А.А. Самойло через штаб Западного фронта передать наштаверху, «что совокупность слагающейся здесь обстановки указывает на полную возможность даже в ближайшие дни решения германского главного командования прервать переговоры и возобновить военные действия... Нарком Троцкий высказывается за необходимость провести самым ускоренным образом меры по вывозу в тыл и обеспечению материальной части наших армий» [24]. Это означало, что вследствие своих дипломатических неудач нарком по иностранным делам стал готовиться к недипломатической развязке.

Когда Чернин, считавший предпочтительным перед замирением с одной Украиной общий мир на востоке, попытался в неофициальном разговоре с Троцким 25 января

(7 февраля) выяснить, какие условия были бы для него приемлемы, глава советского внешнеполитического ведомства показал, что насущные интересы страны, вытекавшие из ее ослабленного положения, он готов подчинить своему желанию управлять мировыми событиями. Не вдаваясь в существо разногласий, он с непримиримостью заявил (в передаче собеседника), что «не столь наивен... он отлично знает, что нет лучшей аргументации, нежели сила, и что центральные державы вполне способны отнять у России ее губернии... что дело идет не о свободном самоопределении народов в оккупированных областях, а о грубой силе, и он... Троцкий, вынужден преклониться перед грубой силой... он никогда не откажется от своих принципов... и объявит всей Европе, что дело идет о грубой аннексии» [25].

Предрешив таким образом неподписание договора на всем фронте от Балтики до Черного моря, Троцкий все еще надеялся, что ему удастся помешать украинскому договору как обходному маневру центральных держав. Он повторил Чернину, что не даст согласия на договор государств Четверного союза с Украиной, которая, по его словам, уже в руках большевистских войск и является частью России. В подтверждение этого он в тот же день, 25 января (7 февраля), официально представил текст очередной радиограммы за подписью Ленина, датированной 22 января (4 февраля). На следующий день, 23 января (5 февраля), она была направлена также во все украинские города и губернии, фронтовые и тыловые части.

В радиограмме информация о реальных событиях переплеталась с вольными или невольными вымыслами и неточностями. В ней говорилось, будто советские войска под руководством заместителя Шахрая Коцюбинского вступили в Киев 16(29) января и вместе с киевским гарнизоном низложили киевскую Раду. «Всеми покинутый генеральный секретариат... во главе с Винниченко скрылся. Одоевский,

пытавшийся сформировать компромиссный Генеральный секретариат, арестован». Далее речь шла о провозглашении власти харьковского ЦИК Советов Украины, о якобы состоявшемся 21 января (3 февраля) переезде Народного секретариата в Киев и так далее [26]. Немцы и австрийцы хотя и знали, что дни киевской Рады сочтены, но против данного сообщения возразили, что делегация Украинской центральной рады предъявила им телеграммы Голубовича из Киева, датированные 23 января (5 февраля) [27].

В действительности Киев — исторический город с почти полумиллионным населением — оказался перед угрозой штурма. Чтобы не допустить его, городская дума при посредстве местных большевиков направила к командованию советских частей делегатов. «Дума делает попытку войти в переговоры и перемириться, — сообщал Муравьев из Дарницы, — наотрез отказал, пока войска Рады не положат оружия, пока не будут выданы известные лица, пока Рада не распустит себя и не признает советской власти» [28]. Но украинские лидеры, растеряв популярность у собственного народа, рассчитывали обрести опору в договоре с Четвертым союзом. А для этого следовало как можно дольше держаться в столице, не в последнюю очередь для того, чтобы продлить состояние легитимности своей делегации в Бресте. Таким образом штурм Киева стал неизбежным.

В те дни события совершались с лихорадочной поспешностью. Советские войска под Киевом и адепты отдельного украинского мира с Германией и Австро-Венгрией заочно соревновались между собой в скорости действий. Любинский и австрийский представитель посланник Визнер согласовали последние детали и 25 января (7 февраля) подписали секретный протокол, определивший объем подлежащего вывозу украинского продовольствия. При этом союзная дипломатия поставила выполнение поставок главным условием ратификации всего мирного договора. Любинский принял это

условие, но попросил у контрпартнеров разрешения «по парламентским причинам» не ставить под ним свою подпись как украинского делегата [29].

А Муравьев в тот день, 25 января (7 февраля), в 8 час. 10 мин. вечера передавал из Дарницы по всем правительственным и командным адресам: «Уличные бои продолжаются с большим ожесточением... В войсках Рады много работает иностранных офицеров бельгийцев, французов, румын и других... целые польские дружины присоединились к офицерству... даже монахи и те дерутся в войсках. В Лавре и других церквях найдено много оружия. Город горит. Наша артиллерия беспощадно громит город день и ночь. Враги почти совсем задавлены кольцом...» [30]. По социальным мотивам обстреливались прежде всего аристократические районы города и кварталы богачей. От обстрела сгорел шестиэтажный, в украинском стиле, элитный, говоря современным языком, дом М.С. Грушевского, построенный в 1910 году. В огне погибли библиотека редких книг, архив историка и коллекции украинской старины [31]. Киевляне, современники и свидетели событий, заметили, что еще одним объектом прицельного огня стал большой дом на Бибикивском бульваре киевского богача Богрова, отца убийцы П.А. Столыпина.

В течение этого дня в руках советских войск оказалась большая часть Киева за исключением Печерского района.

Лишь 26 января (8 февраля) так до конца и не укомплектованный кабинет министров Голубовича и часть членов Малой рады (16 человек) по Брест-Литовскому шоссе двинулись в направлении Житомира. С ними столицу оставили войска Центральной рады численностью до 2 тыс. человек [32]. В Бресте этого еще не знали. В тот день Шахрай безуспешно пытался связаться с представителями харьковского правительства Артемом и Затонским и в конце концов запросил Сталина: «Где же, наконец, украинский ЦИК — в Киеве или Харькове и как обстоят дела на Украине?» [33]

А Чернин 26 января (8 февраля) записал в дневнике: «Сегодня должен быть заключен мир с Украиной... Но действительно ли Рада до сих пор продержалась в Киеве? Василько показывает мне телеграмму, полученную украинской делегацией из Киева и датированную 6-м числом, а на мое предложение командировать туда австрийского офицера генерального штаба, для получения точных сведений, Троцкий ответил отказом» [34].

На самом деле вопрос о поездке выглядел иначе. Предложение о командировании австрийского офицера, по-видимому, имело место не в день сделанной Черниным записи, а раньше. Троцкий же, получив такое предложение, если и допустить, что сразу отказался, то затем передумал. Имеется телеграфная лента разговора по прямому проводу, из которой следует, что военный консультант В.В. Липский из Бреста в ночь на 26 января (8 февраля) по поручению главы советской делегации передал генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Гришинскому: «С целью убедить Австро-Венгрию, что правительство киевской Рады должно отпасть, нарком предложил командировать представителя Австро-Венгрии на Украину, во исполнение чего нарком Троцкий просит 1. Срочно сообщить желательный маршрут поездки на Киев, имея в виду переход нейтральной зоны... 2. Командировать к выверенному месту 28 января лицо Генерального штаба, могущее сопровождать указанного представителя Австро-Венгрии. До выбранного вами места представителя Австро-Венгрии будет сопровождать генерального штаба Самойло или Грюнберг... И просим на это экстренный ответ» [35]. В тот же день в Брест были переданы данные о разработанном командовании Западного фронта безопасном маршруте: Минск — Орша — Смоленск — Брянск — Ворожба — Котоп — Бахмач — Киев и назначении сопровождающим офицера Генерального штаба Корка [36].

Троцкий, как за соломинку ухватившись за предложение, чтобы представитель противной стороны выяснил си-

туацию на месте, пытался таким способом отсрочить подписание украинского договора, а может быть, и вовсе сорвать, ибо пока посланец Чернина добрался бы до Киева, власть там наверняка переменялась бы. О том, что нарком имел в виду именно такой план, свидетельствует переданная Липским 27 января (9 февраля) записка наштаверху в отмену предыдущих распоряжений. «Противная сторона, — говорилось в ней, — отказалась дать обязательство в неподписании мира с представителями киевской Рады до получения точных сведений от командированного на Украину представителя Австро-Венгрии, ввиду чего нами признано сопровождение представителя Австро-Венгрии лицом русского Генштаба нежелательным, а поездка утерявшей значение. Однако австрийского Генерального штаба подполковник Покорный в сопровождении здешней украинской, от киевской Рады, делегации едет через Тарнополь на Украину. Сегодня распространился слух, что мир с Украиной подписан. Ввиду изложенной сложившейся обстановки нарком Троцкий просит сообщить на Украину и на все фронты, что поездка подполковника Покорного никакого к нам отношения не имеет и что всякая ответственность за личную безопасность подполковника Покорного и сопровождающего его украинца с нас снимается» [37].

26 января (8 февраля) австрийцы предупредили главу советской делегации, что договор с украинцами готов к подписанию, и Троцкий, по их наблюдению, был очень подавлен услышанным [38]. На исходе дня он сообщил Ленину (на листке с рукописным текстом депеши помета о передаче ее в Псков, то есть связь по прямому проводу Брест — Петроград вновь отсутствовала): «Договор с Радой готов. Подписания его можно ожидать с часу на час. Только точные и проверенные данные, что Киев в руках советской власти, могли бы помешать этому. Дайте знать на Украину, что подписание договора обеспечит центральным державам возможность постоянного вмешательства

в судьбы Украины. Только немедленное и окончательное уничтожение Рады может сорвать заговор против украинского народа» [39]. (Очевидно, сообщение было сделано кружным путем, так как 31 января (13 февраля) Муравьев в записке Ленину передавал: «Только сейчас налаживается телеграфное сообщение. Прямого провода в Петроград нет и я передаю записку через Харьков» [40].)

Муравьев того же числа в 10 часов вечера официально сообщил о ликвидации последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями в Киеве. В одиннадцатом часу Народный секретариат Украинской рабоче-крестьянской республики направил радиogramму об этом и о своем переезде в Киев советскому правительству в Петроград, а также в Брест, революционным организациям в Гельсингфорс, Берлин, Вену, Будапешт и «всем, всем, всем»: «Киев освобожден. Героическая борьба украинских советских войск закончилась полной победой... Члены так называемой Центральной рады скрываются... Народный секретариат Украинской республики переезжает из Харькова в Киев. Все правительственные учреждения приступают к деятельности... Отныне освободившаяся Украина твердо вступает в круг федеративных советских республик» [41].

В радиogramме говорилось также о радости трудового населения Украины в связи с падением правительства Украинской центральной рады. И это было правдой, а не пропагандой. П.А. Христюк, министр внутренних дел в кабинете Голубовича, уходил из города вечером в день вступления советских войск через рабочий район Шулявка и «имел возможность видеть, как радовался приходу большевиков весь “шулявский свет”. Рабочие и извозчики, вооруженные, запруживали улицы... расставляли стражу, ловили “украинцев”». Министру «стоило большого труда пройти через это народное море» [42].

Однако радиogramма, как видно, не дошла к адресатам. А на телеграмме с текстом этого сообщения, пришедшей,

в частности, в Петроград, помечено, что она поступила с опозданием [43]. Но в Бресте счет времени шел почти на минуты. Оттуда запрашивали: «Троцкий ждет сведений о киевской Раде. Сообщите скорее». Сталин ответил запиской по прямому проводу, что «Рада киевская пала, власть в руках Советов», и передал сообщение из Харькова: «Сейчас получили известие, что Киев окончательно взят нашими войсками. Эта телеграмма от Муравьева и подтверждающей телеграммы от Коцюбинского (на телеграфной ленте ошибочно — Кочубинского) и других находящихся в Киеве народных секретарей нами пока не получено». Далее за подписью Скрышника в записке излагался ход событий в Киеве с начала восстания [44].

Кроме того, в ночь с 26 на 27 января (8–9 февраля) Сталин еще в одной записке по прямому проводу поручил Карахану, как видно, для верности, 27 января (9 февраля) запросить в Киеве главнокомандующего Муравьева, а в Харькове — Народный секретариат Украинской республики, а также от имени Совета народных комиссаров сообщил: «Официально до восьмого февраля весь Киев за исключением Печерского района находился в руках Совета. Остатки отрядов киевской Рады оборонялись в Печерском районе, вчера, восьмого февраля в десять часов ночи получили из Киева от главнокомандующего Муравьева официальное сообщение о взятии Печерского района, бегстве остатков Рады, завладении всеми правительственными учреждениями... Это было вчера, в двадцать часов 8 февраля от Рады не осталось ничего, кроме печального воспоминания. Это сообщение передано в П[етроградское] Т[елеграфное] А[гентство] и разослано по радио. Как видите, делегация киевской Рады в Бресте представляет пустое место...» [45].

Около двух часов ночи 27 января (9 февраля) Сталин запросил Троцкого и Карахана, получена ли вся эта информация, и передал новую: «Только что сообщили из Харькова и из Киева, что Народным секретариатом ЦИК (на теле-

графной ленте ошибочно — цека) Украинской республики послано официальное сообщение в одиннадцатом часу ночи, то есть четыре часа назад, сообщенное всем, всем, Берлину, Бресту, Финляндскому правительству и прочим об окончательном изгнании из Киева бывшей Рады и об окончательном переселении ЦИК в Киев».

От себя Сталин с возмущением добавил, полагая, что отсутствие в Бресте своевременной информации вызвано манипуляциями немцев со связью: «Если немцы затевают новую эмсскую депешу, затевая договор с мертвецами, то пусть знают, что они сделаются посмешищами всего мира... Своими хитросплетениями с проводами немцы могут скрыть истину, скажем, на один день, заключая фиктивный договор с мертвецами, но неужели не понятно, что шила в мешке не утаишь». Записка завершалась поручением связистам: «Передайте ленту немедленно и сообщите ответ также немедленно» [46]. Он не ожидал, что уважаемые европейские дипломаты могут действовать вопреки фактам, пренебрегая и более серьезными, чем отключение связи, профессионально-этическими нормами.

(Эмсская депеша — телеграмма из германского курортного города Эмса с изложением беседы прусского короля с посланником Франции, отредактированная канцлером Бисмарком таким образом, что послужила поводом франко-прусской войны 1870 года. Активистам же украинского национального движения этот излюбленный курорт королевских особ был памятен тем, что в 1876 году, отдыхая там, Александр II подписал «эмсский» указ, ограничивавший использование украинского языка в книгопечатании, сценических представлениях, публичных чтениях и так далее.)

Но делегаты Четверного союза не убоились предсказанного им осмеяния и в ночь на 27 января (9 февраля), около двух часов (как раз когда Сталин рассуждал о «фиктивном договоре с мертвецами»), прежде чем неудобная для

них информация о последних киевских событиях с рассветом получила бы широкое распространение, подписали договор с представителями Украинской центральной рады, «первый мир, который приходит в этой мировой войне», как выразился председательствовавший Кюльман. Севрюк в ответном слове высказал убеждение, что подписанный договор «послужит вкладом в последующий всеобщий мир для окончания великой войны» [47].

Не убоился в дальнейшем одобрить неправомерный акт и германский рейхстаг. При обсуждении подписанного договора на заседании 7(20) февраля только социал-демократы независимцы поставили под сомнение законность договора с Украиной — страной, которая, по мнению их представителя Ледебура, «возникла не совсем правомерно с точки зрения международного права». Лидер национал-либералов Г. Штреземан не отрицал сказанного независимцем, но, выражая настроение большинства депутатов, отдавших предпочтение практической выгоде перед чистотой правовых форм, объяснил: «Это, как рождение внебрачного ребенка, ничего не остается, как принять к сведению совершившийся факт... Теории господина Ледебура не могут утолить голода германского народа и накормить германский скот... Более благоразумно ввозить из Украины хлеб и корм для скота. Благоразумно признать существование Украины» [48].

О. Чернин в зашифрованной телеграмме, направленной в Вену 27 января (9 февраля), немедленно по подписании прокомментировал основные положения договора с точки зрения их практического применения. Он сообщил, что граница монархии с Украинской народной республикой осталась без изменений, как прежняя русско-австрийская. Ожидаемое недовольство поляков признанием значительной части Холмской губернии за Украиной министр предлагал «умерить... опираясь на крылатое слово о праве самоопределения народов» [49].

Формально заявленное положение о немедленном очищении оккупированных Холмщины и части Волыни обставлено такими условиями (очищение после ратификации договора, которая, в свою очередь, поставлена в зависимость от гарантий продовольственных поставок), что будет проведено лишь в удобный для австрийцев и немцев срок. С этим, сообщал министр, согласилась и украинская сторона, бессильная сразу организовать там управление. Зато обмен «излишками» сельскохозяйственных продуктов на промышленные товары предусмотрено было начать сразу. Секретный протокол фиксировал вывоз к 1 июля из Украины миллиона тонн зерна. При обилии на Украине немецких колонистов важным было также условие о возмещении частным лицам убытков от нарушения их прав во время войны.

Повышенной секретностью была обставлена тайная декларация об объединении Восточной Галиции и Северной Буковины в отдельный коронный край. Чернин сообщал, что с австрийской стороны об этом известно только ему, а с украинской — поставившим подпись делегатам. В случае точного выполнения всех условий договора австрийское правительство должно было к 20 июля 1918 года подготовить законопроект об образовании нового коронного края. Но Чернин заранее рассчитывал, что данное обязательство удастся отменить из-за несвоевременных, как он предполагал, продовольственных поставок [50]. Впрочем, вскоре представилась возможность иным способом нейтрализовать это потенциально опасное для целостности многонациональной империи условие.

К событиям ночи с 26 на 27 января (8–9 февраля) противоположные стороны отнесли с по-разному мотивированным оптимизмом. Троцкий еще не терял надежды, что, опираясь на факт утраты правительством Центральной рады столицы и основной части государственной территории, удастся опротестовать заключение подписанного его

представителями договора. Глав делегаций Четверного союза он письменно известил, что, «по сообщению Председателя Совета Народных Комиссаров, киевская Рада окончательно пала и вся власть на Украине целиком и безраздельно перешла в руки украинских Советов, представители коих находятся в нашей делегации» [51]. «Делегаты Украинского Народного Секретариата в составе делегации Российской Федеративной республики» со своей стороны составили просьбу к генералу Гофману предоставить им «возможность сноситься по прямому проводу со своим правительством в Киеве» [52], разумеется, неудовлетворенную.

В полдень 27 января (9 февраля) Троцкий в депеше на имя своего заместителя Чичерина, Ленина и Сталина продемонстрировал намерение повернуть вспять договорный процесс и потребовал дополнительных данных о событиях в Киеве: «Если мы до пяти часов вечера получим от вас точное и проверенное сообщение, что Киев в руках советской власти, это может иметь крупное значение для переговоров» [53]. В марте 1918 года на VII съезде РКП(б) он признался, что не предполагал возможности формального договора государств Четверного союза с правительством Украинской центральной рады после того, как оно потеряло Киев [54]. «Необходимо, чтобы правительство [Советской] Украины немедленно дезавуировало все действия делегации [киевской рады] и отозвало самое делегацию. Необходимо связать нас непосредственно с Киевом, — развивал план Троцкого автор еще одной записки из Бреста, очевидно, Карахан, одновременно сообщая о систематических помехах в критические моменты разговоров по прямому проводу: — Юз наш опять не работает. Писали, телеграфировали. Никакого результата. Действуйте энергичнее» [55].

На вечернем заседании политической комиссии 27 января (9 февраля) глава советской делегации попытался дезавуировать украинский договор. Он заявил, что централь-

ные державы признали независимость Украины в тот момент, когда она, по заявлению ЦИК Советов Украины, вошла в состав Российской Федерации, и кроме того, потребовал ознакомить советскую делегацию с принятой в договоре линией границы. Кюльман предложил последнее осуществить в специальной подкомиссии, а в остальном заявил, что имеющиеся у него достоверные сведения устраниют возможность принять информацию Троцкого о внутреннем положении на Украине. Вопрос же о том, кто именно правомочен ее представлять, в создавшемся положении, по словам статс-секретаря, потерял практическое значение. Чернин, разумеется, высказался в том же духе [56].

После этого Троцкий ночью сообщил Ленину и Сталину: «Мирный Договор с Киевской Радой подписан... несмотря на наш протест и заявление, что мы этого договора не признаем» [57]. Однако в Смольном, как видно, еще надеялись, что, доведя до дипломатов Четверного союза полную информацию о положении на Украине, удастся повернуть дело с договором вспять. В телеграмме Антонову-Овсеенко, составленной 28 января (10 февраля) в 15 час. 50 мин., Сталин писал, что «в Бресте дела обстоят пока сносно... Троцкий возмущается, что харьковские наши товарищи и киевские не держат его в курсе дела. Делегация старой Рады получает ложные сведения от бежавшего с поля битвы Голубовича (на телеграфной ленте ошибочно — Голуцовича) о поражении советских войск в Киеве, а наши милые товарищи из Харькова и Киева глубокомысленно молчат, не информируют Троцкого и тем самым молчанием подтверждают сплетни Голубовича, укрепляя тем самым положение несуществующей Рады. Сегодня я два раза предложил Народным секретарям... сообщить Троцкому совершенно официально, с обозначением даты, с официальными подписями, что Киев окончательно взят советскими войсками... Если они такого сообщения не дадут, немцы не замедлят заключить мир с несуществу-

ющей Радой для того, чтобы обеспечить себе вмешательство в дела жизни Украины. Из Германии сведения поступают неаккуратно, по всей видимости, каша заварилась порядочная. Этим только объясняется [что] немцы всячески затягивают переговоры» [58].

Из Киева 28 января (10 февраля) в 12 час. 10 мин. была направлена телеграмма в Совнарком и советской делегации в Брест, подписанная народными секретарями Ауссесом, Коцюбинским, Лапчинским, Мартьяновым. «Мы опасаемся, — говорилось в ней, — что вследствие повсеместной порчи телеграфных проводов, произведенной контрреволюционерами, вы не получили тех сведений о ходе операций революционных войск, которые мы передавали вам отсюда и наш секретариат из Харькова, и потому вновь сообщаем, что Киев утром 26 января окончательно очищен от контрреволюционных банд киевской Рады... Советская власть в Киеве восстановлена. Состоялось заседание Советов. Центральная Рада и Генеральный секретариат не существуют, от них отвернулось все население Украины... Екатеринослав, Полтава, Николаев, Херсон, Одесса, Чернигов, Черноморский флот и почти весь фронт освобождены от власти Рады... во всех важных пунктах мы опираемся на сильную гражданскую поддержку населения и селянства. Ввиду доходящих до нас сведений, что представители низложенной народным восстанием Рады пытаются продолжать свою изменническую по отношению к Российской Федерации и Украине политику, предлагаем вам подтвердить правительствам воевавших с Россией государств, что рабочее и крестьянское правительство Украинской республики считает уничтоженными и недействительными договоры и заявления, если таковые делаются от имени буржуазной Центральной рады. Кровь украинских и российских рабочих и крестьян, пролитая во время рабочей революции на Украине, навсегда освятила братский союз между трудящимися массами Великороссии и Украины...» [59].

На самом деле, когда писались эти строки, германским дипломатам уже не было нужды затягивать переговоры с петроградскими делегатами. Покончив с украинским договором, они сочли почву готовой для «энергичного» дипломатического разговора с большевиками. На том же заседании политической комиссии 27 января (9 февраля) Кюльман заявил, что настало время окончательно выяснить позиции, и, демонстрируя ужесточение условий, предложил устранить из будущего договора с Россией понятие «самоопределение» в отношении оккупированных российских областей так, чтобы дальнейшая судьба их определялась лишь соглашением Германии и Австро-Венгрии. Безоговорочно было поставлено требование об очищении занятых русскими войсками турецких владений, нейтрализации Аландских островов на Балтике и так далее [60].

В осложнившихся таким образом обстоятельствах военные консультанты российской делегации актуализировали свое ранее выдвинутое крайнее условие и «с исчерпывающей ясностью высказывались против оставления в немецких руках Моонзундского архипелага», так как это открывает морские и сухопутные подступы к Петрограду [61].

Под влиянием аргументации военных Троцкий при встрече с Черниным 25 января (7 февраля) заявил о неприемлемости уступки островов. Далее он, на время отойдя от привычного революционного морализаторства, предпринял нетипичный для себя шаг. Было это до или после заседания политической комиссии 27 января (9 февраля), установить не удалось. По свидетельству генерала Гофмана, глава советской делегации запросил Кюльмана, «нельзя ли каким-нибудь путем вернуть России Ригу и прилегающие острова» [62]. Немцы восприняли это как переход от бесплодных речей к практическим переговорам, к которым и стремился статс-секретарь Кюльман. Гофман телеграфировал командованию: «Из отдельных обсуждений складывается впечатление, что Троцкий, по-

жалуй, мог бы пойти на заключение [договора] на выдвинутых до сих пор условиях» [63].

В Петроград от советской делегации последовала как будто созвучная впечатлению немцев информация. По прямому проводу была передана стенограмма заседания 27 января (9 февраля) с запиской Ленину (черновик написан Караханом): «Обратите серьезное внимание на эту стенограмму, определяющую новую фазу наших переговоров» [64]. Однако ожиданиям финала в традиционном дипломатическом стиле не суждено было исполниться.

27 января (9 февраля) на имя Кюльмана и Гофмана поступила телеграмма разгневанного кайзера Вильгельма II. «Сегодня большевистское правительство, — говорилось в ней, — обратилось клером по радио прямо к моим войскам и призвало их к восстанию и прямому неповиновению своим высшим военачальникам... Следует как можно скорее положить этому конец! Троцкий должен до 8 час. вечера завтрашнего дня, 10-го (об этом доложить в это время сюда, в Гомбург), подписать без проволочек мир на наших условиях с немедленным отказом от Прибалтики до линии Нарва — Псков — Двинск без права на самоопределение и т. д., с признанием возмещения ущерба всем пострадавшим в Прибалтике. В случае отказа или попыток затяжки и проволочек и прочих отговорок в 8 час. вечера 10-го прерываются переговоры, прекращается перемирие; войска Восточного фронта... выдвигаются на предписанную линию» [65].

Кюльман воспротивился — вплоть до отставки — столь стремительному, юридически необоснованному, а главное, опасному для внутривнутриполитической ситуации в Германии и для ее союзных отношений с Австро-Венгрией ультиматуму и по умолчанию получил отсрочку его исполнения [66].

Утром 28 января (10 февраля) начала работу вновь образованная военная подкомиссия с участием генерала Гофмана, посланника Розенберга и представителя флота

от Германии, профессора Покровского, адмирала Альтфатера, капитана Липского — от России и трех представителей Австро-Венгрии. О неутешительных результатах ее работы Липский, как видно, до начала заседания основной политической комиссии сообщил начальнику штаба Верховного главнокомандования и в другие военные инстанции: «[В] ходе мирных переговоров происходит кризис. [В] военной подкомиссии, которой было поручено рассмотреть приемлемость германского проекта границы, соглашения в связи [с] заявлениями, сделанными Альтфатером и мной, [с одной стороны], и генералом Гофманом, с другой, не достигнуто. Противная сторона не идет на уступки по вопросам, жизненно для нас необходимым. Вопрос передается [в] политическую комиссию» [67].

Заседание политической комиссии должно было открыться в 17 час. 30 мин. А в 16 час. 30 мин. Кюльман, по утверждению Гофмана, «ухватился за рижские требования Троцкого и направил Розенберга к главе советской делегации с просьбой письменно изложить готовность [последнего] заключить мир при условии возвращения России Риги и прилегающих островов. Если Троцкий согласится, то можно будет на этой базе повести дальнейшие переговоры» [68].

По словам Гофмана, Троцкий «после некоторого размышления» отклонил полученное предложение. Кроме описания Гофмана, других прямых документальных следов этого эпизода не обнаружено.

В мемуарах Фокке этот эпизод изложен в версии генерала, выпустившего обе свои книги раньше, чем бывший военный консультант советской делегации опубликовал свой труд [69]. Потому затруднительно определить, действительно ли из предложения Кюльмана можно было извлечь пользу для советской стороны. Впрочем, имеется свидетельство Иоффе, который, будучи с весны 1918 года

советским полномочным представителем в Германии, в одном из первых своих докладов из Берлина писал в связи со стремлением пангерманцев и так называемой военной партии непосредственно присоединить к империи Эстляндию и Лифляндию: «Если план будет осуществлен, то помимо революционной работы в аннексированных провинциях, необходимо будет постараться добиться свободного выхода в Балтийское море, то есть обеспечить нам свободу торговли через Ревель, Либаву и... военные гарантии нейтрализации Моонзунда... Я имею достоверные сведения, что в Бресте пошли бы на то и на другое» [70]. Последнее как будто подтверждает версию генерала Гофмана.

Есть еще одно замечание Иоффе, скорее всего свидетельствующее о лично мотивированном характере последних решений Троцкого в Бресте. В мае 1918 года, полагая, что следует удовлетворить германский ультиматум о возвращении кораблей Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь, Иоффе писал Чичерину: «Повторять брестских ошибок невозможно. Если в Бресте, заранее зная, что мы все уступим, можно было сказать, что Троцкий стоит Ревеля, то теперь ни в коем случае нельзя кого бы то ни было менять на Новороссийск» [71].

Возвращаясь к последним дням этой стадии мирной конференции, заметим, что до заседания политической комиссии 28 января (10 февраля) в Петроград были переданы еще две записки, в какой последовательности — не установлено. В одной Карахан просил передать Ленину: «Ждем ответа по содержанию переданной Вам стенограммы. Сегодня в 6 часов мы должны дать ответ» [72], то есть в семь часов по петроградскому времени. В другой, направленной Ленину и Сталину «крайне спешно», Троцкий не интересовался мнением адресатов. Он, надо полагать, уже принял решение и теперь был озабочен лишь его ожидаемым глобальным воздействием: «Обращаю ваше особое

внимание на стенограмму вчерашнего заседания. Сегодня около 6-ти часов нами будет дан окончательный ответ. Необходимо, чтобы он в существе своем стал немедленно известен всему миру. Примите необходимые к тому меры. Помните, что прямой провод отсюда действует неправильно. Вы должны поэтому самостоятельно действовать в области информирования. Прошу вас серьезно позаботиться об этом важном теперь вопросе» [73].

Тем не менее из Смольного ответ, помеченный «28/I., 6 ч. 30 мин. вечера» — 17 час. 30 мин. по действовавшему в Бресте времени, то есть за полчаса до начала заседания политической комиссии, был дан. В нем высказывалась позиция по двум обсуждавшимся в Бресте накануне вопросам. По украинскому вопросу в записке из Петрограда говорилось с неугасшей надеждой дать событиям обратный ход: «Повторяем еще раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его. Информировуйте нас почаще» [74].

А по главному вопросу — подписывать или нет договор с тяжкими и категорическими территориальными условиями — Ленин и Сталин, оба сторонники подписания, ответили: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе» [75]. «Иоффе писал из Бреста, что в Германии нет и начала революции», — рассказал Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 года о том, что счел наиболее важным в упомянутом письме [76].

О том же самом, что было в письме Иоффе, сообщал в Петроград по прямому проводу 27 января (9 февраля) и Карахан: «Германские события нашей прессой невозможно преувеличиваются. Революции в Германии нет. Есть лишь крупный поворот, сдвиг, начало начала революции и только. Преувеличенные надежды и ожидания опасны. Наша пресса переоценивает происходящее» [77].

В целом в оперативной переписке тех дней нет никаких следов в подтверждение слов Троцкого на Седьмом съезде РКП(б), будто «в последний момент в Брест-Литовске» были получены сведения о стачках в Германии и Австрии, которые и заставили его «признать невозможность подписания мира». Вместе с тем на съезде Троцкий должен был подтвердить, что Ленин «был против этого, но он был против этого не с такой энергией» [78].

Все это были ложные оправдания прежде всего потому, что Троцкий не мог не знать о результатах проведенного 21 января (3 февраля) на совещании в ЦК опроса. При этом Ленин, Сталин, Муранов, Артем, Сокольников (принадлежавший к этой группе Зиновьев отсутствовал во время голосования) утвердительно ответили на вопросы: «Допустимо ли сейчас подписать германский аннексионистский мир?» и «Допустимо ли подписать германский аннексионистский мир в случае разрыва ими переговоров и ультиматума?», и дали отрицательный ответ на вопрос: «Разорвать ли переговоры немедленно?» (из остальных девяти опрошенных все высказались отрицательно по первому вопросу; два отрицательно и семь положительно — по второму и только один, И.Н. Стуков, был за немедленный разрыв переговоров) [79].

К тому же советская делегация в Бресте была достаточно обеспечена печатью из центральных держав, чтобы быть гарантированной от недостоверной информации о событиях их внутренней жизни: к тому времени самые крупные рабочие выступления в Германии и Австро-Венгрии иссякли. Правда, 19 января (1 февраля) в порту Котор вспыхнуло восстание матросов военного флота Австро-Венгрии, но и оно за несколько дней было локализовано и подавлено. Ленин в те дни подвел черту под не оправдавшимися ожиданиями скорой революции в Европе. «Долгий разговор с Лениным, — написал Ж. Садуль 22 января (4 февраля) в Париж. — Забастовки в Германии, по-

хоже, кончились... не успев оказать на брестские переговоры влияния, на которое рассчитывали... Нужно ожидать ужесточения германских притязаний» [80].

Таким образом, революционный процесс в центральных державах, по общей оценке, не достиг того уровня, когда стимулирование его «международной политической демонстрацией» могло бы принести большевикам нужные результаты. Это заставляет думать, что Троцкий в осуществлении ее исходил даже не из целей европейской революции, а принимал решение личного характера, тем более что имелось формальное оправдание: категорические требования Германии еще не приняли вид официального ультиматума, и нарком по иностранным делам мог считать себя не нарушившим договоренности с Лениным о подписании мира после предъявления германского ультиматума. После запоздалых и разрозненных попыток действовать дипломатическими средствами он вернулся к агитационной тактике и на заключительном заседании политической комиссии 28 января (10 февраля) произнес цветистую речь с разоблачением империалистического характера войны и тех условий мира, «которые германский и австро-венгерский империализм пишет на теле живых народов», условий, которые не способны «хотя бы в минимальной степени обеспечить права на самоопределение русского народа и отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насильем над своей волей» и так далее. В заключение Троцкий «именем Совета Народных Комиссаров, правительства Российской Федеративной республики» довел до сведения правительств и народов воюющих и нейтральных стран, что Россия, отказываясь от подписания аннексионистского мира, объявляет состояние войны прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту [81].

Глава германской делегации, как видно, не хотел верить в окончательный характер этой развязывавшей руки военщине выходки председателя советской делегации. В ответном слове он обратил внимание на то, что военные действия были приостановлены на основании договора о перемирии и при его аннулировании будут возобновлены независимо от того, что одна из сторон демобилизует армию. Создавшееся положение он предложил обсудить, назначив на следующий день пленарное заседание [82].

Но Троцкий, торопясь осуществить свой план, ответил резким отказом, уже почти на ходу предложил дальнейшие контакты осуществлять по радио или через делегацию Четверного союза по проблемам военнопленных, работавшую в Петрограде, и заявил о своем немедленном отъезде. В ночь на 29 января (11 февраля) он передал поручение Чичерину обеспечить этой делегации нормальную связь с Берлином, а также оказать содействие, если австро-германские делегаты захотят выехать из Петрограда, и об исполнении доложить ему, Троцкому [83]. В 11 часов утра Сталин сообщил ему, что имевшаяся поломка коммутатора устраняется, после чего немецкая делегация получит связь с Брестом [84].

Похоже, такая развязка для наркома по иностранным делам была тайной путеводной целью с самого зарождения в конце декабря 1917 года его плана «международной политической демонстрации». 30 января (12 февраля) Ж. Садуль, пораженный несообразностью случившегося, писал: «Неожиданный финал. Троцкий не подписывает мир, но заявляет, что состояние войны... прекращено. Накануне своего отъезда в Брест он дал мне понять, что такое фантастическое завершение переговоров возможно. Я не верил этому и все еще не верю... какое безумие и насколько опасное безумие!» [85].

Но у Троцкого сомнений не возникло. Перед отъездом из Бреста он 28 января (10 февраля) в 10 час. 15 мин. вечера направил телеграмму: «Председателю Совнаркома

Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости Австро-Германских условий наша делегация заявила, что выходит из империалистической войны, демобилизует свою армию и отказывается подписать аннексионистский договор. Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий» [86].

Не дожидаясь выполнения своего распоряжения через Совнарком, он параллельно телеграфировал главкомверху: «Согласно сделанному делегацией заявлению издайте немедленно, этой ночью приказ о прекращении состояния войны... и о демобилизации на всех фронтах». На копии текста этого сообщения принявший его в Ставке связист от себя крупными печатными буквами вывел: «МИР» [87]. Крыленко, как видно, тоже в обход Совнаркома не задержался с популистской вестью. «Всем, всем, всем. Мир! Война кончена. Россия больше не воюет. Конец проклятой войне», — так бравурно начиналась его радиотелеграмма в Ставку начальнику штаба и в Верховную коллегию при Верховном главнокомандовании (точное название: Центральная коллегия действующих армий и флота — ЦЕНТРОДАРФ, образована при Ставке 16 декабря 1917 года путем избрания ее членов армейским съездом). Члены коллегии С.В. Флоровский, Н. Логинов, Г.П. Ряпп получили радиограмму 29 января (11 февраля) в 8 часов утра [88].

О реакции в столице Ж. Садуль написал 30 января (12 февраля): «Смольный бурлит. Одни в восторге, другие в оцепенении. Кое-кто плачет, это разумные люди. Они, как и я, понимают, что этот жест слишком романтичен... что в Германии раздастся громкий хохот, что завтра ее полки с еще большей готовностью возобновят наступление благодаря приятной перспективе легких и богатых завоеваний» [89].

Ленин лучше многих понимал, что созданная Троцким ситуация не означает окончания войны, и попытался практически остановить объявление демобилизации. Его секретарь по прямому проводу срочно передал Флоровскому: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и об всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у Вас способами по приказанию Ленина. Приказ исполнен ли?» [90]. Этот текст поступил в штаб Верховного главнокомандующего вместе с запиской: «Наштаверху 29 января 1918. Немедленно отменить распространение телеграммы о мире. Член В[ерховной] К[оллегии] С. Флоровский» [91].

Трудно сказать, почему столь важное срочное распоряжение главы правительства доводилось через Верховную коллегию. Возможно, для того, чтобы показать, что заведомо непопулярная отмена демобилизации производится с согласия и одобрения выборного органа солдатской демократии. Однако этот ход не оправдал себя, вызвав непонимание и недоверие у исполнителей. Имеется, например, запись разговора неустановленного лица по прямому проводу со Сталиным: «Товарищ Сталин. Есть депеша, адресованная главкому Кавказского фронта. Содержание таковое: Призываю именем товарища Ленина и Совета Народных Комиссаров отменить распространение телеграммы о мире. Член Верховной коллегии С. Флоровский, ясно ли для Вас содержание?» Сталин после дополнительных расспросов (Откуда она? — Из Ставки верховного главнокомандующего. — Кто именно из Ставки? — Из Ставки верховного главнокомандующего, подпись — Флоровский), как видно, не зная о распоряжении Ленина, ответил: «Передайте в Ставку Флоровскому, что разъяснение получит от главковерха через некоторое время» [92].

В 17 часов 29 января (11 февраля) в штабы всех фронтов действительно был направлен пространный приказ Крыленко, составленный в стиле брестской риторики Троцкого

го: «...Немецкие капиталисты, банкиры и помещики, поддерживаемые молчаливым содействием английской и французской буржуазии, поставили нашим товарищам, членам мирной делегации в Бресте условия, под которыми не может дать свои подписи русская революция... Мы не можем подписать такого мира, который несет с собою горе, затягивает и страдания миллионов таких же рабочих и крестьян. Мы не можем, не хотим и не будем также вести войну, затеянную царями и капиталистами... Мы не хотим и не будем вести войну с такими же, как и мы, немецкими и австрийскими рабочими и крестьянами... Мы не подписываем мира помещиков и капиталистов. Пусть знают теперь немецкие и австрийские солдаты... что мы с ними воевать отказываемся... Предписываю немедленно принять меры к объявлению войскам, что война с этого момента считается прекращенной... Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всем фронте... предписываю принять меры к уводу войск с передовой линии...» [93].

Вдогонку этому бесшабашному приказу тем же путем — в Ставку для членов Верховной коллегии 30 января (12 февраля) последовало еще одно распоряжение главы правительства: передать «всем комиссарам армии и Бонч-Бруевичу о задержании всех телеграмм за подписью Троцкого и Крыленко о расформировании армии». Далее подчеркивалось, что нет и не может быть речи об условиях мира, так как «мир еще фактически не заключен» [94]. Кое-где распоряжение было выполнено. Член революционного штаба в Харькове, народный секретарь почт и телеграфа Я. Мартыанов сообщил Флоровскому (в тексте на украинский лад — Хлоровскому) 30 января (12 февраля) вечером, что «телеграмма от 29 января за подписью Крыленко для всего юга по железнодорожным проводам задержана в Харькове согласно Вашей телеграмме из Ставки...» [95]. Заметим, что это касалось прежде всего войск под коман-

дованием Антонова-Овсеенко, чтобы они вместе с фронтowymi частями не приступили к демобилизации.

Но были и протесты: «Здравствуйте, Сталин, — обращался по прямому проводу из Ставки некий Аронов. — Чем вызвана необходимость задержания телеграммы Троцкого о мире и главковерха приказ о демобилизации армии. Мы всех информировали, и сегодня даже по этому торжественному поводу устроили демонстрацию воинских частей. Жду у аппарата. Срочно отвечайте» [96]. На этом запись прервана.

Зная об этих не увенчавшихся успехом усилиях остановить демобилизацию и о дальнейшей полемике между Лениным и Троцким на VII съезде РКП(б), можно ли поверить позднему утверждению последнего, будто по возвращении делегации из Бреста «Ленин был очень доволен достигнутым результатом», и его же рассказу о том, как он использовал «невольные досуги» в Бресте, чтобы надиктовать стенографисткам по памяти исторический очерк Октябрьского переворота, и как «Ленин был буквально счастлив, когда я привез с собой готовую рукопись об Октябрьской революции» [97]?

Между тем делегация Украинской центральной рады после подписания ею мирного договора не оставила Брест-Литовск. Ей предстояло еще урегулировать вопрос жизни для руководства Рады — о военной помощи центральных держав. Правительство после отъезда из Киева не смогло надолго задержаться в Житомире: к городу с севера, юга и востока приближались большевизированные части. «К тому же, — вспоминал Христюк, — житомирская городская дума вынесла постановление, в котором недвусмысленно дала понять украинскому правительству, чтобы оно куда-нибудь уехало из Житомира, не подвергая населения опасности обстрела города большевиками» [98].

Народные министры и депутаты перебрались в Коростень, затем — в Сарны, где на заседании 30–31 января

(12–13 февраля) официально признали необходимость военной помощи. Ее для сохранения национального лица власти рассчитывали получить в виде возвращаемых из австро-германского плена этнических украинцев бывшей российской армии, а также украинских (галицийских и буковинских) подразделений австро-венгерской армии. Эта идея получила такое распространение, что занявший Киев Муравьев попросил у советского военного начальства разрешения «сосредоточить весь Чехословацкий корпус ближе к австрийской границе... для загромождения пути австрийским украинским корпусам, на которые надеются еще Петлюры и Порши» [99]. Решено было составить специальную ноту и отправить ее с курьером в Брест, связь с которым по прямому проводу вскоре оказалась нарушенной. Правительство лишилось свежих данных о дальнейших действиях делегации [100].

Тем временем Севрюк и Левицкий выехали в Вену, где им в связи с обращением к Австро-Венгрии и Германии с просьбой о военной помощи против наступления большевистских сил было настоятельно предложено подписать еще один секретный протокол, ослабивший действие договора по важным для украинцев позициям. Одно условие протокола, подписанного Севрюком и австрийским посланником Визнером 5(18) февраля, касалось повышения степени секретности австрийского обязательства о превращении Восточной Галиции и Северной Буковины в коронный край. Согласно новому протоколу, украинская сторона должна была свой экземпляр этого документа передать на хранение в ведомство иностранных дел Германии до выполнения Австрией взятого на себя обязательства, которое, в свою очередь, должно было наступить только после выполнения правительством Украинской центральной рады принятых им условий мирного договора [101].

4 марта состоялась передача украинского экземпляра документа, оформленная протоколом за подписями Сев-

рюка, Левицкого, Визнера и Розенберга. Содержание документа в нем для большей секретности было зашифровано в туманных словах: «Определенные меры относительно охраны украинского населения в Австрии» [102]. Стоит сразу сказать, что через короткое время австрийское правительство обвинило украинских делегатов в разглашении секрета галицийским украинцам, и оригинал документа 16 июля был уничтожен в Берлине, освободив Вену от обязательства по Восточной Галиции и Северной Буковине [103]. Когда это случилось, украинский посол в Австро-Венгрии В.К. Липинский попытался деликатно заявить протест — «так же секретно, как секретно аннулирован договор». В ответ официальная Вена без церемоний разъяснила украинскому правительству, что не дело вмешиваться во внутренние дела Австрии (по поводу статуса Восточной Галиции и Буковины) государству, «основу которого заложили Австро-Венгрия и Германия и внутреннее строительство которого происходит под защитой и авторитетным влиянием обеих центральных держав» [104].

Пока же дипломаты Центральной рады были заняты завершением договора с государствами Четверного союза. Второй пункт протокола 5(18) февраля, напротив, предусматривал публичное оповещение о том, что указанная в основном договоре линия границы Украины с Польшей (в Холмщине и Подлесье) не является окончательной и по решению смешанной комиссии может быть сдвинута к востоку, «исходя из этнографических условий и пожеланий населения» [105]. Венским политикам, все еще рассчитывавшим присоединить к Австро-Венгрии бывшую «русскую» Польшу, это нужно было, чтобы сгладить недовольство поляков мирным договором с Украиной.

Пока Севрюк и Левицкий находились в Вене, с ними по прямому проводу из Бреста связался Любинский, коротко сообщив, что вынужден немедленно подписать предложенное ему Гофманом обращение украинцев к немец-

кому народу за помощью против большевиков. Гофман будто бы принес готовый текст и сказал, что он уже печатается в Берлине. Украинскому делегату ничего не осталось, как подписать его. Так представил этот эпизод Зализняк со слов Любинского, от себя добавив, что «не знает, как было на самом деле, каковы были предшествующие разговоры Любинского с Гофманом» [106]. А в обращении среди прочего говорилось: «Мы глубоко убеждены в том, что немецкий народ, который любит спокойствие и порядок, не останется равнодушным, когда узнает про нашу беду. Немецкая армия, которая стоит против нашего северного врага, имеет силу, чтобы нам помочь и своим вмешательством защитить наши северные границы от дальнейшего вторжения врага» [107]. Под именем немецкого народа германские генералы оформили себе таким способом право свободно распоряжаться на территории Украины.

16 февраля (Совнарком принял новое — григорианское исчисление времени с 1(14) февраля 1918 года) германское командование через остававшегося в Бресте в качестве председателя комиссии по перемирию генерала А.А. Самойло известило советскую сторону о возобновлении с 18 февраля состояния войны [108].

В Петрограде не сразу этому поверили. Троцкий 17 февраля направил радиogramму в Берлин, Вену и Брест-Литовск: «...Нами получено сообщение от господина Самойло, будто г. генерал Гофман заявил 16 февраля, что с 18 февраля в 12 часов дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как даже если допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом... должно быть сделано за семь дней, а не за два дня...» [109].

Гофман ответил телеграммой в Совнарком с подтверждением своего уведомления. На созванном 17 февраля заседании ЦК РСДРП(б) пятеро из присутствовавших членов (Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга) «высказались за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира», шестеро (Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе, Крестинский) хотели «выждать... до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и... не обнаружится его влияние на рабочее движение». На утреннем заседании 18 февраля вновь за немедленное обращение к Германии высказались шесть человек, против — семь [110].

Немцы начали наступление в назначенный день на всех участках своего Восточного фронта и на северном участке сразу заняли Двинск. На украинском направлении 18 февраля с утра полк конницы и королевский полк самокатчиков (мотоциклистов), усиленный броневиками, двинулись на Луцк, где немецкие разъезды после полудня заблокировали вывоз российской артиллерии и инженерного имущества [111]. Российские фронтовые части оказались не слишком пригодны для организованного сопротивления, но если встречали препятствия, то вооруженной рукой прокладывали себе дорогу, нанося неприятелю заметный урон. В телеграмме из Киева 27 февраля сообщалось, в частности, что «в Ровно по занятии его германцами и гайдамаками, отступающая с фронта кавалерийская дивизия вдребезги... разбила части противника», у Шепетовки «части 6 сибирского корпуса, разбив противника, двинулись дальше» [112]. Некоторые из советских отрядов (численностью не более 25 тыс. человек [113]), так основательно потеснившие у власти Центральную раду, оказывали сопротивление, но их возможности были несравнимы с силами германских и вскоре присоединившихся к ним австро-венгерских дивизий, насчитывавших до 450 тыс. человек.

Лишь 18 февраля вечером, когда в ЦК РКП(б) стали известны первые результаты немецкого наступления, предложение Ленина о немедленном обращении к Германии получило семь голосов (в том числе Троцкого) против пяти возражавших при одном воздержавшемся. Радиограмма в Берлин с протестом против германского наступления и выражением согласия подписать мир на условиях Четверного союза была направлена утром 19 февраля [114]. Но немцы потребовали письменного документа, который пришлось посылать с курьером. Германское наступление продолжалось. 22 февраля был опубликован написанный Лениным декрет Совнаркома «Социалистическое Отечество в опасности!» [115].

В первые дни неприятельского вторжения Сталин запрашивал украинское советское правительство в Киеве (через Харьков): «Почему Народный секретариат не дает о себе знать?», и сообщал далее: «Тактика на фронте, по общему мнению товарищей, должна выражаться [в] следующем: обороняться всеми силами, а там, где нет возможности обороны, взрывать все, что нельзя эвакуировать, портить дороги, беспокоить партизанскими набегами... Мы предлагаем принять к сведению... что голодные немецкие банды идут, между прочим, за хлебом и проч. продуктами, предлагаем немедленно приняться за вывоз на восток всех продуктов... Партизанские набеги советуем организовать незамедлительно. Артиллерийские и прочие склады должны быть эвакуированы в первую очередь, в том числе из Киева. Чего нельзя эвакуировать надо взорвать, чтобы ни один снаряд не попал в руки немцев» [116].

Стоит заметить, что такого рода тактика исходила от противников заключения мира. На заседании ЦК РСДРП(б) 17 февраля «за уничтожение всего имущества и военных материалов, полезных для Германии» высказались Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе. Воздержались Ленин, Свердлов, Сокольников, Смилга, Крестин-

ский. Сталин, выступавший за немедленное возобновление переговоров о мире, по этому вопросу не голосовал [117]. В разработке замысла тотального уничтожения имущества при отступлении активную роль играл Садуль, ратовавший за участие Франции в создании новой российской армии для продолжения войны. «Известно, с какой тщетной настойчивостью большевики обращались к нам за помощью в этой области. Был готов план, — писал он 19 февраля, сокрушаясь, что радиограмма в Берлин, посланная в этот день с утра, сделала ненужным этот план. — Предполагалось отступить, перерезать пути сообщения, взорвать склады боеприпасов, сжечь продовольственные склады и деревни, создать между нынешней линией фронта и центром России громадную пустыню. При этих мерах предосторожности Россия, защищенная зимой, распутицей, необъятностью своей территории, не может быть побеждена. Троцкий признал, что в случае необходимости придется оставить Петроград, Москву» [118].

Более того, Троцкий все еще хотел «воздействовать морально», «чтобы вышла политическая демонстрация» и с этой точки зрения видел даже некие глобальные выгоды в катастрофическом развитии событий. На решающем заседании ЦК 23 февраля он рассуждал: «Мы не были бы в плохой роли, если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении» [119].

21 февраля в телеграмме Затонскому Сталин писал, что германское правительство не торопится с ответом, «чтобы до конца ограбить страну и удушить революцию. Положение более серьезное, чем оно могло бы вам показаться... немецкие банды хотят прогуляться от Питера до Киева и там, только там, в этих столицах, заговорить о мирных переговорах». Нарисовал он мрачную картину прежде, чем предложить путь, пока только намеком, к тактике, которая, по мысли большевистского руководства, помогла бы сохранить советскую власть на Украине.

«Мне кажется, что договор старой Рады с немцами еще не аннулирован вами. Если это так, нам кажется, что вам не следовало бы торопиться», — осторожно заметил Сталин в этой телеграмме, полной невыполнимых призывов к решительной обороне. И потребовал незамедлительного ответа [120].

В ночь на 22 февраля ЦИК Советов Украины, обсудив «экстренные меры по обороне страны», решил объявить в Киеве осадное положение, создать комиссию по обороне с неограниченными полномочиями и выпустить «воззвание к населению и тем германским полчищам, которые двигаются на Киев для “наведения порядка”» [121].

В воззвании к населению, опубликованном 23 февраля, подчеркивалось, что «единый фронт... императора Вильгельма и изменников своему народу, украинских социал-демократов, Винниченков, Поршей и Петлюру» несет угрозу восстановления старых земельных и полицейских порядков. «Товарищи и граждане» призывались к партизанской борьбе. «Никакое соглашение невозможно, — романтически и максималистски заключали авторы воззвания. — Либо мы погибнем... либо продержимся до того момента, когда весь мир охватит пожар великой последней социальной революции» [122].

22 февраля германские представители вручили советскому курьеру ответ на обращение Совета народных комиссаров, содержащий новые, еще более жесткие, чем ранее предъявленные в Бресте, условия, в том числе по украинскому вопросу, одному из важнейших, с точки зрения советских руководителей. При обсуждении на заседании ЦК 23 февраля немецких условий за их принятие высказались семь человек, против — четверо, и еще четверо воздержались, чтобы официально не создавать перевеса противников подписания договора, чреватого уходом Ленина со всех постов [123]. Оппоненты его не решились принять на себя всю полноту ответственности.

24 февраля в 4 час. 30 мин. на заседании ВЦИК Советов вследствие солидарного голосования большевистской фракции сторонникам принятия германских условий удалось провести свое решение, несмотря на сопротивление фракции левых эсеров. На следующий день был составлен запрос Совнаркома к губернским, уездным советам и земельным комитетам об отношении к подписанию немецких условий. В нем помимо самих условий были представлены обе точки зрения на проблему. «При дезорганизованной и разложившейся нашей армии, в панике бегущей от наступающих немецких войск, оставляющей в руках врага всю артиллерию и фураж, — излагался взгляд сторонников подписания, «це-ка большевиков с Лениным», — при остроте переживаемого нами продовольственного кризиса, при общем утомлении от войны никакая вооруженная борьба невозможна и может лишь погубить советскую власть... Действительной революционной задачей является организация сил, создание дисциплинированной армии, упорядочение железных дорог...»

По мнению оппонентов — «це-ка левых эсеров», — подписание предложенных условий является ударом по движению трудящихся в Германии, Англии и Франции и «будет смертельным ударом по революционному движению, вызванному российской революцией в Украине, Литве, Финляндии, отрежет советский центр от [революционного] продовольственного центра, отдав хлебородную Украину во власть контрреволюционной Рады и австрийского империализма, лишит почвы все завоевания российской социальной революции — социализацию земли, право на продукт труда и принесет в жертву интересы интернациональной революции интересам национально-территориального охранения России» [124].

Потеря Украины волновала всех, не только левых эсеров. Так, Зиновьев, один из самых твердых сторонников скорейшего подписания мира, в самые критические дни

считал, что если немцы «потребу́ют выдачи украинских рабочих», то есть ликвидации советской власти на Украине, это может стать препятствием к принятию такого мира [125]. Участница решающего заседания ВЦИК в ночь на 24 февраля член Петроградского совета Л. Ступоченко вспоминала потом, как редактор «Известий ВЦИК» Ю.М. Стекло́в вопрошал: «А скажите, товарищ Ленин, как вы думаете исполнить пункт договора об отзыве наших войск из Украины? Бросим беззащитную страну на разграбление немцам?! Хитро прищуриваются глазки Ленина: — Из Украины войска отзовем по договору, только... там сам черт не разберет, где украинские войска, где русские. Очень возможно, что там вообще уже «русских войск» нет, а есть одна украинская армия. Присту́тствующие смеются» [126].

Было еще одно не оправдавшееся в дальнейшем предположение — что вне действия германских требований останутся образованная 17(30) января Одесская советская республика и провозглашенная на областном съезде Советов 30 января (12 февраля) Донецко-Криворожская республика (Харьковская, Екатеринославская губернии, Донецкий бассейн) как самостоятельная часть Российской федерации.

Еще до составления этого запроса Сталин 24 февраля сообщил по прямому проводу народным секретарям Затонскому и Ауссему о новых «зверских», по его словам, условиях мира, выделив те, которые касались Украины: от советского правительства требовалось немедленное заключение мира с Украинской народной республикой и очищение ее территории от русских войск и красногвардейцев, отвод военных судов Черноморского флота в русские гавани до заключения всеобщего мира или их разоружение, возобновление торгового судоходства в Черном и других морях, а также выполнение условий торговли, определенных украинским договором с Четверным союзом.

Сообщив эти данные, Сталин конкретизировал тот прозрачный и выбивавшийся из большевистской догматики план, на который он намекал в предыдущей телеграмме: «Нам кажется, что пункт об Украине означает не восстановление власти Винниченко (большевистское руководство не всегда принимало во внимание смену кабинета Украинской народной республики в январе 1918 года, по старой памяти называя его правительством ушедшего в отставку Винниченко. — *И. М.*), которая сама по себе не представляет для немцев ценности, а весьма реальный нажим на нас, рассчитанный на то, чтобы мы с вами согласились принять договор старой Рады, ибо немцам нужен не Винниченко, а обмен фабрикатами на хлеб и на руду».

Украинским большевикам предлагалось, чтобы подчеркнуть «идейное политическое братство Юга и Севера», а также ради спасения советской власти на Украине параллельно с петроградской послать свою делегацию в Брест и там заявить, что «если авантюра Винниченко не будет поддержана австро-германцами, Народный секретариат не будет возражать против основ договора старой Киевской Рады». Свое сообщение Сталин заключил пожеланием: «Мы бы очень хотели, чтобы вы поняли нас и согласились с нами по этим кардинальным вопросам несчастного мира» [127].

В тот же день Народный секретариат совместно с ЦИК Советов Украины принял решение направить свою делегацию в Брест. По сообщению правительственной газеты, делегации поручалось уведомить австро-германских представителей, что «торговый мирный договор, заключенный с Центральной радой, может быть подписан и рабоче-крестьянским правительством при условии невмешательства австро-германцев во внутренние дела Украины. В случае же предъявления... требования о возвращении в Киев Центральной рады и Генерального секретариата украинская делегация уполномочена заявить, что рабоче-крестья-

янского правительство никогда не согласится выполнить это требование и... будет вынуждено в таком случае продолжать войну» [128]. Ауссем в ночном разговоре с Харьковом, тоже опубликованном в местной печати, изложил позицию украинских советских лидеров: «Старого мирного договора... конечно, не признаем, но готовы заключить аналогичный договор на условии невмешательства в наши внутренние дела. Согласны на вывод российских войск из УНР, но, конечно, категорически возражаем против вывода нашего Червоного казачества и Красной гвардии, сформированной на Украине» [129].

Делегация Народного секретариата — народные секретари большевик Затонский, левый эсер Терлецкий, член ЦИК Украины беспартийный крестьянин Екатеринославской губернии Руденко и Неронович, член коллегии народного секретариата просвещения, член ЦК УСДРП и депутат Центральной рады — выехала из Киева 24 февраля, но в Петрограде делегатов Совнаркома уже не застала: им надо было спешить, так как немцы потребовали принятия своих условий в течение 48 часов. Петроградская делегация тоже была в новом составе: член ВЦИК Советов Г.Я. Сокольников — председатель, нарком внутренних дел Г.И. Петровский, Чичерин и Карахан. Иоффе поехал консультантом на тот случай, если бы удалось возобновить переговоры. Левые эсеры назначили консультантом в делегацию от своей партии помощника наркома земледелия Н.Н. Алексеева, по замечанию Зиновьева, «как будто мало смыслящего в этом вопросе» [130].

Однако Алексеев, как и Карелин, до Петрограда работал в харьковской организации левых эсеров и, по данным хорошо осведомленного П.А. Христюка, вместе с другим харьковчанином Качинским в декабре — январе налаживал сотрудничество российских и украинских левых эсеров [131]. Так что не исключено, что при сохранившейся важности украинского вопроса это назначение не было случайным.

Украинские делегаты приехали в Петроград утром, в седьмом часу, и неудивительно, что после звонка в Смольный тотчас были приняты Лениным: Украина оставалась самым болезненным пунктом брестской ситуации. Троцкий тоже присутствовал при разговоре, но не проронил ни слова и, по свидетельству Затонского, имел такой изможденный вид, что делегат-крестьянин, подумав, что это от голода, оставил им с Лениным по белой булке из того, чем украинцы запаслись в дорогу.

Ленин после общей беседы в отдельном разговоре с Затонским посоветовал «не очень торговаться с немцами. Самое главное теперь получить передышку, чтобы они нас не задушили, пока мы бессильны» [132]. Но можно ли было ожидать, что украинское советское правительство с легкостью согласится отдать власть, которую только что отвоевало у Центральной рады? У Ленина, как видно, после встречи с украинскими делегатами не возникло уверенности на этот счет, и 2 марта он направил русской делегации в Брест телеграмму с вопросом: «Прибыла ли в Брест-Литовск делегация Народного секретариата Затонский, Терлецкий и Неронович? Сообщите, какова ее позиция» [133].

Однако украинские делегаты не появились в Бресте. Из Петрограда они были экстренно отправлены в оставшемся от царских времен салон-вагоне с отдельным паровозом. На последнем участке железной дороги оказался взорван мост, и им, как перед тем петроградцам, дальше пришлось добираться на лошадях. Псков уже заняли немцы, вокруг действовали белые офицерские отряды. Один из таких отрядов накануне совершил нападение на петроградских делегатов, прежде чем те попали в Брест. Прибывших 28 февраля украинцев никто не ждал, несмотря на то что 27 февраля в Брест-Литовск на имя Гофмана, а также председателю русской мирной делегации (копии — в Вену и в Берлин) последовала телеграмма за подписью Затонского. В ней сообщалось: «Де-

легация Народного секретариата Украинской Республики... находится в пути из Киева в Брест-Литовск для подписания мирного договора, заключенного с бывшей киевской Радой. Прошу принять меры к облегчению дальнейшего пути». На обороте листка с текстом — помета о том, что «радиограмма передана с радиостанции Таврического дворца на Царскосельскую радиостанцию в 18 ч. 55 м. Царскосельская радиостанция передала по назначению в Берлин, Вену и Брест-Литовск. Квитанцию получили в 19 ч. 23 м.» [134].

Комендант Пскова, по словам Затонского, «откормленный немецкий лейтенант с моноклем в глазу и стеклом в руке», отказался пропустить их в Брест и разместил в конторе на станции под охраной двух солдат до получения специального распоряжения своего командования [135]. В конце дня 1 марта делегаты Народного секретариата, как описал потом Неронович (жить этому тридцатилетнему человеку оставалось совсем недолго. В конце марта 1918 года Неронович был схвачен на Полтавщине украинским отрядом под командой А. Шаповала и расстрелян [136]), решили «рассеять этот немецкий туман» и подали коменданту заявление «в решительных тонах» с требованием в течение трех часов «предоставить возможность дальнейшего следования для встречи с мирной делегацией Четверного союза» или «немедленного возвращения... за пределы линии немецких расположений».

К ночи пришел ответ немецкого командования: «Следующее должно быть передано устно: “Присутствующие в Брест-Литовске представители Четверного союза, признав законным правительство УНР, не придадут появлению упомянутых четырех господ никакого значения. Им предоставляется возвращаться в Петербург. Генерал-майор Гофман”» [137]. Хрупкая надежда ценой принятия на себя германских экономических требований сохранить на Украине советскую власть иссякла.

3 марта делегация Совнаркома подписала «продиктованный с оружием в руках» мир в том виде, как он был предложен, то есть с условиями о замирении с правительством Украинской центральной рады, признании его договора с Четверным союзом и выводе российских войск с украинской территории [138].

Начало германского наступления на Украине чрезвычайно воодушевило остававшуюся в Бресте делегацию Центральной рады. Она в те дни оказалась практически главным распорядительным центром украинской политики. Правительство Рады, опиравшееся на войско числом до 2 тыс. человек, лишенное связи с Брестом, не знало сперва, на каких основаниях началось немецкое вторжение, и лишь 8(21) февраля [139], в результате поездки своего военного министра к месту прибытия немецких частей и его встречи с германским генералом, получило информацию, что «все происходит в тесном контакте с украинской мирной делегацией в Бресте». На следующий день министры узнали, что в Ковеле формируется украинская дивизия и уже достигла численности в 800 новобранцев [140]. (Самостоятельно действовали отряд Петлюры и отряд генерала К.А. Приссовского. 9 марта военный министр А.Т. Жуковский докладывал коллегам, что рассчитывает составить войско численностью около 6 тыс. человек [141].)

Наконец, 14(27) февраля народные министры получили от Севрюка телеграмму относительно возможности заключения мира с Россией с предложением выработать его условия. Правительство Центральной рады, еще скитавшееся от станции к станции в железнодорожном составе на Волини, выработало условия и среди прочего с размахом начертало будущие границы Украины, включавшие «часть Кубани, часть Ростовского округа, Таганрогский округ, Черноморскую и Ставропольскую губернии, Путивльский уезд Курской губернии, четыре уезда Воронежской губернии, украинскую колонию в Сибири — Зеленый клин на

Амуре. Крым остается под влиянием Украины. Обеспечить дело колонизации Сибири... Весь флот на Черном море (также и торговый) принадлежит только Украине» [142].

И еще. «Украинская народная республика в принципе признает возможным принять часть долга России, но не свыше 1/4. Поскольку Россия в течение долгого времени эксплуатировала при помощи своей финансовой политики Украину, то Украинская Народная Республика считает справедливым предоставить оплату этого долга России» [143], — так элегантно завершался перечень претензий. Стоит припомнить, что пока лидеры Центральной рады проектировали преобразование России в федерацию, они делали заявку на 1/3 мест в федеративном правительстве [144]. Подобным образом в апреле 1918 года представительство Центральной рады в Германии — обязанности посла там временно были возложены на Севрюка — предъявило претензию на российскую собственность за границей. «Украинцы претендуют на одну треть имущества, следовательно должны принять одну треть долгов», — писал в донесении из Берлина назначенный полпредом Иоффе, напомнив еще, что в этом случае возникает вопрос и об оставшемся на Украине огромном военном имуществе бывшей империи [145].

Предъявить России составленные кочующим правительством Центральной рады победоносные условия молодым украинским дипломатам не удалось, хотя они, как видно, обратились с этим к советским представителям сразу по прибытии последних в Брест. Глава советской делегации Сокольников в письме от 1 марта, не отрицая обусловленного германским ультиматумом обязательства заключить мир с Украинской народной республикой, объяснил «господину председателю украинской делегации... что советская делегация уполномочена на подписание договора с Четвертым союзом, но не имеет полномочий на переговоры с делегацией украинского Совета народных министров» [146].

Оставаясь пока в расположении германского командования Восточного фронта, делегаты Центральной рады расширяли свою дипломатическую деятельность. 27 февраля они все трое, Севрюк, Любинский и Левицкий, подписали грозную радиограмму в Смольный: «По сообщению Генерального штаба украинской армии, большевики, оставшиеся в Киеве... угрожают, что на случай осады города Киева **украинско-немецкими** войсками они взорвут все вокзалы и публичные здания... Мы предупреждаем Вас, что за всякий вред, сделанный большевиками в Киеве, **будут отвечать своею жизнью все большевистские части, попавшие в плен**» [147].

Предупреждение оказалось излишним. Украинскому советскому правительству не удалось организовать оборону Киева: в городе осложнилась социальная ситуация, возник острый продовольственный кризис, среди военных имели место трения между отрядами различного происхождения; штаб по мобилизации в социалистическую армию не успел как следует развернуться. 26 февраля неожиданно пришла весть, что организованные силы противника от Фастова приближаются к Киеву. В последнем воззвании Народного секретариата к киевлянам, озаглавленном «Граждане — к порядку, революционеры — под ружье!», говорилось: «Положение серьезно... они уже не очень далеко от Киева... Правительство Украины еще остается на своем посту». Исполком Киевского совета, часть ЦИК Советов Украины и Народный секретариат действительно еще были в Дарнице [148], но скоро вынуждены были отойти, не дожидаясь столкновения с частями Центральной рады, предварявшими марш германских дивизий в качестве национально-политической декорации. Народный секретариат переехал сначала в Полтаву, затем в Екатеринослав и, наконец, в Таганрог, где 18 апреля был преобразован в Бюро по руководству повстанческой борьбой в тылу у оккупантов. В марте — начале ап-

реля немецкие и австро-венгерские войска заняли всю территорию Украины.

Ликвидация Украинской советской республики 1917–1918 годов явилась для украинских большевиков и советского правительства России одним из тяжелейших последствий Брестского мира. Но и торжество руководящей группы Центральной рады оказалось коротким. Возвращение в столицу не означало преодоления внутреннего кризиса власти УЦР и расширения ее общественной опоры. Напротив. «Рада... опирается теперь на немецкие штыки», — констатировал в докладе для командования Восточного фронта немецкий публицист К. Росс, прибывший на Украину в первых рядах немецких войск. В представленном им срезе социальной ситуации отмечались большевистские настроения украинских рабочих, как и значительной части демобилизованных солдат, малая популярность в народе национальной проблематики. «Украинская самостоятельность, на которую опирается Рада, — писал Росс, — имеет в стране очень слабые корни. Главным ее защитником является небольшая группа политических идеалистов... Главный интерес крестьян — о наделении землей... Если Рада что-либо изменит в III или IV Универсалах — о земле, то крестьяне пойдут за большевиками. Лозунг большевиков «Бери, все твое» очень заманчив» [149].

Живой иллюстрацией к этим социологическим выкладкам является «сценка с натуры», как назвал ее автор, — разговор группы крестьян села Бухня Сквирского уезда на Киевщине в момент приближения немецких войск: «Центральная рада — это буржуи. Они нас обкрутили. Там заправляет Грушевский, буржуй, австрияк...» — «Надо разогнать эту Центральную раду... Она приведет к нам помещиков, которые с нас шкуру сдерут». — «Надо слушать большевиков. Они нам все дадут. Помещиков вырежут, а людям дадут кому что надо». — «Да. Вот у меня хаты нет, так где-нибудь в помещицъей усадьбе и дадут... Мне уже

даже говорили «перебирайся», да только я побоялся, потому что Центральная рада немцев приведет... А вот как большевики победят, так будет хата». — «А то выдумали какую-то Украину. На черта она сдалась. Ничего о ней не слышали, и вот на тебе. Пусть лучше будет одна Россия, лишь бы всюду большевики были». — «Вот и мой в какие-то гайдамаки пошел, — откликнулась немолодая женщина. — Сбежал. Может уже и в живых нет». — «Черт знает что делается. Тот большевик, тот гайдамак. Может они все гайдамаки...» — «Да я сам бы на ту Центральную раду пуль с 20 с большой охотой выпустил бы...» — «Да что ты болтаешь? — отзывается... немолодая женщина. — Мой зять член в Центральной раде, а ты бы в него стрелял?!» — «Глупый ваш зять, вот и пошел в ту Центральную раду». — «Ты, я смотрю, очень умный, — отвечает женщина. — Если бы Раду поддержали, уже было бы все в порядке». — «Вот подожди, увидишь, какой будет порядок, если вернутся паны». — «Не слышите, что ли? В Билинивке стреляют из пушек. Немцы идут. Вот теперь помещики с нас школу сдерут...» [150].

Христюк, видный деятель Украинской партии социалистов-революционеров, привел эти диалоги в подтверждение своего тезиса о том, что украинских крестьян нельзя было отнести к осознанным приверженцам большевизма, но при этом оставил в стороне тот факт, что именно на эту партию, выступавшую как политическое представительство крестьянства, ложилась морально-политическая ответственность за неподготовленность крестьян к рационально обоснованному политическому выбору. В равной мере это относится и к тем российским партиям и политическим направлениям, которым народ предпочел большевиков.

Стремлению крестьян к земельному переделу противостояли интересы крупных и средних земельных собственников, которые после формального восстановления власти Центральной рады получили мощную опору в лице

германской армии. «Многочисленные поляки, прежде всего экспроприированные крупные землевладельцы завязывают отношения с штабом и ведут травлю против Рады», — заметил в своем докладе К. Росс [151].

Главное же — принцип социализации земли, провозглашенный Центральной радой в январе 1918 года, оказался в резком противоречии с целями центральных держав на Украине. При очевидной административной беспомощности украинской власти проведение этого принципа в жизнь грозило срывом весеннего сева и в дальнейшем — невыполнением поставок по договору.

К. Росс так описывал состояние администрации: «Нет никакой центральной власти, захватывающей более или менее значительную территорию. Отдельные области, города, уезды, даже села и деревни. Власть в них принадлежит различным партиям, авантюристам и диктаторам. Можно встретить деревни, опоясанные окопами и ведущие друг с другом войну из-за помещичьей земли. Отдельные атаманы властвуют в областях... В их распоряжении... пулеметы, орудия, бронированные автомобили...» [152].

6 апреля главнокомандующий германскими войсками на Украине фельдмаршал Г. Эйхгорн от своего имени издал приказ, срочно распространенный по селам, с предписанием произвести полный засев сельскохозяйственных площадей. Причем крестьянам разрешалось взять земли не больше, чем в настоящий момент смогли бы обработать. Иначе — строгое наказание. Образовавшиеся таким путем излишки площадей земельные комитеты должны были вернуть для засева помещикам, предоставив им инвентарь, посевной материал и прочее [153].

Украинское правительство сначала не обратило должного внимания на этот приказ. Только через неделю в ответ на запрос одного из депутатов в Малой раде послышались далекие от понимания печальной действительности протесты против «самовольного вмешательства германского и

австро-венгерского высшего командования в социально-политическую и экономическую жизнь Украины» [154].

Германский посол на Украине А. Мумм в личной беседе незамедлительно разъяснил Грушевскому, Голубовичу и Любинскому, назначенному к тому времени управляющим министерством иностранных дел, что без германской военной помощи никто из них не задержался бы на своих постах [155].

С этого времени дни Центральной рады были сочтены. К развязке подтолкнуло нелепое и курьезное похищение банкира А.Ю. Доброго, имевшего обширные деловые отношения с немцами. Украинские министры, не найдя повода для официального ареста банкира, организовали через подставных лиц его нелегальный захват, вывоз из Киева и содержание в вагоне на железнодорожной станции в Харькове. Эйхгорн на исчезновение нужного немцам человека отреагировал приказом от 25 апреля об охране Киева — с введением германского полевого суда, запретом уличных сборищ, агитации и так далее [156].

27 апреля на заседании Малой рады депутаты бурно возмущались таким вмешательством во внутреннюю жизнь Украины. Глава правительства Голубович в своем докладе утверждал, будто действия военного командования расходятся с политикой германского правительства в отношении Украины, и предлагал довести это до сведения Берлина [157].

На следующий день во время продолжавшихся дебатов к зданию Центральной рады подошла рота немецких солдат и перекрыла подходы к нему с двух сторон улицы, напротив входа был установлен броневик. Солдаты с пулеметами, револьверами и винтовками наизготовку ворвались в здание. В зале заседаний перед столом президиума немецкий офицер «именем германского правительства» приказал всем присутствующим поднять руки вверх. «Halt! Руки вверх!» — кричали солдаты и стучали прикла-

дами об пол. Приказ выполнили все, кроме председателя Грушевского. Офицер зачитал список подлежащих аресту министров — военного, внутренних дел, земледелия и иностранных дел. В зале оказались и были арестованы только Любинский и директор департамента в министерстве внутренних дел. Позже арестовали военного министра и жену министра внутренних дел. Всех присутствовавших на заседании переписали, произвели личный обыск и по одному выпустили из зала [158].

29 апреля Малая рада сразу в трех чтениях приняла конституцию — «Статут о государственном строе, правах и вольностях Украинской Народной Республики», а делегация во главе с Голубовичем направилась к германскому послу с заявлением о согласии в случае надобности сменить правительство и в земельном законе поднять неотчуждаемый максимум до 30 десятин. Но, по словам посла Мумма, было уже поздно [159].

В этот день проходивший в Киеве съезд земельных собственников избрал гетманом Украины потомка старинного украинского гетманского рода, бывшего генерала императорской свиты П.П. Скоропадского. «Историческое имя, хотя бы — германопослушный подголосок немецких генералов», — охарактеризовал политический облик генерала Иоффе [160]. Это был государственный переворот с отменой республиканского строя и «воскрешением политической археологии — гетманства» [161].

После этого стало еще яснее, что со времени заключения мирного договора с государствами Четверного союза украинская власть держалась исключительно благодаря австро-германскому военному присутствию. Перед общественным мнением германское правительство пыталось оправдать неприглядную роль своего военного командования в насильственной смене власти на Украине. Так, вице-канцлер заявил в комиссии рейхстага, сообщал Иоффе из Берлина 9 мая 1918 года, будто «на Украине был открыт

«заговор», к которому принадлежал один из членов Малой рады; заговорщики проектировали «сицилианскую вечерю» в отношении германских офицеров. Этим-де объясняется предварительный арест Рады. Что касается переворота, то и в прессе, и в комиссии дело изображают так, будто это чисто внутренний переворот» [162].

С поражением Четвертого союза в мировой войне пал гетманский режим, было утрачено единственное территориальное приобретение Брестского договора — Холмский округ, отошедший к Польше. Вена еще до того освободила себя от обязательства в отношении Восточной Галиции и Северной Буковины. С распадом Австро-Венгрии украинское население этих областей предприняло решительную, но неравную борьбу за собственную государственность [163].

Украинская народная республика была восстановлена после бегства гетмана. Но республиканские лидеры не смогли обеспечить ее дальнейшего полноценного существования в своей системе социальных и политических ценностей. Вовлеченная в орбиту Гражданской войны Украина в результате обрела формат национальной республики в составе Советского Союза. В рамках этого государства с присоединением в 1939–1940 годах под именем Западной Украины бывшей Восточной Галиции, Северной Буковины и в 1945 году — Закарпатья осуществилась стратегическая цель украинского национального движения со времени его зарождения — сведение всех украинских этнических земель в «соборную Украину».

Не принесли подписанные в Брест-Литовске договоры ожидаемых преимуществ государствам германской коалиции, которые в начале 1918 года и дипломатическим путем, и военной силой добивались ликвидации своего Восточного фронта и использования экономического потенциала контрпартнеров. В конце того же года все брестские договоренности потеряли силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. Залізняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // Берестейський мир. 3 нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 121–123.
2. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 109.
3. Залізняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // Берестейський мир. 3 нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 123.
4. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 133.
5. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 270.
6. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 30–31.
7. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 109.
8. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 1.
9. Дорошенко Д.И. Война и революция на Украине // Историк и современник. — Берлин, 1922. — Т. V. С. 118, 120.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 321.
11. Там же. С. 322.
12. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 10-а.
13. Там же. Л. 9.
14. Там же. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 12. Л. 242; опубликовано — Директивы командования фронтов Красной Армии 1917–1922. — М., 1971. Т. 1. С. 41.
15. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 22. Л. 125.
16. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 48–49.
17. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 31.

18. Цит. по: Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 29–35; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 106–112; УЦР. Т. 2. С. 120–121.
19. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 277–278, 280.
20. Там же. С. 289.
21. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 181.
22. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 146–150.
23. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 87. Л. 36–37.
24. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 175.
25. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.–Пг., 1923. С. 266.
26. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 90. Л. 11–12; Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 24.
27. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 51.
28. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2448. Л. 13.
29. Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 104–105.
30. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2448. Л. 12–13.
31. Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица: Биографический альманах. — М.–СПб., 1994. Т. 5. С. 192.
32. УЦР. Т. 2. С. 157.
33. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 30, 31.
34. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.–Пг., 1923. С. 267.
35. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 160–161.
36. Там же. Л. 164, 165.
37. Там же. Л. 166.
38. Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары. — М.–Пг., 1923. С. 267.
39. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 32.
40. Там же. Л. 20.
41. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 585. Л. 16.

42. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 128.
43. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5362. Л. 1.
44. Там же. Д. 5332. Л. 1–4.
45. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 52.
46. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4546. Л. 1.
47. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 489. Л. 3-об.
48. Verhandlungen des Reichstags XIII Legislaturperiode II Session. Band 311 Stenographische Berichte. — Berlin, 1918. S/4002.
49. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 113.
50. Там же. Л. 113–116.
51. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 90. Л. 10.
52. Там же. Л. 13.
53. Там же. П. 88. Л. 50.
54. Седьмой экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. — М., 1962. С. 66.
55. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 89. Л. 40.
56. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 176.
57. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 56.
58. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–4. Опубликовано частично: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 1. С. 272.
59. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 96. Л. 142–144.
60. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 182–184.
61. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 190.
62. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 133–134.
63. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 309.
64. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 58.

65. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. — М., 1968. Т. 1. С. 309, 312.
66. Там же. С. 312–313.
67. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 182; АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 89. Л. 42.
68. Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 134.
69. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. — М., 1993. Т. 20. С. 190–191.
70. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 16-об.
71. Там же. Ф. 04. Оп. 13. Д. 987. П. 70. Л. 26.
72. Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 60.
73. Там же. Л. 59.
74. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 332.
75. Там же.
76. Там же. С. 336.
77. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 51.
78. Седьмой экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. — М., 1962. С. 67.
79. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 190–191.
80. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 177.
81. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 64–66.
82. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. — М., 1920. Т. 1. С. 206–208.
83. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 112. П. 8. Л. 6.
84. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 114. Л. 1; Д. 115. Л. 1.
85. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 188.
86. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 88. Л. 62, 63, 67; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 44. Л. 21.
87. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 178.
88. Там же. Л. 179, 180.

89. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 189.
90. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 187; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 364.
91. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 185, 186.
92. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 286. Л. 80.
93. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 537. Л. 188–191.
94. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 364.
95. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 75.
96. Там же. Ф. 71. Оп. 19. Д. 286. Л. 80.
97. Троцкий Л. Моя жизнь. С. 362–363, 379.
98. Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 137–138.
99. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 80.
100. УЦР. Т. 2. С. 153–155.
101. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 117; УЦР. Т. 2. С. 156.
102. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 412. Л. 166–167.
103. Попик С.Д. Таємниця Брест-Литовська: до питання про австро-український протокол 1918 року // Питання історії нового та новітнього часу. — Чернівці, 1994. Вип. 3.
104. Цит. по: Солдатенко В. Сторінка з дипломатичної біографії В. Липинського // В'ячеслав Липинський в історії України. — Київ, 2002. С. 182–184.
105. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 117–118; УЦР. Т. 2. С. 156.
106. Зализняк М. Моя участь у мирових переговорах в Берестю Литовському // Берестейський мир. З нагоди 10-тих роковин. Спомини та матеріали. — Львів, 1928. С. 135.
107. Цит. по: Винниченко В. Відродження нації. — Київ–Відень, 1920. Т. 2. С. 292–293; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 463. Л. 141.
108. ДВП СССР. Т. 1. С. 105.
109. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1114. Л. 174.
110. Протоколи Центрального Комітета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 194–195, 199.
111. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2427. Л. 13.

112. Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 413. Л. 372–373.
113. Історія України. Нове бачення. — Київ, 1996. Т. 2. С. 45.
114. ДВП СССР. Т. 1. С. 106.
115. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357–358.
116. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4496. Л. 1; Д. 4498. Л. 1.
117. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 191–192.
118. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). — М., 1990. С. 190.
119. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 202, 212, 221.
120. РГАСПИ. Д. 207. Л. 2–3; Сталин И.В. Сочинения. — М., 1954. Т. 4. С. 39–40. В публикации адресатом указан Народный секретариат Украинской Советской республики.
121. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 96. Л. 250.
122. Там же. Л. 245–248.
123. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 211–218.
124. Ленинский сборник. — М.–Л., 1931. Т. XI. С. 61.
125. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 211–218.
126. Ступоченко Л. В Брестские дни (воспоминания очевидца). — М., 1926. С. 25.
127. РГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2-об. Опубликован с незначительными сокращениями и адресацией Народному секретариату — Сталин И.В. Сочинения. — М., 1954. Т. 4. С. 41–44.
128. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 96. Л. 304–306.
129. Там же. Оп. 35. Д. 413. Л. 362.
130. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) август 1917 — февраль 1918. — М., 1958. С. 222.
131. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 124.
132. Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 119.

133. Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 228. В комментарии к документу публикаторы ошибочно назвали местом приема Лениным делегации Народного секретариата Москву.
134. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1114. Л. 175–175-об.
135. Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію // Літопис Революції. — 1929. — № 4. — С. 120.
136. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. — Прага, 1942. Т. 1. С. 47.
137. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 413. Л. 266–270.
138. ДВП СССР. Т. 1. С. 117–119.
139. Малая рада УНР приняла григорианский календарь с 16 февраля (1 марта) 1918 г. — УЦР. Т. 2. С. 165.
140. Там же. С. 157, 159.
141. Там же. С. 187.
142. Там же. С. 167.
143. Там же.
144. Рубач М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.) // Летопись революции. — 1925. — № 2. — С. 63.
145. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 987. П. 70. Л. 11-об–12.
146. Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 103. Л. 22, 23.
147. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 109. Л. 11. Выделено было, очевидно, получателями.
148. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 96. Л. 317–332, 344–345; Д. 101. Л. 61.
149. Доклад начальнику оперативного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. // АРР. — М., 1991. Т. 1. С. 289.
150. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр. — Відень, 1921. Т. 2. С. 136–137.
151. Доклад начальнику оперативного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г. // АРР. — М., 1991. Т. 1. С. 289.
152. Там же. С. 288.
153. УЦР. Т. 2. С. 347.

154. Там же. С. 273.
155. Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). — М., 1936. С. 42–43.
156. Там же. С. 52.
157. УЦР. Т. 2. С. 314–317.
158. Там же. С. 317–325; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). — М., 1936. С. 53–58.
159. УЦР. Т. 2. С. 326–330; Винниченко В. Відродження нації. — Київ–Відень, 1920. Т. 2. С. 323–326.
160. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 20.
161. Могилянский Н.М. Украина во время войны. — ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
162. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 987. П. 70. Л. 32.
163. Подробнее см.: Михутина И.В. Западно-Украинская народная республика // Славяноведение. — 2006. — № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава 1	
Октябрьская революция и выход России из Первой мировой войны	7
ПРИМЕЧАНИЯ	31
Глава 2	
Провозглашение Украинской народной республики. Ее исходные внешнеполитические установки	35
ПРИМЕЧАНИЯ	71
Глава 3	
Развитие конфликта между Совнаркомом и правительством Украинской центральной рады	75
ПРИМЕЧАНИЯ	100
Глава 4	
Начало переговоров о мире с государствами Четверного союза	105
ПРИМЕЧАНИЯ	138
Глава 5	
Второй период брестских переговоров. Признание самостоятельного статуса делегации правительства Украинской центральной рады	143
ПРИМЕЧАНИЯ	168

Глава 6

Калейдоскоп событий в прямоугольнике

Петроград — Харьков — Киев — Брест 173

ПРИМЕЧАНИЯ 208

Глава 7

Затянувшийся финал брестских переговоров 213

ПРИМЕЧАНИЯ 270

Серия «Евровосток»

Ирина Михутина

УКРАИНСКИЙ БРЕСТСКИЙ МИР

**ПУТЬ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ СОВНАРКОМОМ РСФСР
И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ**

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Художественный редактор *С. Захаров*
Технический редактор *А. Монахов*
Обложка *дизайн-студия GARUSS*
Верстка *О. Павловский*
Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинша*

Подписано в печать 30.11.2006. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура Charter. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 1000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»